

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1949 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
 И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР,
 ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
 за 1947 г.¹

Академик Б. Д. ГРЕКОВ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В развитии советской исторической науки велика и бесспорна роль археологии. Исследования, основанные на археологических данных, имеют

Рис. 1. Уголок выставки

большое значение не только в области изучения глубокой древности, где археологам принадлежит полный приоритет, но и при освещении более поздних эпох.

Исходя из опыта тридцатилетней работы в области археологии, Академия Наук СССР включила в план Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра важнейшие проблемы древней истории нашей Родины. Археологами Академии Наук СССР изучаются: палеолит и нео-

¹ Часть докладов печатается в КС ИИМК, вып. XXVII, 1949 г.

лит, древние племена в эпоху бронзы, скифо-сарматское время, важнейшие этапы в древней истории народов Кавказа, Средней Азии и Сибири, античные города и их роль в истории местного населения Причерноморья, история древнеславянских племен, культура древней Руси и ее соседей, а также происхождение народов Восточной Европы. В соответствии с этим осуществляется и план археологических экспедиций ИИМК. Результаты его представлены в докладах и на выставке настоящей сессии Отделения истории и философии и на пленуме ИИМК (рис. 1—2).

Экспедиции ИИМК в 1947 г. были развернуты особенно широко. Президиум Академии Наук СССР в июне 1947 г. постановил расширить археологическое изучение древнерусских городов, восстанавливаемых после варварского разрушения немецкими фашистами, и выделил специальные средства на раскопки в Новгороде и Пскове.

Работа Новгородской экспедиции в 1947 г. далеко превысила объем раскопок, ведшихся в довоенное время. Этому значительно способствовала впервые применявшаяся здесь механизация раскопочных процессов. Результаты, достигнутые в Новгороде, особенно на вечерней площади и при исследовании внешнего пояса каменных стен, вполне оправдали затраченные усилия. Число добытых вещей огромно. Их изучение во многом расширяет наши сведения о ремесленном производстве и культуре городского населения древней Руси.

Помимо Новгорода и Пскова, раскопки велись и в других древнерусских городах: в Киеве, Чернигове, Коломне, Вологде и в столице СССР — Москве. Особо следует остановиться на раскопках в старейшем городе Руси — Старой Ладoge, где открыты древние слои поселения VII — IX вв., имеющие очень важное значение для выяснения древности славян на севере и происхождения древнерусских городов.

Новые данные получили археологи ИИМК при изучении города Болгара и памятников древних племен Прикамья, создавших Булгарское царство.

Вопросам истории древнеславянских племен Восточной Европы были посвящены исследования на левобережной Украине, по рекам Десне и Сейму, а также на юге, в пределах Молдавской ССР, где были открыты славянские городища и поселения.

Тесно связаны с вопросом славянского этногенеза и работы, ведшиеся ИИМК совместно с АН УССР по скифо-сарматской эпохе на Немировском городище и на памятниках эпохи полей погребений, открытых в связи с исследованием древнего поселения у Луки-Врублевещкой на Днестре. Собственно скифские древности изучались, главным образом, с целью выяснения значения скифских городищ, являвшихся на юге крупными ремесленными центрами скифского времени.

В 1947 г. продолжались работы на Неаполе Скифском, где развернулись раскопки самого города и главных городских ворот.

Тесно связаны со скифо-сарматской проблемой исследования, ведшиеся в 1947 г. на Северном Кавказе, где производились раскопки могильников и поселений местного населения, отразившие, однако, характерные черты культуры скифских и сарматских племен.

В Закавказье продолжались, совместно с АН Армянской ССР, исследования урартского города Тейшебаини, которые увенчались новыми выдающимися открытиями: например, находкой урартского шлема с надписью царя Сардура.

В Средней Азии с еще большим размахом велись исследования древнего Хорезма. Продолжение раскопок дворца Топрак-Кала привело к находке галереи статуй царей Хорезма III в. н. э. Авиаразведки экспедиции, направленные на Узбой, показали ошибочность мнения о впадении Аму-Дарьи

Рис. 2. Один из щитов на выставке

в Каспийское море в средние века. Течение воды по Узбою прекратилось еще в бронзовом веке. Исследования Пянджикента и Гиссара, ведшиеся совместно с Таджикским Филиалом АН СССР, дали большой материал по эллинистическому и средневековому периодам истории юга Средней Азии.

Развернутые при содействии правительства Киргизской ССР работы на Памире ликвидировали одно из самых досадных белых пятен на археологической карте СССР. С удовлетворением нужно отметить и возобновление совместных работ ИИМК и АН Казахской ССР на Иртыше, где очень много древних рудников и металлургических мастерских, а также на Сыр-Дарье, в районе знаменитого Отрара.

Касаясь изучения истории южносибирских народов, нужно отметить работу в Бурят-Монгольской АССР и в Тувинской авт. обл., где впервые проведено сплошное археологическое обследование, собран новый материал по орхон-енисейской эпиграфике. Большим успехом в работе ИИМК следует признать раскопки II Пазырыжского кургана, давшие замечательные образцы скифо-сарматского «звериного» орнамента и множество бытовых предметов из кожи, войлока, дерева и других обычно не сохраняющихся материалов.

Для изучения палеолита и энеолита ИИМК организовал в 1947 г. экспедиции, охватившие огромную область от западных до восточных границ, от северных до южных областей СССР. Этими раскопками собран новый материал по истории племен, населявших территорию СССР в глубокой древности.

Результаты раскопок по этому разделу археологической работы поднимают новые вопросы по истории родового строя. Таковы, например, исследования трипольских поселений и среди них раскопки во Владимировке, где открыто энеолитическое поселение с двумястами домов. Здесь, как и во многих других местах, найдены новые убедительные данные в пользу господства в древности матриархальных отношений.

Очень много новых материалов собрано археологическими экспедициями по этногенезу славянских и неславянских народов СССР. Этим еще более укрепляются выводы советской исторической науки о полной несостоятельности лженаучных построений расистов империалистических стран, стремящихся путем фальсификации доказать извечное расовое различие людей и этим оправдать классовое неравенство и колониальное угнетение.

Таковы вкратце результаты археологической работы Академии Наук СССР за 1947 г.

Как видно, сделано не мало. Однако нельзя останавливаться на достигнутом. Необходимо, чтобы все наши исследования были подчинены главному — борьбе марксистско-ленинской науки против ограничения задач исследования безидейным эмпиризмом, борьбе против аполитичности в науке. Каждый археолог должен знать, что хорошо раскопать памятник, определить его время и, может быть, этническую принадлежность — это только начало исследования. Главная задача заключается в объяснении наблюдаемых явлений, в смелой постановке новых исторических вопросов и в разрешении их на археологическом материале с помощью марксистско-ленинской методологии.

Вместе с тем, советские археологи должны помнить о необходимости борьбы против всяческих лженаучных «теорий», изобретаемых историками и археологами империалистических стран.

Успех в научной работе определяется прежде всего развертыванием смелой критики своих недостатков. Эта критика — «настоящая, смелая и независимая» — должна быть осуществлена на наших заседаниях. Тогда работа, к которой мы приступаем, послужит еще одним шагом вперед на пути, по которому нас ведет первый ученый нашей страны — великий Сталин.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

Работы Бурят-монгольской археологической экспедиции ИИМК и Научно-исследовательского института культуры и экономики Бурят-Монгольской АССР в 1947 г. были развернуты в трех районах, изучение древностей которых имеет решающее значение для разработки важнейших проблем древней истории бурят-монгольского народа.

Работы 1947 г. были начаты стационарными исследованиями замечательных наскальных изображений вблизи дер. Шишкино на Верхней Лене, между Качугом и Верхоленском. Изображения эти явились одним из первых археологических памятников Сибири, обративших на себя внимание исследователей. Еще в половине XVIII в. их отметил Г. Ф. Миллер; тогда же рисовальщик Камчатской экспедиции Люрсениус с большой точностью и усердием скопировал от руки несколько шишкинских наскальных изображений.

Тем не менее ленские писаницы были затем надолго забыты, и лишь в 1929 г. автору данного сообщения довелось снова открыть писаницы шишкинской «шаманки», в прошлом священной горы ленских, кудинских и ангарских бурят-монголов:

В 1941 г. здесь было сделано новое открытие: на одной из шишкинских скал оказалось древнейшее — по некоторым признакам — палеолитическое изображение дикой лошади. В 1947 г. были открыты новые наскальные изображения и получено полное представление о шишкинских писаницах.

Кроме обнаруженной в 1941 г. огромной (2.80 см длиной) фигуры дикого жеребца, в Шишкино было обнаружено еще два аналогичных по стилю рисунка — дикой лошади и дикого быка — бизона. По своим стилистическим чертам эти изображения наиболее характерных представителей исчезнувшей оригинальной фауны конца ледниковой эпохи во многом сближаются с образцами палеолитических росписей Европы.

Вторая группа наскальных изображений в Шишкино представлена изображениями властителя новых, уже послеледниковых ландшафтов Сибири, одного из наиболее характерных обитателей таежных пространств — лося, или, по-сибирски, сохатого. Рисунки лосей на шишкинских скалах, поражающие своим особым реалистическим совершенством, как и более древние тоже имеют очень большие размеры, достигая иногда почти натуральных размеров и удивительного сходства с натурой. Они могут быть датированы в большинстве случаев неолитическим временем, когда среди населения

лесной полосы СССР получает широкое распространение культ лося, тесно связанный с охотничьими обрядами и культурами.

Третья группа шишкинских писаниц резко выделяется из всех остальных своими фантастическими сюжетами и особыми стилистическими чертами. Сюда входит, в первую очередь, уникальное изображение мифического чудовища — дракона, живо напоминающее широко распространенные среди сибирских племен представления о страшном чудовище бездны — преисподней, и властители нижнего мира. По стилистическим чертам это изображение обнаруживает особенно близкую связь с хорошо известными металлическими изображениями ящероподобных и клыкастых чудовищ в искусстве бронзового периода и эпохи раннего железа. Самым же ранним образцом таких изображений является единственное в своем роде литое бронзовое навершие с изображением стилизованной змеиной головы, найденное при раскопках погребения средней стадии бронзового века вблизи дер. Шивера.

В 3-ю группу входят и изображения лодок, человеческих фигур и лани, образующие большую многофигурную композицию, своего рода фриз, на гладкой поверхности скалы под прикрытием далеко выступающего вперед скального карниза. Изображения лодок и человеческих фигур близ Шишкино сходны с известными композициями петроглифов севера Европы с карельскими наскальными изображениями и изображениями верхнего Енисея, датирующимися поздним неолитом и бронзовым веком. Все эти рисунки свидетельствуют не только о росте внешних связей древних племен Восточной Сибири с другими странами в эпоху бронзы и раннего железа, но и о глубоких внутренних сдвигах в идеологии местного общества.

К развитому железному веку относятся бесчисленные изображения всадников, верблюдов, лошадей, пеших людей в длинных халатах, целые военные и охотничьи сцены. Они яркими и выразительными штрихами рисуют жизнь древнетюркской народности, курыканов орхонских рунических текстов или гулиганей китайских летописей, обитавших здесь в 1-м тысячелетии н. э.

Значительное количество шишкинских рисунков относится к последующим временам, в том числе к столь важному историческому моменту, как время первого появления на Лене монгольских племен. На скалах уцелели интереснейшие изображения древнемонгольских кибиток, о которых говорится в древнейших письменных источниках по истории монголов. Кибитки, украшенные кистями и флагами, везут быки. За ними и впереди них едут вооруженные всадники. Все здесь изображено точно так же, как и в первых европейских сообщениях о странах великого хана и жизни его народа, с той лишь разницей, что это первые и пока единственные изображения жизни древних кочевников того времени, оставленные не европейцами, а их собственными художниками.

Исследованиями в районе рек Унги и Ангары (руководитель отряда Э. Р. Рыгдылон) обнаружено значительное количество новых, ранее неизвестных городищ курыканского времени, изучены остатки весьма интересных по стилю и содержанию писаниц на горе Хашхай, вблизи улуса Нукуты, а также выявлены следы старинных бурятских могил, захоронения которых связаны были с настоящими каменными «ящиками» типа плиточных могил, т. е. могил из поставленных на ребро плит.

Последующие работы в долине р. Селенги имели целью общее обследование ее древностей на всем протяжении, от границы с МНР до гор. Улан-Удэ.

Древнейшими археологическими памятниками на этом пространстве в долине Селенги являются палеолитические поселения. Среди многих вновь обнаруженных палеолитических поселений большой интерес представляет

стоянка в местности Няньги, где на обширной котловине выдувания собрано множество каменных изделий характерного вида и формы, нуклеусов, скребел и скребков, ножевидных пластин, изготовленных из черной кремнистой гальки. В числе находок, кроме больших полулунных скребел, имеются дисковидные нуклеусы и один превосходный двусторонне обработанный остроконечник мустьерского облика.

Раскопки интересного местонахождения «Кяхтинский обрыв» в гор. Кяхте, где ранее работниками местного музея и Кяхтинского отдела Русского географического общества были обнаружены каменные изделия палеолитического типа и кости четвертичных животных в сочетании с неолитической керамикой и кремневым наконечником стрелы неолитического же типа, дали еще более неожиданный результат. Под толщей песчаных отложений и торфянистых прослоек мощностью до 5 м вместе с каменными изделиями оказались кости животных, керамика гуинского типа и даже фрагмент железного изделия. Раскопки «Кяхтинского обрыва» вызвали первоначально предположение, что человек неолитического времени жил здесь одновременно с носорогом и мамонтом. В действительности же здесь, очевидно, в относительно позднее время произошло смешение культурных остатков различных эпох, после чего отложилась вся толща песка и торфянистых прослоек. Изучение «Кяхтинского обрыва» должно дать, таким образом, ключ к исследованию истории долины р. Кяхты, значительно более сложной, повидимому, на этом участке, чем это может показаться на первый взгляд.

Памятники последующей неолитической эпохи встречаются в долине Селенги значительно реже, чем палеолитические. Это может быть объяснено отчасти тем, что поверхности сложенных песками древних высоких террас, с которыми связаны палеолитические находки, значительно сильнее развеиваются ветром, чем поверхности нижних террас. Тем не менее бесспорно то, что неолитические остатки более многочисленны в северной части долины Селенги, чем в южной. Керамика неолитических поселений на Селенге, подобно неолитической керамике соседних районов Восточной Сибири, представлена фрагментами относительно тонкостенных сосудов с округлыми днищами. Орнамент на них штамповый и гребенчатый, несколько отличающийся от орнаментики неолитических сосудов Прибайкалья.

Самая богатая находками (из числа ранее обнаруженных неолитических поселений в долине Селенги) Березовская стоянка, вблизи гор. Улан-Удэ, дала большой и разнообразный подъемный материал, значительно полнее и ярче характеризующий местную неолитическую культуру на стадии расцвета — керамику, каменные изделия, в том числе из зеленого нефрита, костяные изделия и остатки фауны. Судя по фаунистическим остаткам, жители Березовской стоянки уже имели домашний скот (корову).

Особенно выделяются среди находок на селенгинских стоянках фрагменты сосудов особого рода — триподов, на трех ножках, поразительно близких к архаическим китайским сосудам типов «дин» (ting) и «ли» (li). Некоторые из них аналогичны древнейшим китайским сосудам данного рода, известным в неолитической керамике, другие относятся к более развитым формам бронзового века.

Памятники эпохи бронзы на обследованном пространстве очень многочисленны; это так называемые плиточные могилы основных типов: 1) прямоугольные оградки из вертикально поставленных плит иногда высотой около метра и более; 2) плоские могилы с вогнутыми сторонами и выступающими наугольниками по концам. Плиточные могилы, особенно первого типа — «дворы», как их называет местное население, — группируются вблизи скалистых выходов небольшими скоплениями. В одном случае та-

кая группа плиточных могил оказалась отгороженной тщательно сооруженной стеной из крупных вертикально поставленных плит.

Как известно, почти все плиточные могилы оказывались при раскопках разграбленными и притом, повидимому, неоднократно. Значительной удачей явилась поэтому находка в местности Херексурин-Ури, у колхоза «Махай», могилы, которая была лишь слегка нарушена грабителем; в ней вместе с пастовыми цилиндрическими бусами белого цвета и сердоликовыми бусами оказался совершенно целый череп. Изучение его привело Г. Ф. Дебеца к выводу, что население Забайкалья в эпоху бронзы, которому принадлежат памятники местной скифо-сибирской культуры, в отличие от населения других западных областей распространения этой культуры, отличалось признаками не европеоидного, а монголоидного расового типа. Со-

Рис. 3. Наскальные изображения человеческих фигур (р. Селенга)

бранные в 1947 г. материалы во многом расширяют наши представления и о материальной культуре обитателей Селенгинской долины в бронзовом веке.

К железному веку должны быть отнесены большие полусферические насыпи из каменных глыб, обнесенные квадратной или, реже, круглой оградой из поставленных на ребро камней. С одной стороны таких оградок обыкновенно имеются расположенные в один ряд круглые выкладки — кольца из небольших камней. В одной из таких могильных насыпей, полностью разграбленной, оказалась железная прямоугольная пластина, повидимому, от лат.

В большом количестве обнаружены на Селенге и поздние кочевнические погребения под небольшими, обычно овальными в плане, насыпями из камня или в виде захоронений в пустотах скал. Во многих пунктах по Селенге на прибрежных гранитных утесах зарегистрированы обильные древние наскальные изображения, выполненные красной охрой. Стиль и сюжеты селенгинских писаниц очень устойчивы и единообразны в своих основных чертах. В них преобладают схематические изображения челове-

ческих фигурок (рис. 3); часто встречаются своеобразные композиции из прямоугольников или кругов, сочетающихся с пятнами и человеческими фигурами. Такие писаницы могли, всего вероятнее (как и сходные с ними позднейшие таджикские настенные росписи), иметь магическое назначение, якобы способствуя размножению животных или увеличению родовых групп. Изображения животных относительно редки, что косвенно свидетельствует о незначительной роли охоты в жизни древнего населения Селенгинской долины.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

Среднеднестровская экспедиция 1947 г. исследовала правый и левый берега Днестра от Жванца и Хотина до Старой Ушицы и Кормана (Черновицкая и Каменец-Подольская области УССР). В настоящее время можно выделить в развитии палеолита Среднего Поднестровья ряд стадий, начиная от раннего ашеля и кончая поздним мадленом.

Наиболее древние из известных остатков заселения человеком бассейна Днестра, да и вообще всей территории Украины, были обнаружены поблизости от дотрипольского поселения на левом берегу Днестра у с. Лука-Врублевецкая Каменец-Подольского района. Обработанные кремни собраны на поверхности — на бичевнике Днестра, где они залегают среди гальки и кусков кремня, не несущих следов искусственного раскалывания. Распространение находок обработанных кремней ограничено примерно 400 метрами вдоль течения Днестра и 20—30 метрами — от воды до подножия первой надпойменной террасы. За пределами этой полосы находки исчезают. Всего найдено 50 древнепалеолитических кремней — отщепов, нуклеусов и ручных рубил. Отщепы составляют наибольшую группу (39 экземпляров); в размерах они сильно варьируют (от 3 до 12 см в поперечнике). Устойчивая форма среди отщепов отсутствует, но многие признаки общи для всех; эти признаки важны и для датировки. Все отщепы толстые, массивные, с чрезвычайно выпуклым ударным бугорком, имеющим значительные размеры. Ударная площадка у всех отщепов гладкая, без следов предварительной подправки и находится под тупым углом к нижней плоскости отщепа. Ретушь, формирующая контур орудия, отсутствует. В отдельных случаях ретушь наблюдается за очертаниями края отщепа.

Нуклеусов восемь; они так же архаичны, как и отщепы, более примитивны, чем мустьерские дисковидные нуклеусы. На них четко прослеживаются следы систематического скалывания ряда отщепов, но оббивка и ретушь, формирующие нуклеус и, в частности, его площадку, почти совершенно отсутствуют. Этим и объясняются отмеченные архаические черты откалывавшихся от таких нуклеусов отщепов.

Ручных рубил с двусторонней обработкой три; они грубы, массивны, обработаны большими глубокими сколами; имеют пятку и зигзагообразный рабочий край, отличаясь большой примитивностью от позднеашельских рубил, найденных, например, в пещере у с. Выхватинцы, ниже по Днестру (Молдавская ССР).

Открытие ручных рубил в 1947 г. полностью подтвердило датировку местонахождения, произведенную еще в 1946 г. на основании найденных здесь нескольких архаичных кремневых отщепов.¹

Местонахождение у Луки-Врублевецкой датируется серединой или началом ашельского времени. Оно одновременно наиболее древним ашельским местонахождениям Абхазии, таким, как Яштух. Следует подчеркнуть полную однородность нашего кремневого комплекса, отсутствие в нем примеси верхнепалеолитических или неолитических форм орудий и заготовок.

Мало вероятно, что ашельские кремни были перенесены сюда водами Днестра из какого-то другого места. Такому предположению противоречит то, что кремни сконцентрированы на сравнительно небольшой площади и слишком мало окатаны. Возможно, что кремни были отложены здесь же на месте в результате размывания находившейся над ними древней террасы, в которой они залежали.

Там же, у Луки-Врублевецкой, на бичевнике левого берега Днестра, примерно в 1 км ниже описанного местонахождения, было найдено несколько кремневых отщепов и одно двусторонне обработанное рубило. Оно сделано с помощью двусторонней отески из небольшого куска кремня; по размерам оно меньше, чем рубила из первого местонахождения. Пятка на нем отсутствует и края прямые, а не зигзагообразные. Это второе местонахождение можно предположительно датировать концом ашельского времени и считать одновременным Выхватинцам.

На бичевнике правого берега Днестра, у Хотина, примерно в 500 м выше Хотинской крепости, было собрано 20 обработанных кремней — отщепов и нуклеусов. Часть отщепов имеет такие же архаичные признаки, как и отщепы Луки-Врублевецкой, но есть и экземпляры с маленькой отретушированной ударной площадкой. Нуклеусы плоские, дисковидные, напоминают мустьерские формы. Среди подъемного материала совершенно отсутствуют кремни верхнепалеолитических или неолитических типов. Хотинское местонахождение можно предположительно датировать раннемустьерским временем. Оно связано с типичными мустьерскими местонахождениями этого района — Молодова и Наслевча.

Для подавляющего большинства верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья, в частности для обследованных экспедицией 1947 г., характерно отсутствие выраженного культурного слоя: он размыт и переотложен. Большая часть заполнявших его обработанных кремней в настоящее время лежит на поверхности. Верхнепалеолитические поселения расположены на плато и на высоких террасах, от 40 до 100 м выше современного уровня Днестра. Человека привлекали сюда удобные для охоты берега, перерезанные глубокими оврагами и круто обрывающиеся к Днестру, а также обилие месторождений кремня.

К наиболее ранней группе верхнепалеолитических памятников этого района — ориньякской — относится стоянка у с. Бабино, в уроч. Яма. Происходящие оттуда кремневые нуклеусы и пластины крупных размеров (до 15 см длины) довольно правильных очертаний. Для кремневого инвентаря характерно присутствие скребков с сужающимся лезвием, крупных острий и скошенных резцов. Кремневый инвентарь этой стоянки сильно отличается от кремневого инвентаря других верхнепалеолитических памятников этого района и ближе всего напоминает ориньякский слой грота Станца Рипицены, расположенного на правом берегу Прута в 80 км от территории работ экспедиции.

К следующей, раннемадленской, группе памятников относится стоянка у с. Студеница, в уроч. Белая Гора. Для ее кремневого инвентаря харак-

¹ КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 46.

терно преобладание резцов, главным образом грубых, атипических на массивных кусках и отщепах кремня. Раннемадленский возраст верхнепалеолитических памятников с такого рода инвентарем в свое время убедительно показал П. П. Ефименко.

Третья, среднемадленская, группа памятников представлена стоянками Кишла — Неджимова и стоянкой у с. Вороновицы, в уроч. Барвинская Гора. Для ее кремневого инвентаря характерны небольшие нуклеусы правильных очертаний и такие же узкие пластинки, скребки на коротких сечениях пластинок, узкие пластинки с затупленным краем и острия в форме клинка перочинного ножа. Этот инвентарь больше всего напоминает мадленский слой того же грота Станца Рипицены. В этом гроте ориньякский слой и мадленский разделены слоем, давшим образцы характерной солотрейской ретуши. Таким образом, возраст этих слоев устанавливается бесспорно.

Наконец, к позднемадленскому времени относятся памятники типа стоянки Марьяновка III, расположенной на правом берегу Днестра, открытой С. Н. Бибиковым в 1945 г.; она дала двойные и округлые скребки уже геометризованных очертаний.

А. П. ЧЕРНЫШ

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВСКОЙ ССР

Основная часть территории Молдавской ССР расположена на плато между двумя крупными водными артериями — р. Прут с запада и р. Днестр с востока. Во время 20-летней оккупации Бессарабии Румынией эта территория изучалась румынскими археологами.¹ В результате исследований было открыто 22 палеолитических местонахождения на Пруте и 21 на правом берегу Днестра.² Территориально большинство из них выходит за пределы МССР: одни палеолитические местонахождения, обнаруженные на Пруте, находятся на территории Румынии; другие, обнаруженные на левом берегу Днестра, находятся в Черновицкой обл. УССР и лишь два пункта зафиксированы для МССР.

Десятки новых палеолитических местонахождений на среднем течении Днестра обнаружены на территории УССР многолетними разведками М. Я. Рудынского (работавшего в 20-х годах XX в.) и работами последних лет С. Н. Бибикова и П. И. Борисковского.

Территория же Молдавской ССР в своей восточной части, примыкающей к Днестру, в палеолитическом отношении являлась до последних лет мало изученной, и нам не были известны древнейшие памятники этой территории.

Решительный сдвиг в этом отношении произошел в послевоенные годы, когда развернул археологические исследования Молдавский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. В октябре 1946 г. этот институт и начальник Молдавской археологической экспедиции 1946 г. П. П. Ефименко поручили автору данной статьи провести все необходимые работы по консервации скального навеса в овраге Риша Мафтея, возле с. Выхватинцы Рыбницкого района МССР, где Г. П. Сергеевым были обнаружены кремневые изделия позднеашельской эпохи и древняя фауна. По окончании этих работ были произведены разведки на левом берегу Днестра, возле с. Выхватинцы. В 1947 г. в районе с. Выхватинцы работала экспедиция под руководством М. В. Воеводского.

В этом же году автор данной статьи, по поручению начальника Трипольской экспедиции Т. С. Пассек, снова произвел разведки в том же районе.

¹ N. N. Moroşan. Evolutia cercetarilor preistorice-paleolitice din Romania rezultatele obtinute, Chisinau, 1933.

² C. Ambrozewicz. Beiträge zur Kenntnis der Aurignacienkultur Bessarabiens und der Bukowin. WPZ, XVII, Wien, 1930.

Село Выхватинцы расположено на 1-й и на склонах 2-й и 3-й надпойменных террас Днестра и тянется с юга на север вдоль левого берега реки. Крайние северные и северо-восточные усадьбы деревни находятся на мысе 3-й террасы. Этот мыс с востока граничит с оврагом Рипа Мафтея, с юга ограничен ручьем, вытекающим из громадного четырехкилометрового оврага Вермитка, а с запада — р. Днестр. В этом районе везде прослеживаются выходы известняков сарматского времени, громадными глыбами выступающими в оврагах, образуя их склоны. На улицах северо-восточной части с. Выхватинцы встречается много патинизированного кремня. Это и побудило в 1946 г. начать разведочные работы.

Разведки 1946 г. производились в северной части деревни, по склонам мыса 3-й террасы, а также между селами Выхватинцы и Гидерим, вдоль склона левого берега реки, в направлении на север. Разведками была осмотрена площадь больше 4 км².

Первый пункт находок был обнаружен на юго-восточном склоне мыса, западнее оврага Рипа Мафтея (Выхvatинцы I).

Второй пункт находок (Выхvatинцы II) обнаружен разведками 1946 г. на юго-западном склоне мыса, на расстоянии 800 м от пункта Выхvatинцы I в направлении на запад к р. Днестр. Находки собраны на площади до 500 м². Часть находок была прослежена в слое галечника мощностью до 50 см, который покрывал известняковые третичные породы. Сверху галечники были покрыты небольшим слоем серого суглинка с желтоватым оттенком. Мощность суглинков 15—20 см. Здесь найдено 84 экземпляра кремневых изделий.

Третий пункт находок (Выхvatинцы III) обнаружен в 700 м севернее Выхvatинцев II. Здесь собрано небольшое количество материалов.

Общим для этих трех местонахождений является следующее: кремневые орудия обнаружены в галечниках, лежащих на миоценовых породах или же на поверхности размытых выбросов окопов, ям и канав, т. е. в выброшенных и рассеянных делювиальными потоками галечниках.

Нивелировкой была определена высота местонахождения Выхvatинцы II над уровнем Днестра. Эта высотная отметка подтверждает мнение, что местонахождение Выхvatинцы II является мысом 50-метровой террасы Днестра. Многие исследователи, в частности геолог Н. Н. Морошан, много времени посвятивший изучению палеолита Днестра,³ датируют эту террасу рисским временем. Следовательно, наши находки связаны с галечниками, покрывающими рисскую террасу, что очень важно для выяснения вопроса о времени отложения обнаруженных здесь материалов.

Среди собранных в пунктах Выхvatинцы I, II, III находок наиболее выразительными являются орудия типа рубил, скребла, скреблообразные орудия и группа кремневых обломков, имеющих зачастую лишь 2—3 скола со следами употребления в качестве режущих орудий.

Наиболее интересным экземпляром из всех находок является ручное рубило, изготовленное на массивном отщепе светлосерого камня (рис. 4—1).⁴ Размеры этого экземпляра 77 × 58 × 25 мм, вес 155 г. Покрывается орудие бело-серой патиной. Рабочий край с одной стороны зигзагообразный, второй край представляет ровную полукруглую линию. Зигзагообразный край орудия образован двусторонней подтеской и широкофасеточной ретушью, а полукруглый рабочий край сформован серией широких фасеток, которые в своей вершине заламываются. На данном орудии широкофасеточной ретушью отретушированы два противоположных края. Следы сработанности прослеживаются на этих двух краях и на вершине орудия. Сле-

³ N. N. Morošan. La pleistocène et la paléolithique de la Roumanie du Nord-Est, Bucarest, 1938.

⁴ Все зарисовки кремневых орудий выполнены художником Г. А. Гегиним.

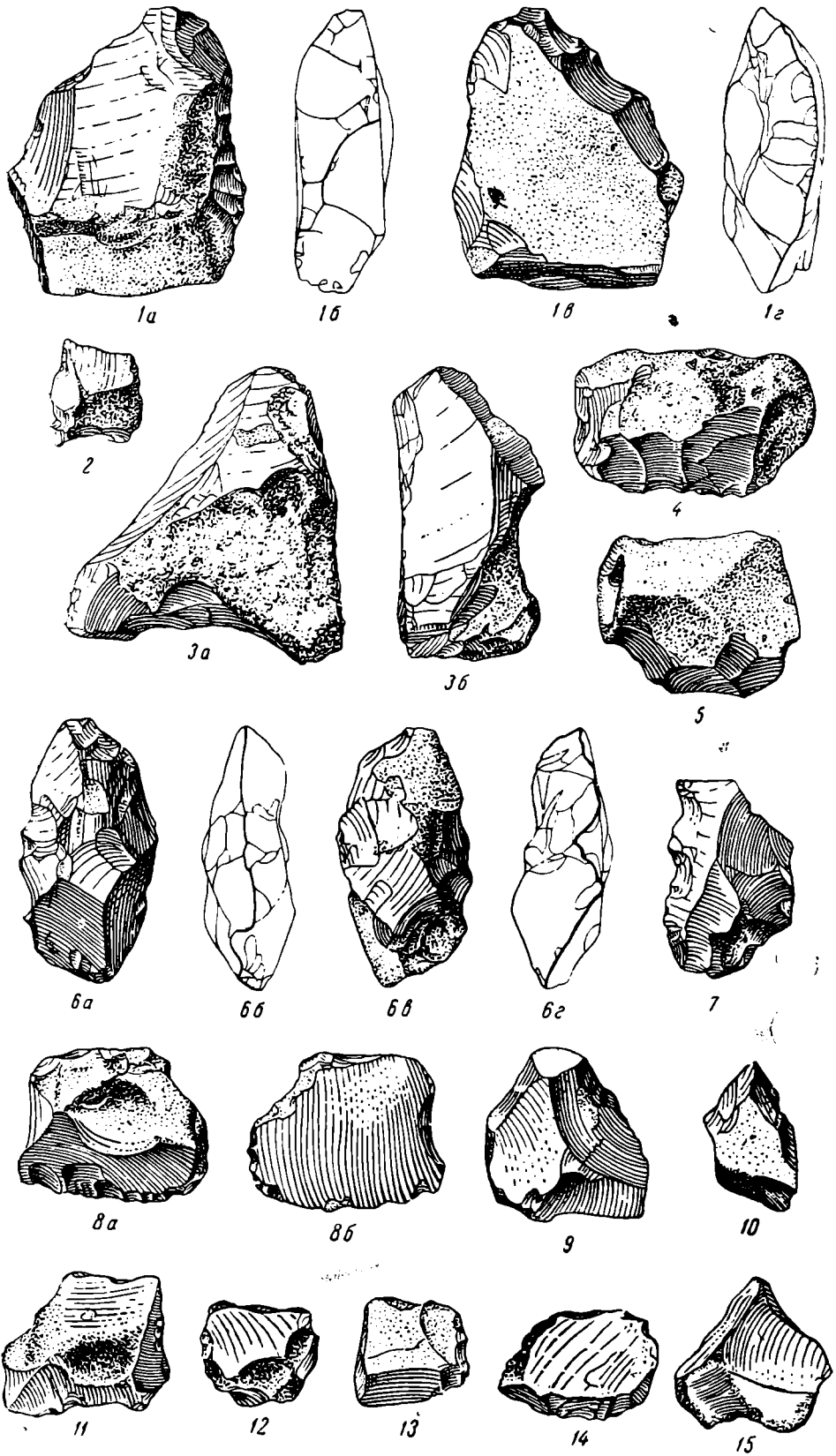

Рис. 4. Каменные орудия палеолитических стоянок Молдавии (с. Выхватинцы)

1 а, б, в, з — рубило-скребло; 2 — скребло; 3 а, б — выемчатое скребло-резаك; 4 — скребло; 5 — скребло; 6 а, б, в — рубило; 7 — отщеп; 8 а, б — скребло; 9 — нуклеобразный обломок; 10 — обломок с обработкой по краю; 11—14 — скребла; 15 — резцобразное орудие

довательно, оно употреблялось как ударное, в качестве ручного рубила, а также как скребло и режущее орудие. Интересным орудием, напоминающим по форме небольшое рубило, является орудие № 6 (рис. 4), обнаруженное в 1946 г. на пункте Выхватинцы I. Оно изготовлено на обломке черного кремня и покрыто белой патиной (размеры $70 \times 37 \times 22$ мм, вес 58 г). Рабочий край его представляет зигзагообразную линию и образован двусторонним обтесыванием. Небольшие размеры свидетельствуют о том, что оно не было ударным, а употреблялось в качестве режущего орудия.

В 1947 г. на этом же местонахождении было обнаружено скребло (рис. 4—4) размерами $62 \times 40 \times 22$ мм, изготовленное из небольшого кремневого желвака серо-коричневого цвета; рабочий край образован широкофасеточной ретушью. Орудие покрыто бело-серой патиной и имеет следы сильной сработанности.

В пункте Выхватинцы II обнаружено небольшое скребло ($40 \times 10 \times 48$ мм), изготовленное на отщепе темнокоричневого кремня с большим ударным бугорком. Орудие покрыто белой патиной и толстой известковой коркой. Рабочий край скребла сформован односторонней ретушью.

В этом же пункте было обнаружено треугольное трехконечное орудие (рис. 4—3), являющееся выемчатым скреблом-резаком; размеры его $58 \times 90 \times 34$ мм. Сработанность заметна на выемчатом крае и на острой грани одного из концов. Здесь же найдено скреблообразное орудие (рис. 4—5), у которого рабочий край образован односторонней широкофасеточной ретушью. Снова был использован желвак с легкой подправкой.

На рис. 4—11 представлено скреблообразное орудие, изготовленное на обломке кремня. Острые грани слегка подправлены примитивной ретушью. На этом же рисунке (рис. 4—2, 10, 14) изображены кремневые обломки, по форме приближающиеся к небольшим остроконечникам. На этих экземплярах имеются следы ретуши; орудия эти употреблялись в качестве режущих. Среди находок встречена форма, близкая к дисковидному нуклеусу (рис. 4—9); размеры экземпляра $40 \times 45 \times 18$ мм.

Из изложенного видно, что инвентарь, обнаруженный в трех указанных пунктах, характеризуется наличием орудий, по форме и по назначению близких к рубилам, наличием скребел и скреблообразных орудий (их большинство), большим количеством обломков и осколков, слегка подправленных и со следами сработанности. Отщепы встречены в небольшом количестве, что свидетельствует о том, что обработка кремня производилась в другом месте.

Возникает вопрос о датировке этих материалов. Трудно определить время находок, представленных в небольшом количестве, обнаруженных на поверхности и не связанных с находками фауны. Необходимо учесть технику обработки орудий наиболее выраженных форм, ибо лишь это дает возможность привлечь сравнительный материал. Наиболее интересные орудия данных пунктов обработаны широкофасеточной, ступенчатой ретушью или «ретушью с заламами», по Г. А. Бонч-Осмоловскому. Такая ретушь прослежена в гроте Киик-Коба, но преобладает она в верхнем горизонте грота.⁵ Бонч-Осмоловский называет нижний горизонт аморфной стадией, а верхний датирует позднеашельской эпохой. По датировке П. П. Ефименко, нижний слой Киик-Коба относится ко времени премутье, а верхний горизонт — к мутье.⁶ Судя по рисункам, опубликованным С. Н. Замятниным, часть орудий позднеашельского местонахождения Яштух (Абхазия) обработана такой же ретушью.⁷

⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба. АН СССР, 1940.

⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество, 1938.

⁷ С. Н. Замятнин. Находки нижнего палеолита в Армении. Изв. АН СССР, Обществ. науки, вып. I, Эривань, 1937.

Рубило-скребло из пункта Выхватинцы II имеет два противоположащих края, обработанных широкофасеточной ретушью. Появление орудий с противоположащими обработанными краями довольно точно зафиксировано. Такая особенность техники производства появляется в позднем ашеле и является характерной для группы памятников раннего мустье. Это дает нам возможность отнести материалы, обнаруженные в пунктах Выхватинцы I, II, III, к позднему ашелю, чему не противоречат геологические условия залегания находок.

Кроме указанных местонахождений, в 1946 г. были обнаружены находки более позднего времени.

Верхнепалеолитическое местонахождение было прослежено на юго-восточном склоне мыса, находящегося севернее Выхватинцев на высоте около 30 м выше уровня Днестра. На данном пункте (Выхватинцы IV) были собраны находки и в 1947 г. Среди них следует отметить два нуклеуса (рис. 5—38 и 41), один нуклеобразный резец (рис. 5—39) и несколько пластин и отщепов (14 экз.). Кремневые изделия покрыты белой патиной.

Особое место среди сборов 1946 г. занимает крупное кремневое рубящее орудие размерами $105 \times 63 \times 122$ мм и весом 1 кг. Это орудие формой напоминает массивный дисковидный нуклеус. Рабочий край образован серией односторонних сколов. Орудие изготовлено из серо-черного кремня и с одной стороны покрыто светлосиней патиной. Находка является макролитическим рубящим орудием и была обнаружена на южном склоне небольшого оврага, находящегося в 1 км севернее Выхватинцев (пункт Выхватинцы V).

В 1947 г. были зафиксированы новые палеолитические местонахождения.

В пункте Вермитка I было собрано 458 кремневых орудий. Эти орудия были подняты с поверхности юго-западного мыса южного склона Вермитки, на площади больше 200 м². Среди орудий встречено 5 нуклеусов, нуклеус-отбойник, 4 скребка, скребок-резец, 5 пластинок с притупленной спинкой и 7 резцов. Изделия покрыты белой и синеватой патиной. Был использован светлокоричневый кремень. Нуклеусы (рис. 5—2—8) небольших размеров (32—41 мм), а формой не выходят из группы приближающихся к призматическим. Нуклеус-отбойник (рис. 5—1) — наибольшая по размерам находка данного пункта. Скребки изготовлены на концах небольших пластин (рис. 5—6, 7, 16). Один скребок — орудие комбинированного назначения, является также и срединным резцом (рис. 5—9). Пластинки с притупленной спинкой (рис. 5—14, 17, 18, 20) обычны для позднепалеолитических памятников; лишь один экземпляр (рис. 5—19) напоминает острие типа Граветт. Среди резцов встречены четыре срединных (рис. 5—12, 13), остальные угловые и боковые. Один срединный резец (рис. 5—10) изготовлен на обломке пластины с ретушью по краю. В одном экземпляре было обнаружено режущее орудие дисковидной формы, размерами $60 \times 45 \times 25$ мм. По характеру инвентаря Вермитка I относится к позднему мадлену.

Следующим новым пунктом является местонахождение Вермитка II, прослеженное на северо-западном мысе северного склона оврага Вермитка на площади около 500 м². Находки были собраны на поверхности, на высоте около 90 м над уровнем реки. Среди инвентаря (111 экз.) встречено 5 нуклеусов, 11 скребков, 2 резца, 6 пластин с краевой ретушью. Инвентарь покрыт белой и бело-синеватой патиной. Нуклеусы небольшие по размеру (не превышают 45 мм), с одной ударной площадкой, по форме приближаются к уплощенно-призматическим (рис. 5—24—26). Среди скребков преобладают скребки округлой формы на небольших пластинках и отщепках (рис. 5—31, 32, 35, 37, 38). Лишь один скребок (рис. 5—28) изго-

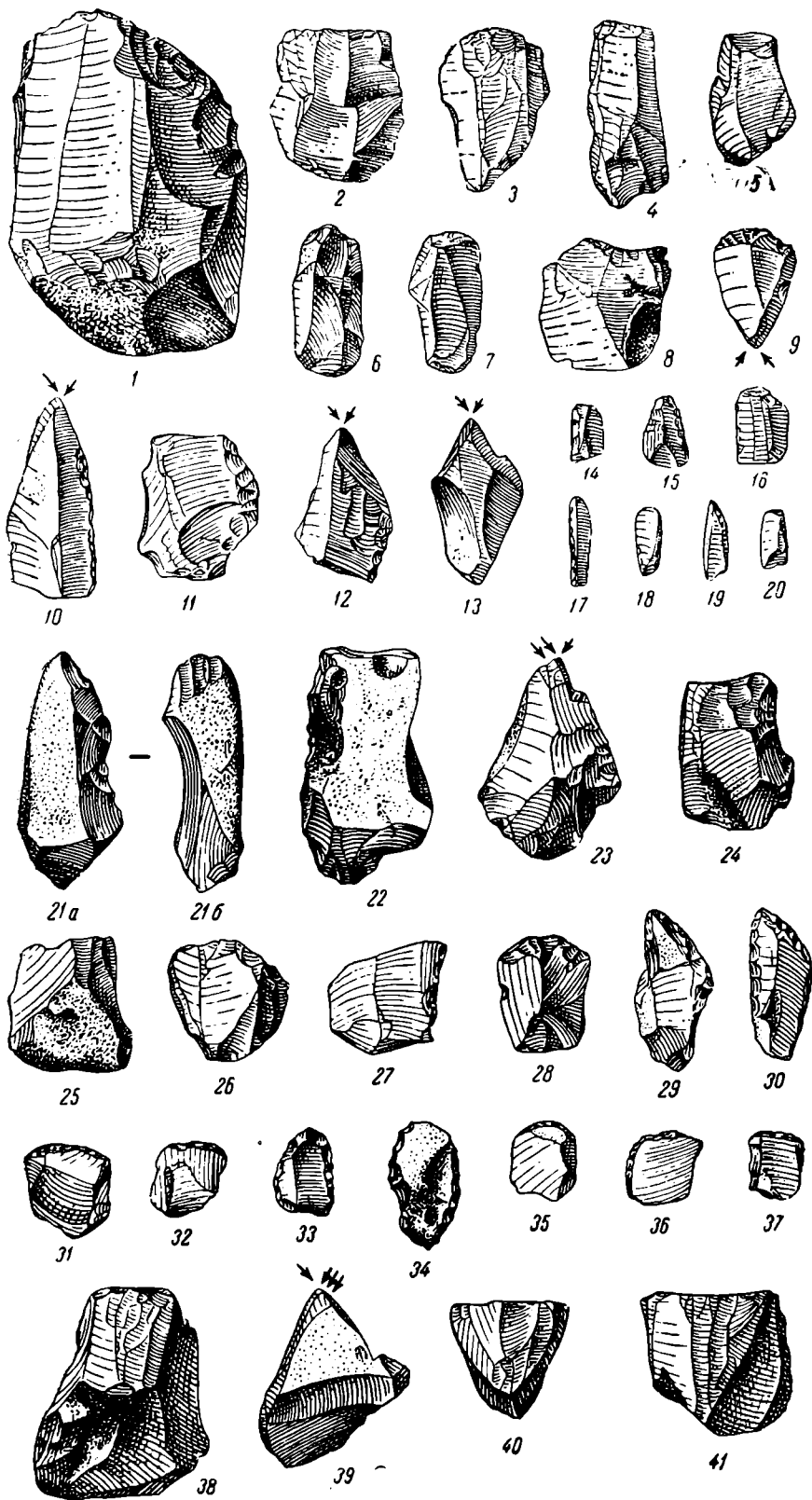

Рис. 5. Каменные орудия палеолитических стоянок Молдавии (с. Выхватинцы-Вермитка)

1—нуклеус-отбойник; 2—5— нуклеусы; 6, 7— скребки; 8 — нуклеус; 9 — скребко-резец; 10 — средний резец; 11 — фрагмент пластины с ретушью по краю; 12, 13—срединные резцы; 14, 15— фрагменты пластин с краевой ретушью; 16— скребок; 17, 18 — пластины с притупленной спинкой; 19 — пластинка со скошенным ретушью краем; 20 — пластинка с притупленной спинкой; 21 а, б — клявевидный резец; 22—нуклеообразный скребок; 23— нуклеообразный резец; 24—26— нуклеусы; 27— фрагмент пластины с ретушью по краю; 28 — скребок; 29 — массивная пластинка с краевой ретушью; 30 — пластина с краевой ретушью; 31, 32 — скребки; 33, 34 — отщепы с краевой ретушью; 35— 37 — скребки; 38—нуклеус; 39 — нуклеообразный резец; 40, 41 — нуклеусы

товлен на конце небольшой утолщенной пластины; размерами он превышает все остальные и отличается своей формой. Массивный срединный резец представлен на рис. 5—23, а килевидный резец на рис. 5—21. Обнаружен также и скребок с сужающимся к основанию рабочим краем (рис. 5—22). В данном пункте обнаружена группа пластин и отщепов с круговой краевой ретушью (рис. 5—27, 29, 30, 34), близких к многим типам орудий ранних эпох верхнего палеолита. Остальной материал представлен пластинами, отщепами, обломками. Возможно, что здесь собран инвентарь двух стадий — мадлена и более ранней эпохи верхнего палеолита.

Из изложенного видно, что пункты Вермитка I — II имеют некоторые черты ориньяка. Это явление характерно и для группы местонахождений верхнепалеолитического времени, прослеженных М. Я. Рудынским на среднем течении Днестра, что дало возможность этому исследователю отнести все эти памятники к ориньякскому времени.⁸ С другой стороны, П. П. Ефименко датирует верхнепалеолитические памятники Днестра временем мадлена с ориньякской традицией; таким образом, исчезла группа памятников, предшествующих мадлену.⁹

Несомненно, что верхнепалеолитические памятники Днестра являются разновременными, и своеобразие развития этапов этих памятников будет уточнено в будущем. П. И. Борисковским предложена схема периодизации верхнепалеолитических памятников среднего течения Днестра, в которой он отличает среди этих памятников три разновременные группы.¹⁰

Разведками 1947 г. на правом берегу Днестра, у с. Сахарна Резинского района, было собрано несколько отщепов и обломков палеолитического облика, что дает возможность предположить здесь наличие стоянки. Остальные находки палеолитического характера были сделаны возле с. Городище и возле с. Екимауцы Резинского района МССР. В последнем пункте был обнаружен небольшой нуклеус примитивно-конической формы (рис. 5—40).

В общем разведками 1946—1947 гг. удалось установить наличие трех местонахождений позднеашельского времени, трех верхнепалеолитических местонахождений и сделать на территории Молдавской ССР отдельные находки палеолитического характера в тех районах, для которых раньше о палеолите ничего не было известно.

⁸ М. Я. Рудынский. Про деякі підсумки і завдання палетнологічних вивчень в межах УРСР, Антропология, т. IV. Київ, 1930; е го ж е. З матеріалів до предісторій Поділія. Антропология, т. II, Київ, 1929.

⁹ П. П. Ефименко. Первобытное общество, 1938.

¹⁰ П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднепровья. Вестник Ленинградского Университета, № 2, 1948 г.

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА НА ДЕСНЕ

Работы Деснинской археологической экспедиции ИИМК в области изучения каменного века до Великой Отечественной войны сосредоточивались по преимуществу на палеолитических памятниках.

Изучение палеолита дало ценнейший материал почти по всем эпохам — от мустьерской до позднемадленской. Одним из важнейших результатов было установление четкого соотношения между стадиями развития палеолита и стадиями четвертичного периода, особенно с ледниковыми явлениями.

В результате этих работ удалось окончательно подтвердить гораздо более древний (дорисский) возраст раннего и (рисс-вюрмский и вюрмский) позднего палеолита, чем это принималось большинством прежних исследователей. В связи с этим оказалось невозможным рассчитывать на нахождение в пределах ледниковой области рисского оледенения позднемустьерских и ориньякских памятников, совпадающих по времени с максимумом развития оледенения. Для поисков остатков культуры этого времени работы экспедиции по изучению палеолита в 1946 и 1947 гг. были перенесены на Среднерусскую возвышенность, расположенную между днепровским и донским ледниковыми языками и никогда не покрывавшуюся оледенением.

Разведки, начатые по левому притоку Десны — Сейму — привели к открытию в 1946 г. Авдеевской стоянки, в 40 км от г. Курска. Она оказалась расположенной в совершенно необычных для палеолита условиях — на пойменной террасе, на высоте всего 1—2 м над уровнем реки. Тогда было сделано предположение, что поселение, располагавшееся некогда выше, было размыто и материал вынесен и отложен на пойме.

Исследование 1947 г. показало, что дело обстоит гораздо сложнее. Никаких остатков стоянки на верхней террасе не было обнаружено, она целиком расположена на пойме, на глубине 1.5—2 м и занимает площадь около 5000 м².

Значительная часть культурного слоя, особенно верхних частей, оказалась размытой, но много участков сохранило первоначальный, ненарушенный характер. Об этом свидетельствуют скопления неотсортированных водой костей и кремневых изделий, сохранение в вертикальном положении крупных костей, повидимому — остатки конструкций жилищ и находки частей скелетов животных, лежавших в анатомическом порядке. По всей

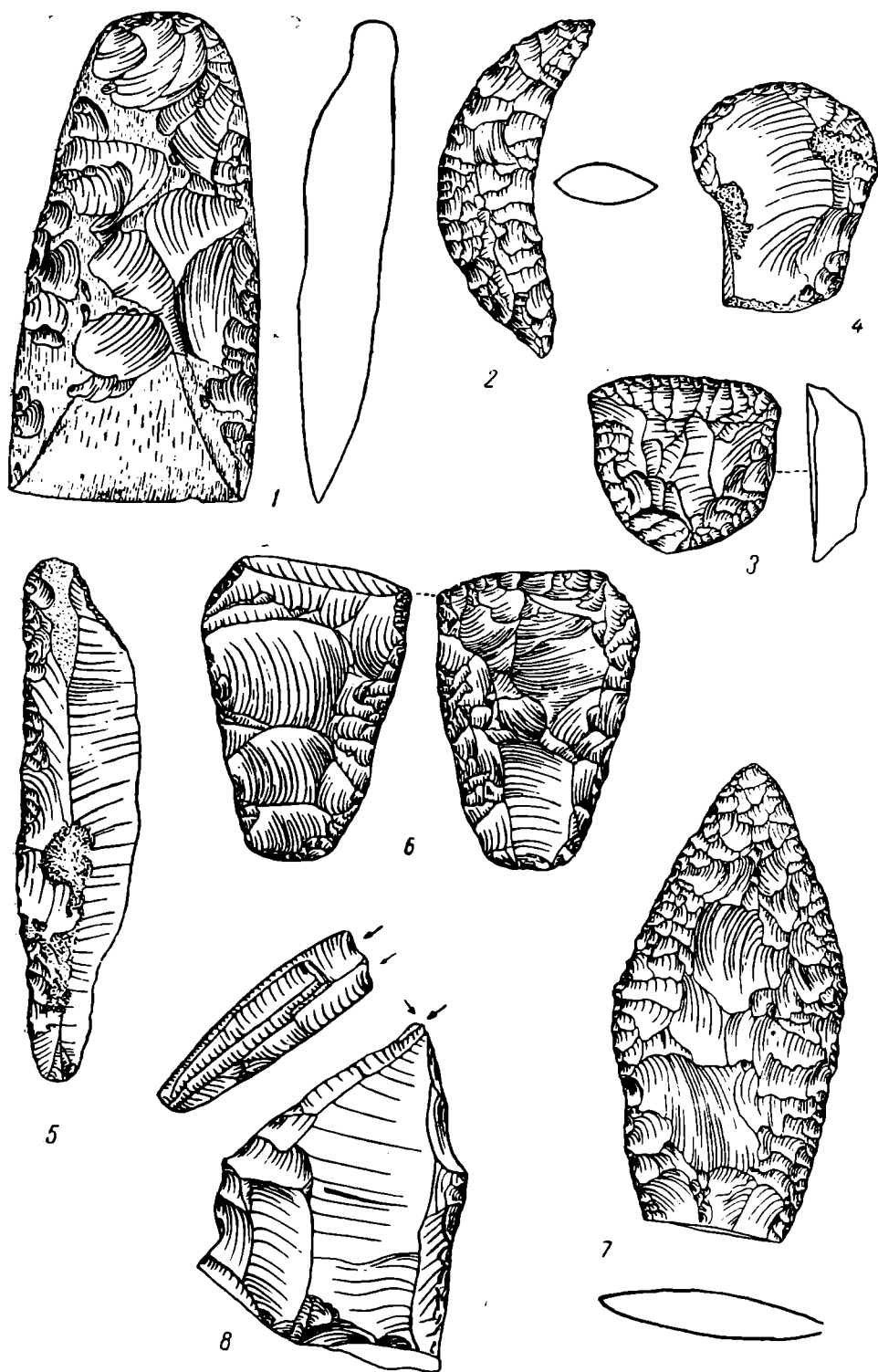

Рис. 6. Кремневые орудия

1 — топор кремневый („Мыс Очкинский“); 2 — кривой нож („Мыс Очкинский“);
 3 — скребок (Боровичи V); 4 — скребок (Боровичи I); 5 — нож („Мыс Очкинский“);
 6 — клин кремневый („Мыс Очкинский“); 7 — наконечник дротика (Городцы Пейменные); 8 — резец (Боровичи VI)

вероятности, здесь произошло погружение высокой террасы — вопрос, который будет окончательно решен геологами.

На вскрытой площади в 150 м² нами было обнаружено большое количество костей мамонта, несколько черепов и конечностей песка, около 1500 кремневых изделий, несколько десятков костяных предметов и много красной краски.

По характеру кремня и формам изделий Авдеевская стоянка аналогична известной Костенковской 1-й стоянке на Дону и является прекрасным памятником солютрейской эпохи в Восточной Европе. Об этом свидетельствуют большие ножевидные пластины, крупные кремневые наконечники дротиков — листовидные и с боковой выемкой, пластинки со стесанными концами, ложила из расколотых вдоль ребер мамонта и тонко орнаментированные костяные лопаточки с прорезными отверстиями. Последние до сих пор были известны лишь в I Костенковской стоянке.

Об этом же сходстве говорит и такая деталь, как почти полное отсутствие среди материала Авдеевской стоянки нуклеусов. Эта черта, говорящая о том, что первичная обработка кремня производилась вне поселения, была характерна лишь для Костенковской стоянки и отличала ее от всех других позднепалеолитических памятников, для которых типично значительное преобладание отбросов кремня, в том числе и нуклеусов, над готовыми изделиями.

Таким образом, Авдеевская стоянка является одной из интереснейших на Русской равнине, и ее дальнейшее исследование обещает важнейшие результаты. Необходимо срочно произвести раскопки на максимальной площади до ее застройки.

На правом берегу Десны, в районе с. Пушкари, в 1947 г. экспедиция продолжала раскопки мезолитической стоянки «Песочный Ров». Эти раскопки и обследование нескольких других местонахождений подтвердили прошлогодние предположения о своеобразии деснинского (а возможно, и среднеднепровского) мезолита. Здесь пока совершенно неизвестны памятники свидерского типа, широко распространенные севернее — на Оке, Верхней Волге, в Белоруссии, Литве и центральной и северной Польше. Это своеобразие охватывает все стадии деснинского мезолита от стоянок типа Покровщина и Смячка XIV, имеющих еще много позднепалеолитических черт, до «Песочного Рва» с его элементами перехода к неолиту.

Было произведено обследование нескольких неолитических стоянок на Десне и на Сейме и раскопки на стоянке «Мыс Очкинский», расположенной на левом берегу Десны у с. Очкино, против с. Пушкари Черниговской области (рис. 6—8).

На последней было вскрыто около 200 м². Ранне-неолитических памятников пока нами не было обнаружено, но стоянки развитого и позднего неолита известны в большом числе — от Бежицы (Орджоникидзеград) на севере и до Курска на юго-востоке. Неолит здесь по керамике отличается достаточно резко от ямочно-гребенчатого, характерного для Волго-Окского междуречья, и образует вместе с Белорусским, известным по исследованиям Поликарповича на Соже, особую культурную провинцию (рис. 7).

Особенно интересны найденные в культурном слое Очкинской стоянки тонкостенные шаровидные сосуды с геометрическим шнуровым орнаментом на прямой шейке и плечиках (рис. 8). Этого рода сосуды, аналогичные брасовским, были до сих пор известны лишь в виде изолированных находок.¹ Сейчас возможно поставить вопрос об их связи с местным поздним неолитом. Эта связь подчеркивается нахождением на некоторых стоянках

¹ Т. С. Пассек. К вопросу о Средне-днепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947 г.

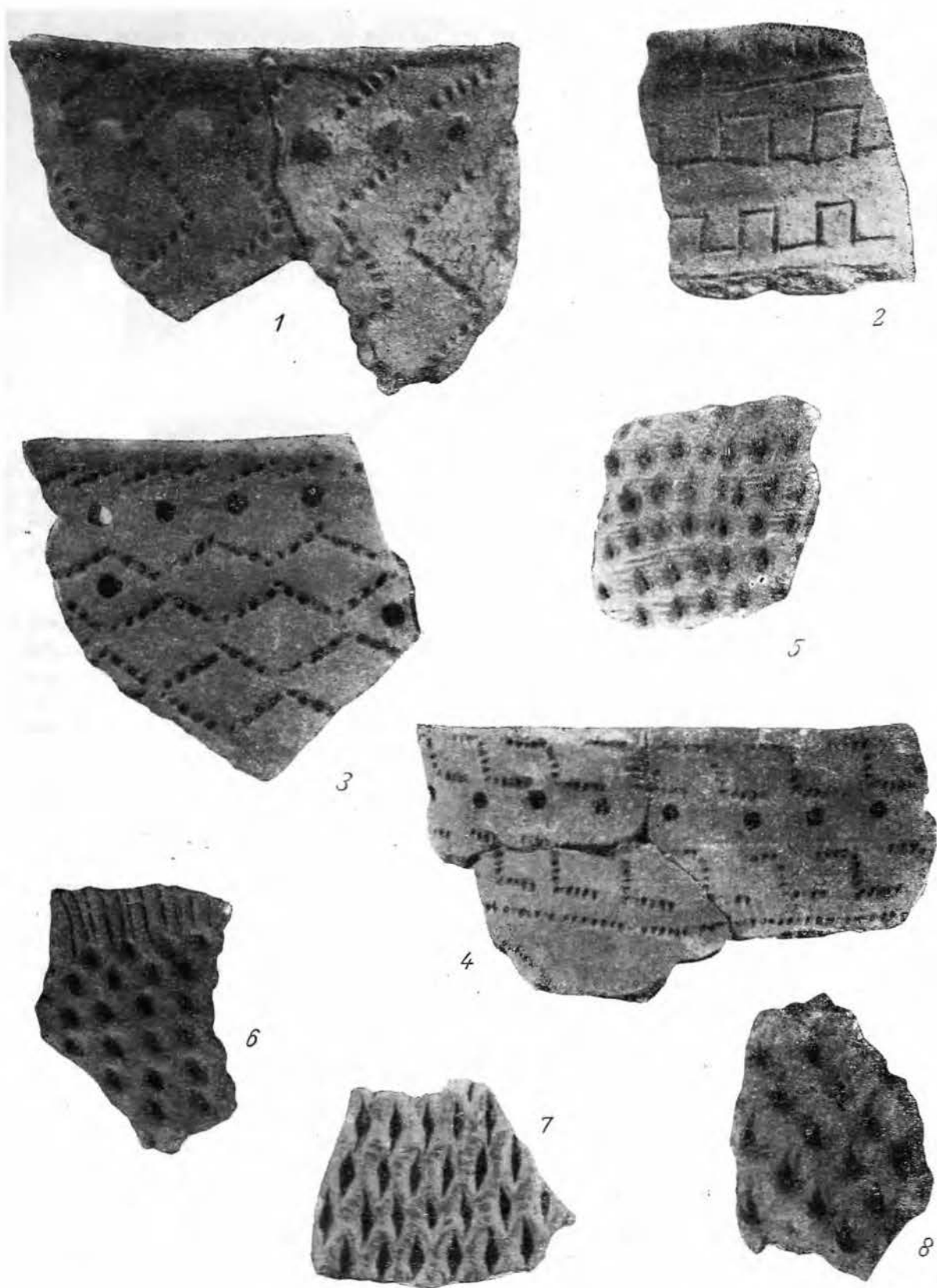

Рис. 7. Фрагменты сосудов

1, 2 — Боровичи VI; 3, 4, 5 — „Мыс Очкянский“; 6—8 — Боровичи V; 7 — Холи

черепков от сосудов той же формы, но не со шнуровым, а с гребенчатым орнаментом.

Поздний неолит, как это видно по группе боровичских стоянок, совер-

Рис. 8. Сосуд со стоянки „Мыс Очгинский“

шенно явно переходит в культуру бронзового века, выделяющуюся плоскодонными сосудами, покрытыми геометрическим гребенчатым и прочерченным орнаментом. Форма и орнамент этих сосудов лишь отдаленно напоминают культуры южной степной бронзы, а в основном имеют своеобразный местный характер.

А. Я. БРЮСОВ

СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Организованная совместно ИИМК, ИИЯиЛ Карело-Финской базы АН СССР и ГИМ Северная экспедиция провела в 1947 г. раскопки неолитических стоянок: на острове Илекса, на Куштозере в Вытегорском р-не Вологодской обл., в низовьях р. Суны в Кондопожском р-не и близ гор. Беломорска, в Карело-Финской ССР.¹

Раскопки на о-ве Илекса. Стоянка эта раскапывалась автором этой статьи в 1931—1932 гг. и дала большой материал, в котором, однако, оказались вещи разновременных типов при залегании их во всех горизонтах одного и того же культурного слоя. Проследить тогда разновременность заселения стоянки в плане не представлялось возможности из-за сильной заболоченности краев стоянки. В 1947 г. быстрое падение уровня воды в периодически исчезающем Куштозере позволило осуществить эту задачу.

Остров Илекса имеет крутой южный берег, менее крутой — восточный, но с ясно выраженной волноприбойной линией, и отлогие западный и северный берега. Обнажение в 1947 г. на большом пространстве дна озера вокруг острова позволило выяснить всю площадь стоянки при помощи вскрытия трех небольших раскопов и нескольких шурфов.

К югу стоянка не шла далее нормальной линии берега, вытянувшись вдоль него узкой полосой в 15—20 м на западе и до 60—70 м на востоке. К востоку остатки стоянки были обнаружены на размытой части берега до воды и еще уходили под воду, несмотря на падение воды более чем на 2 м; наличие здесь тяжелых шлифовальных плит доказывает, что вещи не были снесены сюда водой и находятся на своем первоначальном месте.

Стратиграфия всюду была одинаковой. Под растительным слоем толщиной в 10—12 см залегал серый песок (мощностью в 20—40, реже в 50—60 см) с находками. Различные горизонты этого слоя не отличались по характеру находок; некоторые черепки, найденные на разных горизонтах, даже складывались между собой. Ям от жилых или хозяйственных землянок обнаружено не было; только в раскопе № 2 прослежено было два небольших естественных понижения почвы с неправильными очертаниями.

¹ В экспедиции принимали участие: кроме руководителя А. Я. Брюсова, сотр. Исторического музея В. Раушенбах, сотр. Петрозаводского музея И. Тихонов, директор Вытегорского музея С. Варламов и студенты Петрозаводского ун-та: В. Хапов, В. Мезнев и Л. Ладыженская.

Находки во всех раскопах заключались преимущественно в керамике. В числе орудий было найдено несколько целых и фрагментированных шлифовальных плит, 23 скребка среднего размера с округлым рабочим краем из валунного кремня, кремневый пластинчатый нож, сланцевое долото с прямоугольным поперечным сечением и такая же маленькая стамеска, сланцевый топор с овальным поперечным сечением, шиферная плитка с просверленным посередине отверстием и довольно много осколков кремня, кварца и сланца. Среди подъемного материала имеются два сланцевых топора с прямоугольным и овальным поперечными сечениями, большое желобчатое сланцевое долото с полукруглым поперечным сечением и др. Среди кера-

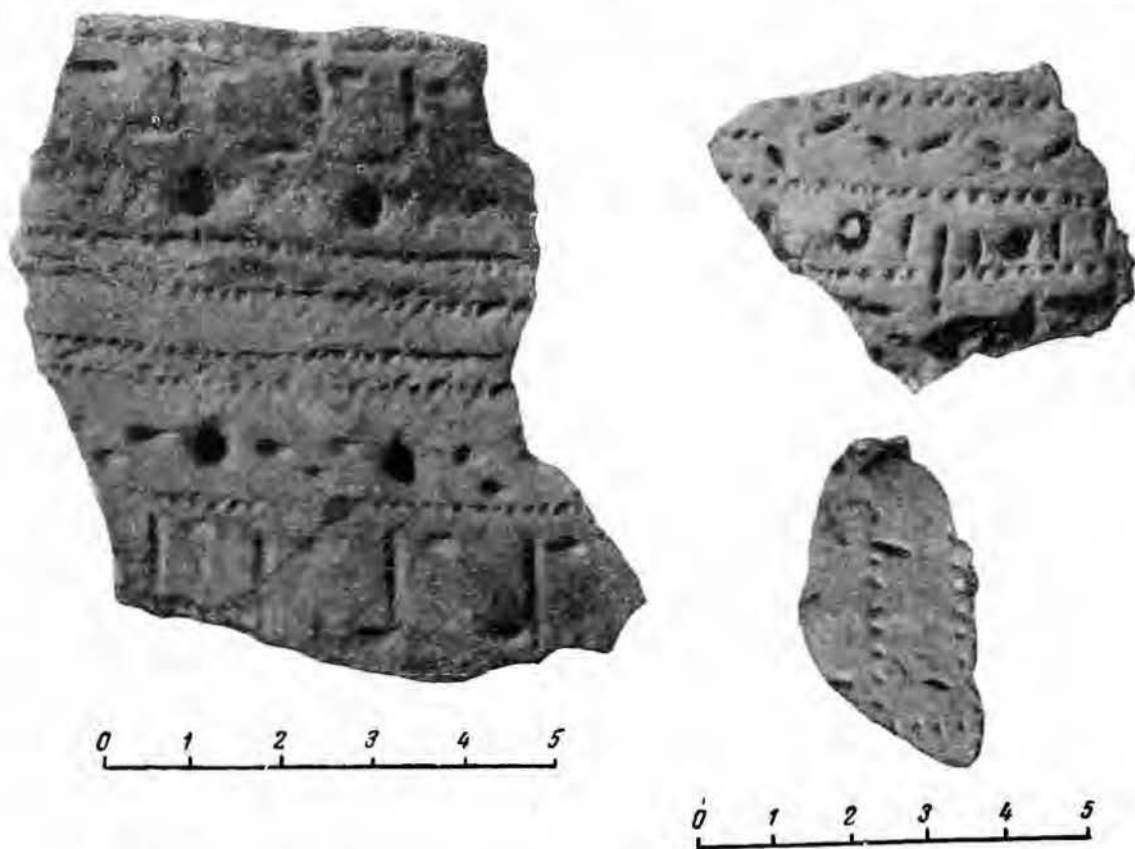

Рис. 9. Керамика со стоянки на о-ве Илекса

мики имеется обломок глиняного изображения утки, подобного найденной здесь в 1932 г. целой фигурке. По типу утка совпадает с такими же изображениями птиц из раскопок М. Е. Фосс на озере Лача, у устья р. Кинемы.

Типы найденных черепков от глиняных сосудов заставляют предположить, как указывалось выше, перемешанность культурного слоя. Раскопки 1947 г. позволили выяснить причину этого. Представим себе общий вид стоянки. Южный крутой берег был защищен от северных ветров, повидимому, лесом, так как находки за узкой полосой от берега резко прекращаются. Западный берег был, очевидно, заболочен, и здесь находок тоже нет. Восточный берег представлял собой открытый песчаный откос, и в эту сторону далеко выдвинулись признаки существования стоянки. Именно здесь замечается наибольшее смешение находок. Надо полагать, что в древности здесь была большая песчаная дюна, благодаря чему предметы могли затаптываться глубоко в почву; это подтверждается тем, что найденные в

этом месте черепки принадлежат самым различным сосудам, и очень редко встречается несколько черепков от одного сосуда, что указывает на то, что брошенные вещи долго лежали в верхних слоях. Характерно количественное соотношение разных типов керамики на разных участках стоянки. На западе в раскопе № 1 найдена керамика ямочно-гребенчатого типа, толстенная, из глины с примесью толченого кварца; только два черепка принадлежат сосудам более позднего типа. В раскопе 1931—1932 гг. в центральной части стоянки встречались черепки и древние и более поздние, в том числе черепки от двух сосудов с отпечатками ткани на поверхности. В раскопе № 2 много керамики асбестовой и из чистой глины; в орна-

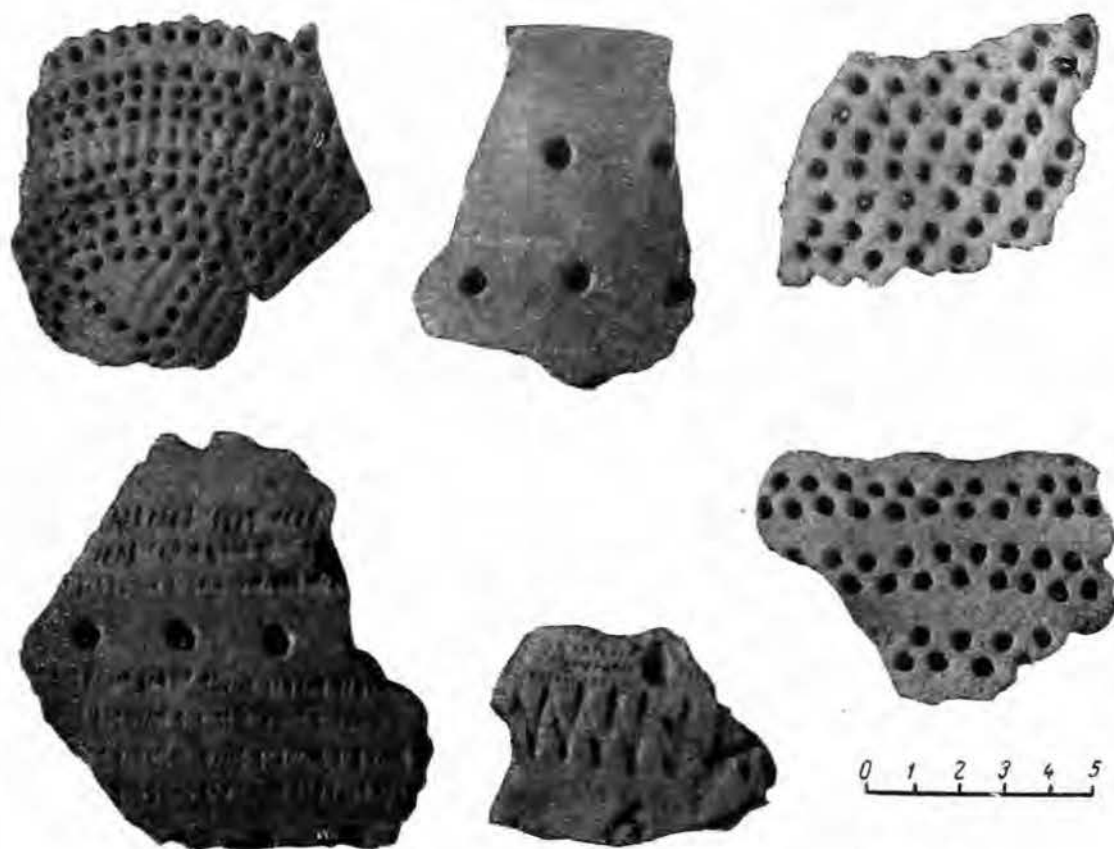

Рис. 10. Керамика со стоянки на о-ве Илекса

менте встречаются заштрихованные треугольники и ромбы, но древний тип керамики преобладает. В раскопе № 3 все черепки принадлежат поздней керамике; часто встречаются черепки с гладкой поверхностью, с мелкими, редко расставленными ямками, с отпечатками ткани; здесь же найдены черепки с изображением уток (рис. 10). При длительном заселении стоянки центр ее, очевидно, постепенно передвигался с запада на восток.

Сунские стоянки раскапывал автор данной статьи в 20-х годах.² В 1947 г., изучая поздние карельские стоянки, он произвел дополнительные раскопки Сунской 2-й стоянки и предварительные раскопки вновь открытой Сунской 3-й стоянки.

Сунская 2-я стоянка находится на правом берегу р. Суны, в 5 км от дер. Часовенская. В 1947 г. была вскрыта площадь в 50 м², примыкающая к старому раскопу. Никаких следов жилищ, очагов или кострищ открыто

² Описание этих раскопок см: А. Я. Брюсов. История древней Карелии, М., 1940.

не было. Стратиграфия была следующая: растительный слой толщиной до 20 см, серый песок на глубине от 15—20 до 50—70 см и красный песок (культурный слой) до глубины 1.10 м, подстилаемый желтым крупнозернистым песком. При раскопках найдены: обломки двух массивных длинных сланцевых долот, обух и низ сланцевых топоров, цилиндрический пестик длиной 4 см, обломок шлифованной шиферной пластинки, разбитые шлифовальные плиты, осколки кремня, кварца, сланца, куски роговообманкового асбеста, керамика. Последняя крайне однообразна. Почти все сосуды были сделаны из глины с примесью асбеста и покрыты вертикально-зигзаговым зубчатым орнаментом; исключения из этого единичны.

Сунская 3-я стоянка обнаружена в нескольких десятках метров к северу от Сунской 2-й. Для выяснения характера памятника была раскопана площадь в 39 м². Открыты две небольшие хозяйственные ямы овальной формы, 2.6 × 1.7 и 1.7 × 1.1 м в диаметре и глубиной около 20 см от нижней границы культурного слоя. Дно и стенки ям были сильно обожжены, так что песок почти сцементировался. В меньшей яме лежали обломки двух глиняных сосудов, в одном из которых хранилась, очевидно, охра. На дне большой ямы было много угольков, кусочков охры, обломков сосудов, несколько крупных камней, обломки шлифовальных плит и каменное точило. Стратиграфия та же, что и Сунской 2-й стоянки; культурный слой в красном песке имел мощность 23—34 см.

Найдены были мелкие кремневые и сланцевые орудия: скребки, скобель, ножи, проколка, часть сланцевого топора и сланцевое долото с прямоугольным поперечным сечением, долотцо, обломки шлифованных орудий, осколки кремня, кварца, сланца и куски роговообманкового асбеста.

Керамика однообразна: обломки сосудов из глины с примесью роговообманкового асбеста; большинство сосудов покрыто зубчатым орнаментом в виде вертикальных зигзагов, горизонтальных полос, широких углов; есть гладкие черепки и части от плоских доньев.

З а л а в р у г а. Петроглифы Залавруга, около дер. Выгостров в низовьях р. Выга, были исследованы В. И. Равдоникасом³ только со стороны изображений. Раскопок около них, к сожалению, произведено не было. Считая несомненным, что около таких памятников должны существовать следы посещения этих мест человеком и что они весьма важны для датировки петроглифов, автор сделал попытку отыскать стоянку около петроглифов Залавруга. Прежний опыт говорил, что стоянка должна находиться на месте ближайшего понижения скал. Она и была открыта в нескольких десятках метров от петроглифов. Как и в других случаях, она оказалась за границами выступающей на поверхность (прикрытой слоем моха) скалы; можно было бы думать, что следы стоянки на скале обнаруживаются потому, что они смыты водой. Но их нет и в узких трещинах скал, откуда они не могли быть вымыты. Очевидно, что во времена стоянки эти скалы были открыты и люди устраивались за ними, на опушке леса.

Петроглифы Залавруга расположены на краю одного из притоков р. Выга, имеющего следующую особенность: в то время как другие притоки завалены валунами, этот представляет совершенно ровную поверхность по дну (все протоки в настоящее время обсохли). А если пройти дальше через лес к главному руслу, то можно видеть, что там легко переправиться, переплыв только небольшое глубокое место. Возможно, что тут проходила лосиная тропа и происходила переправа лосей через приток и реку. Потому-то именно здесь была изображена на петроглифах сцена охоты на лосей с лодок.

Найденные на стоянке вещи сильно отличаются от вещей, найденных

³ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Белого моря, Л., 1938.

при раскопках в разных местах близ дер. Выгостров: у петроглифов Бесовы Следки, в центре о-ва Шойрукшина, на Ершином пудасе, на «волоке» и т. д.

Найденные черепки принадлежат нескольким сосудам, из которых форма двух может быть восстановлена. Один из них, из глины с примесью роговообманкового асбеста, представляет собой маленький баночного типа плоскодонный сосудик высотой 6.6 см, с диаметром горла 10 см и диаметром дна 6.9 см. От этого сосуда сохранилось дно и часть стенок до самого верха. Он весь покрыт густым зубчатым орнаментом в виде вертикальных зигзагов по стенкам и перекрещивающихся полос по дну (рис. 11). Другой сосуд из глины с примесью металлической слюды имеет форму небольшой высокой банки с плоским дном; высота его сохранившейся части 8 см, диаметр дна 6.7 см. На поверхности этого сосуда заметны следы какой-то плетенки (рис. 11). Третий сосуд большого размера, с диаметром горла около 17 см, сохранился только в верхней части. Он покрыт зубчатым орнаментом: две неширокие зоны косых полос вверху, разделенных горизонтальной такой же полоской, которая в некоторых местах прерывается небольшими ямками; такая же горизонтальная полоска отделяет эти зоны от идущего ниже горизонтального зигзага. У первых двух сосудов дно не только плоско, но даже немного выпукло внутрь сосуда; во время формовки эти сосуды стояли на выпуклой поверхности. Остальные черепки принадлежат сосудам, орнаментированным зубчатым штампом или небольшими редкими ямками; сделаны они из глины с примесью асбеста, толченого кварца и охры. Аналогий такой керамики на севере неизвестно.

Каменные орудия Залавруга не могут служить опорой для датировки или отнесения стоянки к определенной культуре. Исключение составляет клиновидный топор, подобный найденному на стоянке у дер. Пушлахта, на Онежском берегу Белого моря. Кроме того, есть кремневые скобели, кремневые и кварцевые скребки, кремневые ножи, обломки шлифованных долот, обломки шлифованного кремневого топора, каменный стерженек от составного удильного крючка, пила из мелкозернистого камня, три обломка кремневых листовидных наконечников стрел, из

Рис. 11. Керамика со стоянки около петроглифов Залавруга

которых два имели, несомненно, удлиненную форму, и др. Интересна находка двух небольших обломков янтарных подвесок. Тип их отличается от типа обычных неолитических прибалтийских янтарных подвесок начала II тысячелетия до н. э.

Стратиграфия стоянки Залавруга обычна для этих мест: растительный слой мощностью 3—19 см; красный песок с находками (культурный слой) на глубине до 40 см и реже до 54 см; крупнозернистый желтый песок без находок.

Этих данных недостаточно для датировки стоянки в пределах узкого отрезка времени. Недостаточно их и для отнесения этой стоянки к определенной культуре. Однако можно с уверенностью говорить об относительно поздней дате этой стоянки, несомненно, значительно более поздней, чем стоянка около петроглифов Бесовы Следки, почему петроглифы Залавруга можно считать более поздними, чем петроглифы Бесовы Следки. Некоторые признаки сближают стоянку Залавруга с другими стоянками Карелии (вертикальный зубчатый зигзаговый орнамент, примесь к глине асбеста и металлической слюды); другие признаки сближают стоянку Залавруга с беломорскими стоянками (удлиненные кремневые наконечники стрел, топор описанного типа).

Все три стоянки — Сунская 2-я, Сунская 3-я и Залавруга — относятся, несомненно, к числу поздних неолитических стоянок Карелии. Сравнение типа найденной на них керамики с керамикой других хорошо датированных карельских стоянок и отсутствие на них древних типов каменных орудий позволяют отнести их ко времени не ранее второй половины II тысячелетия до н. э. Уточнение этой датировки и возможное отнесение некоторых из этих стоянок, как, например, Сунской 3-й, к еще более позднему времени зависит от результатов дальнейших исследований. Изучение же поздних стоянок Карелии весьма важно для заполнения существующего пробела между памятниками позднего неолита и памятниками курганного периода.

В связи с раскопками, произведенными около петроглифов Залавруга, встает вопрос о дате этих петроглифов. В. И. Равдоникас и А. М. Линевский⁴ считают, что обе выбитые там композиции (охота на лосей с лодок и «лыжники») разновременны, и что первая из этих композиций относится к весьма древнему времени. Раскопки на Залавруге ставят такое заключение, сделанное на основании стилистического анализа, под большое сомнение.

Если признать, что следы пребывания людей около петроглифов определяют дату последних, то, соответственно выводам В. И. Равдоникаса и А. М. Линева, надо было ожидать, что около петроглифов Залавруга должны оказаться две разновременные стоянки или, как около петроглифов Бесовы Следки, два разновременных культурных слоя. При этом одна из стоянок или нижний культурный слой должны быть весьма древними. А между тем около петроглифов Залавруга оказалась только одна стоянка, безусловно однослойная и, повидимому, сравнительно поздняя. Шурфовка вблизи петроглифов другой стоянки не обнаружила. Это заставляет предположить, что обе композиции не разновременны, а одновременны, конечно в археологическом понимании одновременности, и притом не особенно древние.

Противоречит ли этому характер петроглифов? Я полагаю, что нет. Обе композиции выполнены технически одинаково. Различие между ними заключается в тематике композиции, одна из которых (охота на лосей)

⁴ В. И. Равдоникас. Указ. соч.; А. М. Линева. Петроглифы Карелии, Петрозаводск, 1939.

носит явно магический характер, а другая («лыжники»), по всей вероятности, мемориальный; в размерах фигур и в размещении их на разных плоскостях, но рядом, на одной и той же скале. Все это допустимо даже при разнице во времени их выполнения в несколько лет, что не имеет никакого значения для археологической датировки.

Что касается самой даты, то нельзя не обратить внимания на то, что большой размер фигур в сцене охоты на лосей не свойственен древним карельским петроглифам, которые мы имеем тут же в виде петроглифов Бесовы Следки. Сложный характер обеих групп петроглифов Залавруга, когда все фигуры объединены в одной целостной композиции, также не свойственен древним петроглифам Карелии. Поэтому вполне допустимо, что обе группы петроглифов Залавруга должны датироваться по открытой в 1947 г. около них стоянке второй половиной II тысячелетия до н. э. и что эти петроглифы моложе петроглифов Бесовы Следки (конец III и начало II тысячелетий) и петроглифов на Бесовом Носу (около середины II тысячелетия).

М. Е. ФОСС

ИТОГИ ГАЛИЧСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1947 г. экспедицией¹ закончено начатое в 1945 г. исследование памятников в районе распространения галичской культуры.² На северном побережье Галичского озера в различных пунктах близ с. Быки исследованы древние поселения — неолитические стоянки с гребенчатой керамикой галичского типа: 1) на дюне «Умиление», в южной ее части и прилегающей к ней пойме, до местности «Подболотица»; 2) в северной части дюны, за ручьем Пустынь; 3) на пашне, вдоль старого берега озера, у «Подболотицы», по дороге от дюны к с. Быки; 4) стоянка с сетчатой керамикой, открытая на дюне между ручьем Пустынь и ложбиной, разделяющей дюну на две части. Пятое исследованное поселение, связанное с выработкой железа и относящееся к самому началу времени дьяковской культуры, расположено на дюне по обе стороны ложбины, причем оно частично заходит на место древней стоянки, что послужило причиной смешения культурных остатков. Кроме того, исследовано селище Быки, находящееся на территории с. Быки, относящееся также к началу дьяковской культуры.

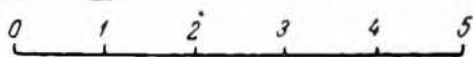
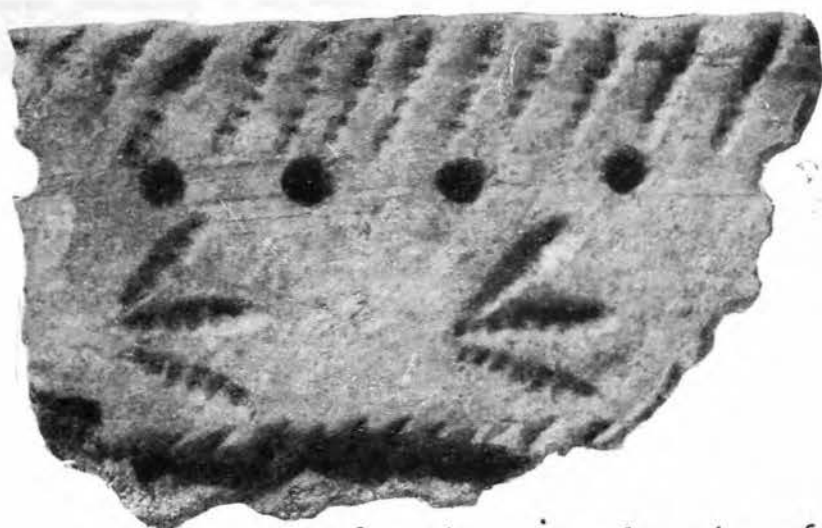
Экспедиция собрала на отмели озера, около раскопанных на дюне стоянок, большую коллекцию, содержащую более 1000 предметов, преимущественно кремневых орудий. По сходству их с орудиями из раскопок установлено, что они происходят из культурного слоя стоянок, разрушенного водами озера и береговыми обвалами.

Из древних стоянок с керамикой галичского типа уцелела только одна, другие оказались разрушенными. На одной из них, за ручьем Пустынь, произведена была зачистка остатков культурного слоя, давшая небольшое количество находок.

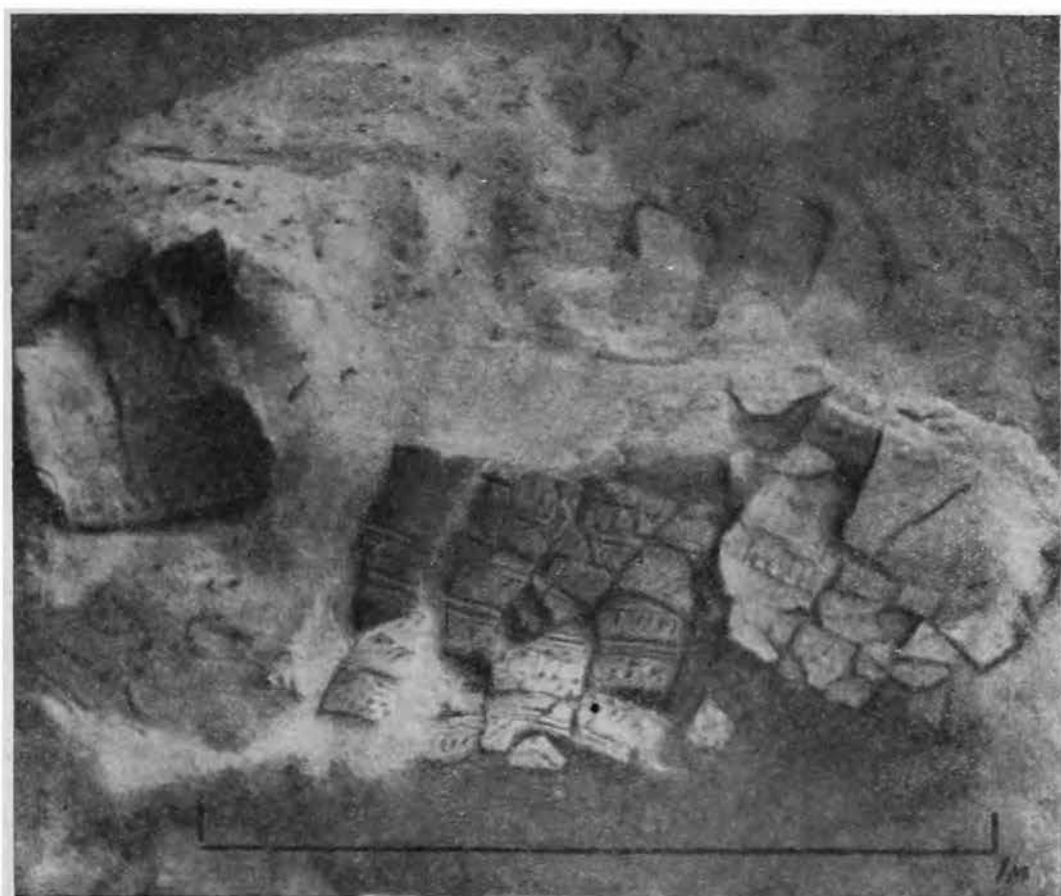
Уцелевшая стоянка, занимавшая южную часть дюны до ложбины, раскопана была в двух пунктах. Вскрытая здесь площадь в общей сложности составила около 400 м². Наиболее интересна часть, расположенная в самом начале дюны, где обнаружен древний слой стоянки в чистом виде, без примеси поздних предметов. Площадь раскопок ограничивалась с одной стороны озером, с другой — поймой. В 1947 г. раскоп был направлен к северо-востоку, в сторону «дьяковского» поселения, для выяснения границ его распространения. По мере повышения дюны и приближения к месту

¹ Экспедиция была организована ИИМК и ГИМ. Кроме руководителя работ М. Е. Фосс, в экспедиции принимали участие: И. К. Цветкова, Л. А. Ельницкий, В. Л. Фосс, М. М. Успенский и Н. И. Царюк.

² М. Е. Фосс. Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

1

2

Рис. 12. Керамика со стоянки „Умиление“
1 — фрагмент сосуда с изображением утиных лапок; 2 — раздавленный сосуд
в очажной яме

этого поселения в культурном слое отмечались находки, относящиеся к дьяковской эпохе. На расстоянии 25 м от начала дюны количество их, по сравнению с древними, составило 40—50%. Одновременно с этим обнаруживались поздние очажные ямы, отличавшиеся от древних по цвету заполнявшего их песка, интенсивно черного от примеси большого количества угля. Различие наблюдалось и в содержании ям: в поздних попадались редкие находки в виде отдельных фрагментов сосудов или кусков кричного железа и железных шлаков; в древних обнаруживались скопления керамики, причем не разрозненные фрагменты, а раздавленные огромные сосуды яйцевидной формы, украшенные сплошными узорами. Один такой сосуд был найден без дна, что объясняется устройством в дьяковскую эпоху (около места его нахождения) очажной ямы, разрушившей древний очаг и уничтожившей нижнюю часть сосуда (рис. 12—2).

Раскопками обнаружено восемь древних очажных ям, из них три, плохо сохранившиеся, находились в раскопе 1946 г., где было расположено «дьяковское» поселение; остальные были открыты в части, не затронутой этим поселением. Древние очаги в плане имели вид гумированных пятен округлой формы; диаметр очагов 1—2 м; глубина их доходила до 1 м, форма чашеобразная; в земле, заполнявшей их, попадались угольки. Можно предполагать, что около них были расположены легкие наземные жилища, от которых не осталось никаких следов.

Стратиграфия этой части стоянки отличалась от расположенной на высокой части дюны. Здесь, у самой подошвы дюны, под дерном залегал довольно плотный суглинок, темножелтого цвета, представляющий собой культурный слой толщиной в 50—55 см, под ним шел суглинок с мелкой галькой, без находок. С повышением дюны суглинок сменялся суглинистым песком, а затем обычным дюнным песком сероватого и желтоватого цвета.

Основную часть материала, полученного при раскопках стоянки, представляет керамика с орнаментом галичского типа. Узоры характеризуются зональным расположением элементов, в которых преобладает гребенка, а ямки являются лишь дополнением. Еще реже встречаются нарезные полосы, кружковый орнамент и др. В отличие от Галичской стоянки (Заячьей Горки), здесь имеются узоры из круглых ямок в сочетании с отрисками шнура, придающие керамике более архаичный вид. Обращает внимание изображение водоплавающей птицы (утки) и впервые отмечаемые здесь утиные лапки (на четырех сосудах), расположенные зонально вокруг сосуда и представляющие собой как бы след идущей утки (рис. 12—1). Как утка, так и утиные лапки нанесены гребенчатым штампом.

Найденная на стоянке керамика — прекрасной сохранности; общее количество ее превышает 6000 фрагментов.

Найденные орудия, главным образом кремневые, характеризуются хорошей техникой изготовления (рис. 13). Среди них выделяется наконечник стрелы беломорского типа (рис. 13—2), указывающий, как и изображения утки, утиных лапок, а также привески (рис. 13—8, 9), на связь с северными культурами. Интересны также орудия микролитического облика: концевые скребки (рис. 13—6, 7), орудие трапециевидной формы,³ ножевидные пластинки (рис. 13—5) и соответствующие им нуклеусы отжимной техники, с тонкими гранями (рис. 13—13), доказывающие применение приемов микролитической техники наряду с неолитической.

Кроме кремневых орудий, найдены сланцевые полированные орудия и плиты для полирования их. Металлических предметов не обнаружено. Стоянка, судя по керамике, являющаяся несколько более архаичной по

³ М. Е. Фосс. Отчет Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, рис. 29.

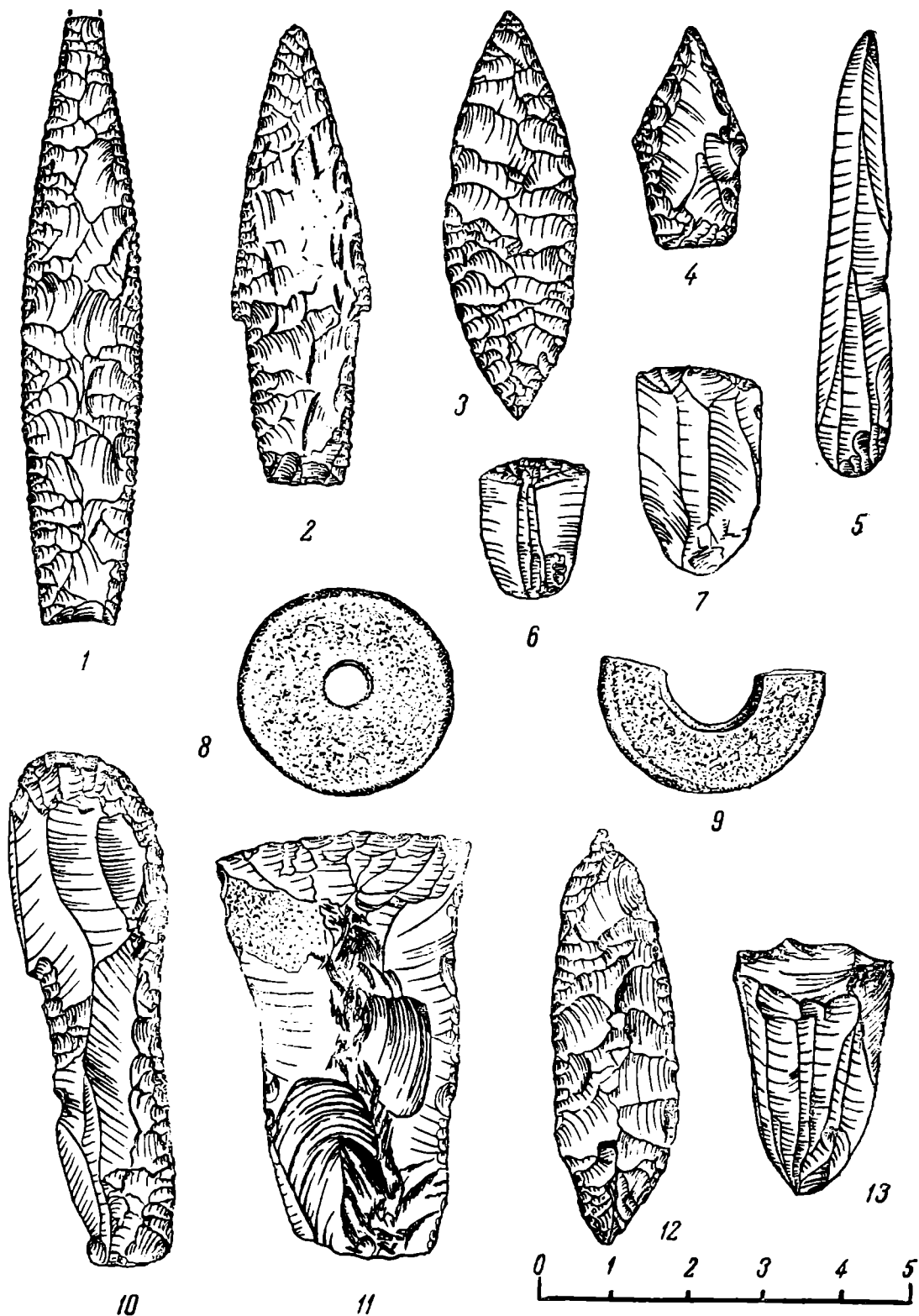

Рис. 13. Каменные орудия со стоянки „Умление“

1—4 — наконечники стрел; 5 — ножевидная пластинка; 6, 7 — скребки из ножевидных пластин; 8, 9 — привески из сланца; 10, 11 — скребки из отщепов; 12 — проколка-нож; 13 — нуклеус

сравнению с Заячьей Горкой, может быть датирована приблизительно серединой II тысячелетия до н. э.

Раскопки стоянки с сетчатой керамикой древнего типа открыли на площади в 80 м² одну миниатюрную землянку (3.2 × 1.6 м, глубиной 0.60 м) и четыре самостоятельных очага чашеобразной формы. Два из них были заполнены пережженным песком, золой и камнями, между которыми наблюдалось скопление керамики; два других, содержащих углистый песок, дали незначительное количество фрагментов керамики. Один очаг отличался большими размерами (2.9 × 2.4 м, глубиной 1.15 м). У края его обнаружено около 100 камней, между которыми найдены фрагменты керамики и почти целый круглодонный небольшой сосуд, с подложенными под дно камнями. Среди находок следует отметить фрагменты больших сосудов архаического вида — с коническим дном.

Керамика этой стоянки может быть охарактеризована как типичная для времени расцвета сетчатого орнамента: имеется узорчатая «сетка» и простая, есть ложносетчатый орнамент, нанесенный гребенчатым штампом; наряду с этим попадаются элементы узоров, сохранившихся от предшествовавшей эпохи, в виде ямок, гребенки, кружков, нанесенных по «сетке». Каменных орудий найдено немного, но по ним можно видеть, что техника обработки камня была еще на большой высоте. Как и на древней стоянке, применялись приемы микролитической техники; найдены нуклеусы с тонкими гранями, сопровождаемые ножевидными пластинками, скребок микролитовидного облика. Вместе с тем были найдены и полированные орудия.

Культурный слой стоянки, представляющий собой светлосерый песок толщиной 25—40 см, находился под редким растительным покровом, под которым залегал желтый песок без находок. Стоянка датируется приблизительно последними столетиями II тысячелетия до н. э.

Для выяснения, не имелось ли под слоем, содержащим сетчатую керамику, более древнего культурного наслоения, раскоп на участке с глубокой очажной ямой (до 1.15 м в глубину) был продолжен до 2.3 м глубины. На глубине 1.9 м обнаружен светлый песок без находок; ниже, на глубине 2.3 м — плотный песчаниковый слой, представляющий собой как бы кору, покрывающую основание дюны; эта кора с трудом пробивалась лопатой. Подобный слой прослеживался на дюне и за ложбиной в месте нахождения «дьяковского» поселения с древней стоянкой (с керамикой галичского типа). Таким образом, было установлено, что, кроме открытых раскопками, других культурных наслоений на дюне не было. Итак, наш вывод о связи найденного на отмели озера и микролитовидного кремня со стоянками, расположенными на дюне, получил новое подтверждение.

Помимо стоянок, экспедицией было исследовано раннедьяковское поселение, тоже расположенное на дюне, связанное с выработкой железа. В 1946 г. была раскопана часть, находящаяся на месте древней стоянки, а в 1947 г. по другую сторону ложбины было открыто продолжение этого поселения, культурный слой которого заключал только предметы дьяковской эпохи. Здесь, как и в первой части этого поселения, обнаружены очажные ямы, в которых производилась выработка железа, о чем свидетельствовали находки кусков кричного железа и обломки глиняных сосудов, в которых производилось восстановление железа.⁴ По полученным данным выясняется процесс древнейшего способа получения железа без специальных печей — в кострах, в примитивных тиглях, представляющих собой глиняные сосуды бытового назначения (с дьяковским сетчатым орнаментом). Найденное здесь в 1946 г. единственное металлическое изде-

⁴ В настоящее время производится анализ кричного железа и фрагментов сосудов, служивших тиглями.

лие — бронзовая булавка⁵ напоминает по технике изготовления булавку из городища у с. Скнятино,⁶ сделанную из толстой проволоки, круглой в сечении. Ни одного железного изделия при раскопках не обнаружено.

Второе «дьяковское поселение» представляет селище, находящееся на расстоянии около 2 км от дюны, в самом с. Быки. Сборы, произведенные в 1947 г. в обвалах культурного слоя на склонах возвышенности, где находится селище, значительно пополнили коллекцию из раскопок 1945 г. Среди обычной для дьяковской культуры позднего типа сетчатой керамики выделяется древняя сетка, придающая поверхности характерную рябчатость. Обращает внимание орнамент, нанесенный ребристым штампом по верхней части сосудов, в виде треугольников, зигзагов и т. п., свойственных керамике переходной эпохи — от бронзы к железу. Имеется также накладной валик, сопровождаемый оттисками веревочки — орнамент, известный под названием «ананьинского типа».

Небольшое количество каменных орудий, преимущественно кремневые скребки и наконечники стрел, также характеризует переходное время, в которое произошло вытеснение камня металлом. Интересна находка одного наконечника стрелы с четырьмя шипами, аналогичного найденному в Панфиловской стоянке, который, повидимому, был занесен с места древней стоянки, где расположено было поселение с выработкой железа. Из костяных орудий найдены типичные для городищ ранней железной эпохи: гарпуны с одним зубцом, пешня, или мотыжка, дьяковского типа и наконечник стрелы. Обращает внимание находка куска кричного железа. Металлические изделия отсутствуют.

Находки сопровождаются костями домашних и диких животных. По определению В. И. Цалкина, домашние животные преобладают, что характерно для дьяковской культуры. На первом месте стоит лошадь, затем идет крупный и мелкий рогатый скот. Судя главным образом по керамике, селище, как и дюнное поселение с выработкой железа, может датироваться приблизительно IX—VII вв. до н. э.

Суммируя результаты работ Галичской экспедиции 1945—1947 гг., приходим к следующим выводам:

1. В районе Галичского озера, кроме Заячьей Горки, по которой В. А. Городцовым была определена галичская культура, имеются еще три стоянки этой культуры.

2. Доказано существование кремневых орудий микролитовидного облика вместе с гребенчатой и древнесетчатой керамикой.

3. Прослежена преемственность между культурой дьяковских племен и культурой предшествующего времени, характеризующейся древнесетчатой керамикой, т. е. установлена связь между памятниками раннежелезной эпохи и предшествовавшими.

4. Открыт древнейший, наиболее примитивный способ выработки железа на территории севера СССР.

⁵ М. Е. Фосс. Указ. соч., рис. 29—10.

⁶ П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья, СА, т. IX, 1948, стр. 71, рис. 4.

А. В. ЗБРУЕВА

КАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1947 г. Камской экспедицией ИИМК производились раскопки стоянки и курганного могильника у поселка Лугового Елабужского района ТАССР.¹

Раскопки Луговской стоянки были продолжением работ 1940 и 1946 гг. В течение этих лет исследовался комплекс жилищ-полуземлянок в центральной части стоянки, у восточного края поселка Лугового. В 1940 г. было полностью исследовано одно жилище (землянка № 1) и частично два других (землянки № 2 и 5). В 1946 г. были вскрыты жилища № 3, 4, 5 (за исключением северо-западного угла и выходов к северу) и частично землянка № 6.

В 1947 г. были закончены раскопки жилищ № 5 и 6. Таким образом, весь комплекс из шести полуземлянок, соединенных между собой проходами, с двумя выходами на север и одним-двумя на юг, был исследован целиком (см. план расположения жилищ, рис. 14).

Повидимому, землянка № 1 имела особое значение; на это указывает не повторяющийся в других жилищах характер очага, слегка приподнятого над полом жилища и содержащего остатки 19 человеческих костяков монголоидного и европеоидного типа. Размеры этого очага также превосходят размеры всех других, возле которых находились обычные кухонные отбросы — обломки глиняной посуды и кости, главным образом зубы животных. После раскопок всего комплекса жилищ в центральной части стоянки становится очевидным, что каннибализм не имел места у населения стоянки, но существовал обычай человеческих жертвоприношений. Это доказывается как отсутствием костей человека в очагах других жилищ стоянки, так и тем, что пережженные человеческие кости встречались в некоторых могилах близких районов. Так, например, в изголовье могилы № 3 могильника Маклашеевка III в небольшом углублении находились пережженные части черепа и костей человека.

Жилища имели разные размеры и несколько различались по глубине. Самое большое жилище (№ 5) имело свыше 10 м длины и около 5 м ширины; самое маленькое, отчасти разрушенное (№ 4), имело около 2.5—3 м ширины. Длина его неизвестна, так же как неизвестно, был ли в нем

¹ В состав экспедиции, кроме руководителя работ А. В. Збруевой, входили следующие сотрудники: научный сотрудник Гос. Эрмитажа В. П. Мизинова и научно-технические сотрудники С. В. Серова, Л. М. Слесарева, С. А. Петровская. Кроме того, в работах экспедиции принимал участие студент историч. факультета Молотовского гос. ун-та С. И. Сметанин.

очаг, так как часть его разрушена. Может быть, это было нежилое холодное помещение, нечто вроде сени. Глубина его также меньше других — около 95 см. Кроме того, в северо-восточном углу его находилась глубокая яма, служившая, повидимому, для хранения запасов пищи, чего в других жилищах не наблюдалось.

Каковы были стены жилищ и их кровли установить не удалось. Никаких указаний на конструкцию стен, кроме углистых полос — остатков деревьев, лежавших вдоль стен на полу жилища № 5, а также вдоль северной, восточной и южной стен жилища № 6, мы не имеем. Возможно, что стены жилищ состояли из срубов или кольев, которые были вертикально

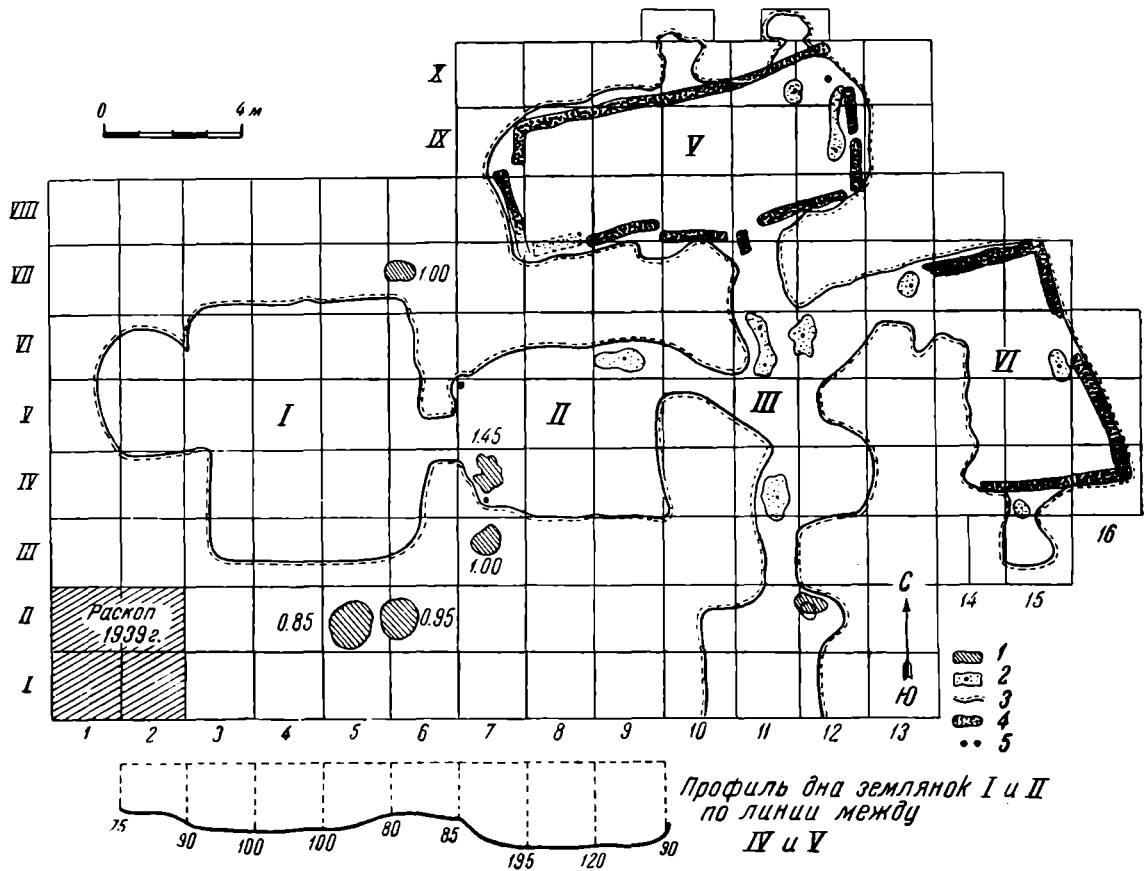

Рис. 14. План расположения землянок. Луговская стоянка
1 — ямы; 2 — кострище; 3 — границы землянок; 4 — обгорелое дерево; 5 — столбовые ямы

поставлены вдоль земляных стен и прижаты к ним лежавшими снизу на полу деревьями. Еще труднее вынести какое-либо определенное суждение о конструкции кровли. Ясно лишь одно, что кровля не могла быть плоской, так как глубина землянок слишком незначительна (около 1 м). Немногочисленные следы от столбов в очаге жилища № 1, в северо-западном и юго-восточном углах жилища № 2, в северо-восточном углу жилища № 5 и недалеко от юго-восточного угла жилища № 6 (рис. 14) позволяют предполагать, скорее всего, двускатную крышу с отверстиями для выхода дыма в верхней части. Следы частей деревянной кровли в виде обугленных кусков дерева, иногда довольно больших размеров, наблюдались в заполнении и на полу землянок № 5 и 6, а северо-западный и юго-западный углы жилища № 5 были заполнены следами сторевшего дерева, в виде черного углистого слоя, залегавшего с глубины 20 см от поверхности почвы.

Описанная группа жилищ — не единственная на территории стоянки. К северу от нее на поверхности заметны следы еще 6—7 жилищ в виде неглубоких впадин, почти непосредственно примыкающих одна к другой. К западу от исследованной группы также имеются остатки двух комплексов жилищ, вытянутых цепью вдоль древнего берега р. Камы и состоящих из двух-трех едва заметных впадин. Еще западнее, на территории Луговского рядового могильника, П. П. Ефименко в 1943 г. обнаружил следы жилищ. Кроме того, на расстоянии около 200 м к востоку от раскопанной находится еще одна группа жилищ, заметная с поверхности и состоящая, по видимому, из трех землянок, примыкающих одна к другой. Одна из них была вскрыта в 1947 г.

Таким образом, Луговское поселение состояло из нескольких групп жилищ, часть которых была обитаема одновременно, другие относятся к различному времени. Так, восточная группа жилищ существовала несколько позже центральной, исследованной в 1940, 1946 и 1947 гг.

По видимому, Луговская стоянка являлась родовым поселением из нескольких больших домов, причем каждый большой дом состоял из группы землянок, соединенных между собой проходами. В этих больших домах обитали крупные родовые группы — скорее всего это были жилища патриархальной большой семьи.

Жилище, раскопанное в 1947 г. в восточной части стоянки, имело четырехугольную форму; длина и ширина его около 6 м, глубина — около 80 см. В то время как северный, южный и восточный углы землянки, а также юго-западная стенка ее резко выделялись на подстилающем светлом песке в виде черных углистых полос (следы сгоревшего дерева), части северо-западной и юго-восточной стенок были более светло окрашены и имели нечеткие очертания.

Пол жилища находился на глубине около 80 см. У северо-западной и северо-восточной стенок землянки располагались два очага, обозначившиеся черным углистым слоем с небольшим количеством обожженных камней. Вокруг очагов лежали фрагменты глиняных сосудов, куски битого камня и мелкие обожженные косточки. Находок в жилище было сравнительно немного.

У южного угла землянки находился переход (по видимому, в другое жилище) длиной около 2 м, шириной около 1 м. Другой переход и прилегающая к нему часть землянки располагались немного севернее восточного угла жилища, а в северо-восточном углу раскопа был обнаружен угол землянки, лежащей к северо-востоку от исследованной. Очевидно, в данной части стоянки также располагалась группа жилищ-полуземлянок, соединенных между собой переходами.

В восточной части стоянки, на небольшом холмике к северо-западу от жилища, на глубине 30—40 см были вскрыты четыре захоронения в культурном слое; в двух из них (№ 1 и 3) костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на север и северо-восток, с вытянутыми вдоль тела руками. Вещей при погребениях не было. Другие два погребения были сильно разрушены.

Из сравнения керамики центральной и восточной части стоянки можно сделать вывод, что восточная группа жилищ — более поздняя и представляет собой связующее звено между культурой центральной части Луговской стоянки, относящейся к концу II — началу I тысячелетия до н. э., и ананьинской культурой. Датировать восточную часть стоянки можно началом I тысячелетия до н. э.

На опушке леса, к северу от центральной и восточной частей стоянки, расположено несколько небольших поросших лесом курганов. Диаметр их 5—10 м, высота от 50 см до 1 м. В 1947 г. были вскрыты два кургана

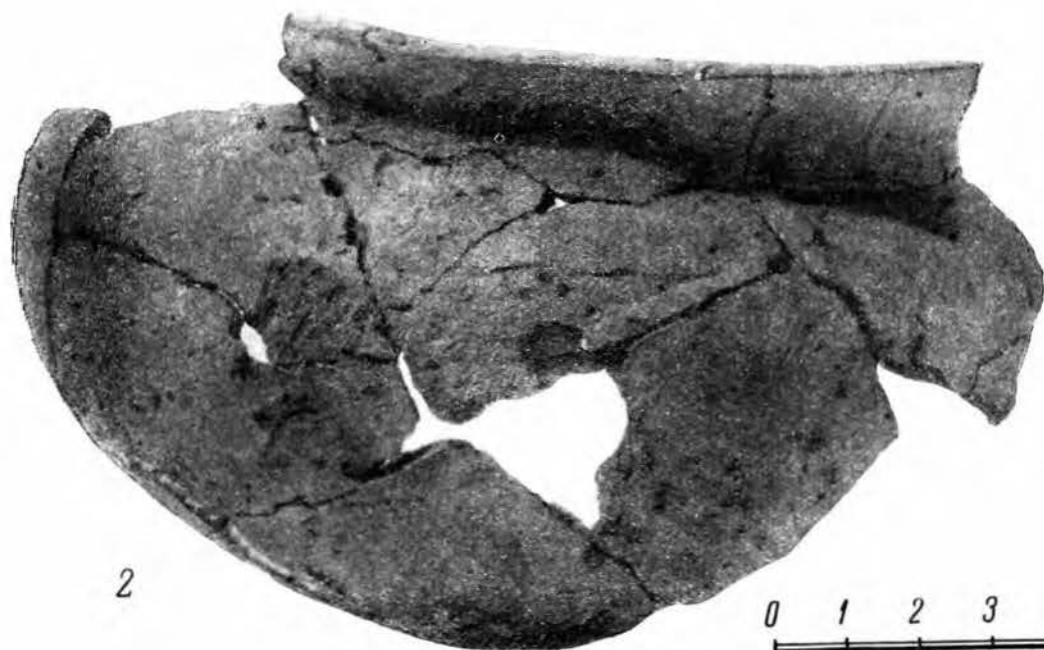

Рис. 15. Керамика Луговских курганов
1 — сосуд из погребения № 2 кургана № 1; 2 — сосуд из погребения № 1 кургана № 3

(№ 1 и 3). В обоих было обнаружено по две могилы, вытянутые с ВСВ на ЗЮЗ. Все могилы были ограблены в древности, и человеческие кости были частично выброшены из могил, частично не сохранились. Лишь от одного костяка имеются обломки черепа и длинных костей. В двух могилах находились два глиняных сосуда и в одной — часть сосуда (рис. 15—1, 2).

Окончание исследования восточной части стоянки и курганов — задача дальнейшей работы у поселка Лугового.

О. Н. БАДЕР

РАБОТА ЧУСОВСКОГО ОТРЯДА КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Камская археологическая экспедиция Молотовского гос. университета планируется как многолетняя экспедиция и ставит своей задачей археологическое изучение Камского бассейна в целом. В 1947 г. она работала в составе двух отрядов: Чусовского и Чердынского. Чердынским отрядом руководила И. А. Талицкая. В план археологических исследований Чусовского отряда¹ входили раскопки палеолитических памятников. Одновременно отряд произвел обследование низовьев Чусовой, от Камы до устья Сылвы, преимущественно по правому берегу, уже не раз обследованному Камской экспедицией ГАИМК. При этом были открыты 15 новых стоянок, из которых 10 обследованы детально. Рекогносцировочные раскопки были произведены на трех стоянках, и открыты девять новых ананьинско-пьяноборских памятников в том же районе.

На верхнепалеолитической стоянке им. Талицкого были произведены очень большие земляные работы. Вскрыта новая площадь, примыкающая к основному раскопу с востока и дополняющая общую картину стоянки.² Вскрытие другого западного раскопа перенесено на следующий год.

На высоком останце боровой террасы у дер. Нижнее Адищево, где еще А. В. Шмидтом и Н. А. Прокошевым были обнаружены следы позднеолитической стоянки, при обследовании и рекогносцировочных раскопках нами собран интересный кремневый инвентарь, обнаруживающий резкое преобладание ножевидных пластинок над отщепами, т. е. демонстрирующий весьма архаичную технику обработки кремня, восходящую к палеолиту. Найденные здесь же резцы, концевые скребки, вкладыши-пластинки с притупленным краем, призматические нуклеусы и ребристые пластины позволяют предварительно весь древний комплекс этой стоянки датировать эпилепалеолитической эпохой.

Находки в Нижнем Адищеве заставляют поставить вопрос о пересмотре материалов раскопа соседней Левшинской стоянки, где представлен аналогичный микролитонидный кремль. Необходимо отметить отсутствие его

¹ Чусовской отряд был основным отрядом экспедиции в 1947 г. Организационно он был слит с Чусовским отрядом Геол. института АН СССР. Палеонтолого-стратиграфическими работами отряда руководил В. И. Громов, археологическими — О. Н. Бадер. В последних приняла участие Л. Я. Крижевская (ЛОИИМК) и М. А. Бадер, а также студенты-практиканты Молотовского и Московского университетов.

² О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. Уч. зап. Молотовского ун-та, т. V, вып. 2, 1947.

в раскопках А. В. Шмидта. У Н. А. Прокошева же он почти целиком происходит из трех смежных раскопов на вершине песчаного холма, где Шмидт не копал.

Создается впечатление, что в древности здесь располагалась временная эпипалеолитическая стоянка, остатки которой впоследствии смешались с культурным слоем поздненеолитического поселения.

Среди следующих вновь открытых стоянок имеются 3—4 памятника, на которых материал более древний, чем на Левшинской стоянке, давшей уже несколько медных орудий. Наиболее интересна стоянка Боровое озеро I, подвергнутая нами рекогносцировочным раскопкам. Керамика здесь классической для неолита полуяйцевидной формы, орнаментированная зубчатым штампом, со сплошным заполнением орнаментального поля; глина без растительных примесей, с включением мелкого песка; обжиг хороший, черепки очень прочные. В то же время в Левшине мы имеем иную картину, сближающуюся с позднейшими стоянками типа Астраханцевской на оз. Грязном: хорошо представлена форма с суженным горлом, шесть сосудов имели выгоревшие при обжиге растительные примеси к глине, поверхность иногда сглажена зубчатым штампом (что на керамике с Борового озера I совершенно отсутствует), орнаментальное поле редко бывает заполненным; встречаются сосуды вовсе без орнамента, так же как и плоские днища. Кремневый инвентарь на Боровом озере представлен еще недостаточно, но уже сейчас можно сказать, что он типично неолитический и ничего общего с нижнеадишевским не имеет. Надо думать, что стоянка Боровое озеро I и подобные ей являются древнейшими, наиболее типичными представителями еще слабо изученного камского неолита.

Лучше всего в наших работах представлены стоянки типа Астраханцевской на оз. Грязном, относящиеся ко II тысячелетию до н. э. На стоянках Бор I и у дер. Верхние Гари, ориентируясь по слабой впадине на поверхности, мы обнаружили полуземлянки и собрали очень богатый материал, состоящий из разнообразных каменных предметов и керамики. Этот материал, вопреки мнению Н. А. Прокошева,³ позволяет сближать подобные стоянки по времени, а может быть, и синхронизировать их с известным Турбинским могильником. Для этого в нашем материале могут служить: находка костей лошади, указывающая, вопреки прежнему мнению, на знакомство обитателей стоянки со скотоводством; преобладание кремневых стрел с усеченным основанием, наиболее типичных для Турбина; обломок плоского полированного каменного кольца, аналогичного турбинским кольцам из серпентина; сходство орнамента глиняной посуды стоянок с орнаментом бронзовых орудий сейминско-турбинского типа.

Следует особо отметить новые черты сходства между древней керамикой Прикамья (преимущественно левшинской и частью Бор I) и керамикой комплекса Б стоянок Балахнинской низины: растительные примеси к глине, обработка поверхности зубчатым штампом, отсутствие типичного ямочно-гребенчатого орнамента, преобладание зубчатого (гребенчатого) орнамента с неполным заполнением орнаментального поля и пр. В случае, если это сходство будет подкреплено в дальнейших исследованиях камским же характером стоянок в еще не изученных районах левобережья Волги, то получит свое объяснение своеобразие поздненеолитической культуры Балахнинской низины (именно комплекса Б) и сделается вполне понятным расположение в низовьях Оки, в пределах той же Балахнинской низины, очень своеобразного для Оки Сейминского памятника, по своим культурным особенностям явно тяготеющего к Приуралью.

³ Н. А. Прокошев. Некоторые итоги изучения поздненеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934—1937 гг.). Бюлл. ком. по изуч. четверт. периода, вып. 6—7, 1940.

Т. С. ПАССЕК

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЛАДИМИРОВКА

В 1947 г. Трипольская экспедиция ИИМК продолжала систематические раскопки одного из замечательных поселений трипольской культуры на Украине, у с. Владимировки Подвысоцкого района Кировоградской обл. (рис. 16).¹

Расположенное на высоком правом берегу р. Синюхи (приток Южного Буга), древнее поселение у Владимировки занимает огромную территорию и является самым большим из известных в настоящее время трипольских поселений на Украине. По данным обследований, производившихся экспедицией в течение нескольких лет, в древности здесь находилось свыше 200 больших жилищ. В каждом из таких «больших домов» жило несколько парных семей и могло разместиться до 20 человек. В древности население родского поселка у Владимировки, по примерному подсчету, составляло не менее 3000 человек. Наиболее густо поселок был заселен на ближайшей к реке территории, где экспедицией велись основные раскопки.² Именно в этой части поселения с наибольшей четкостью было установлено, что жилища располагались по определенной системе в пределах нескольких концентрических кругов. Близкая система расположения жилищ была ранее исследована нашей экспедицией в Киевской обл. на поселениях Коломийщина I и II.³

В 1947 г. обследование было проведено в западной части поселения, где, кроме ранее открытых жилищ, выявлено еще более 50, располагавшихся также по двум концентрическим кругам и составлявших, вместе с жилищами, расположенными у реки, единый родовой поселок.

Наряду с изучением трипольских жилищ и поселка в целом, экспедиция 1947 г. поставила перед собой задачу подвергнуть раскопке один из курганов, находившийся на территории поселения в центральной его части.

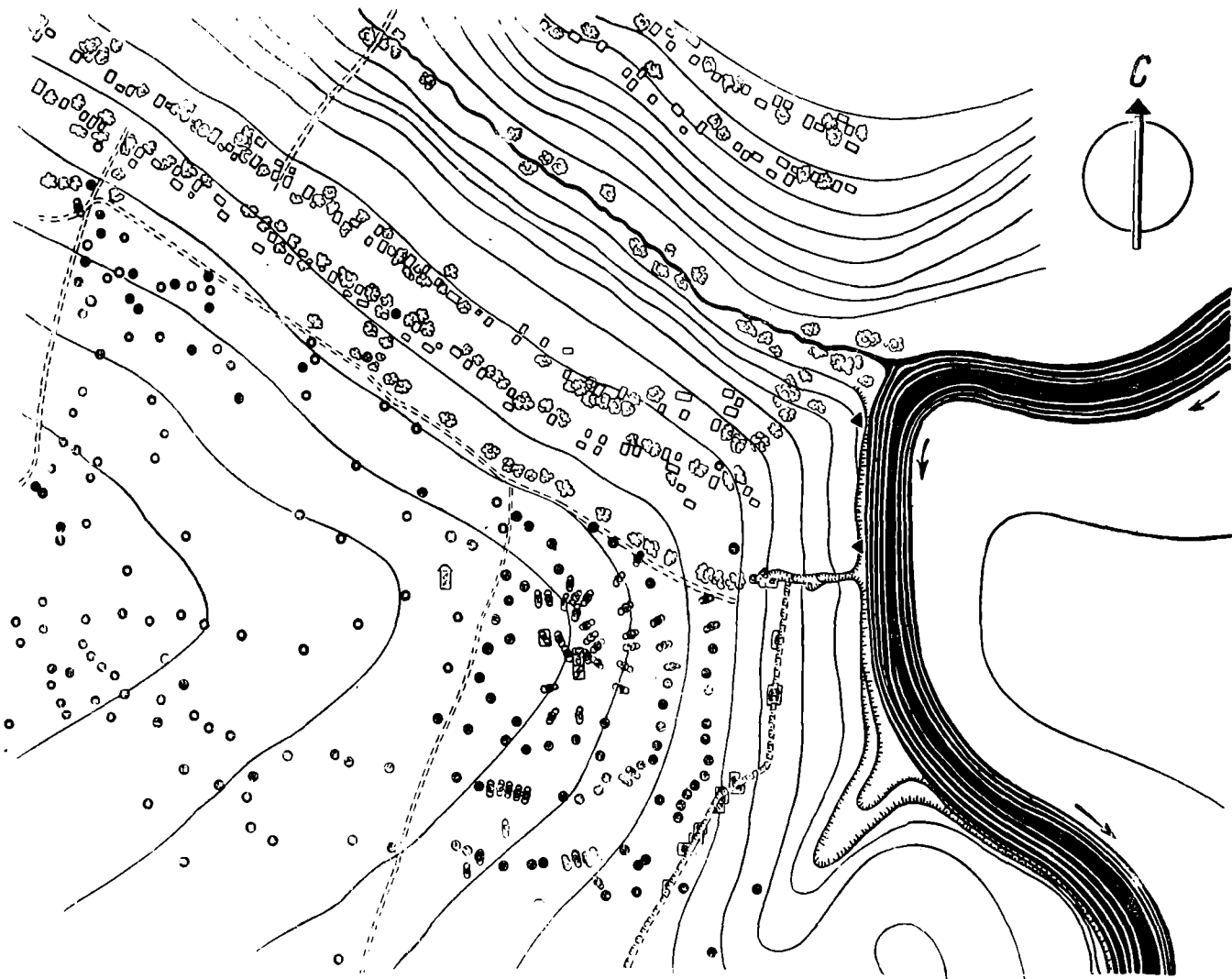
¹ Экспедиция, как и в предшествующие годы, была организована совместно с Институтом археологии АН УССР и проводилась под руководством Т. С. Пассек. В экспедиции принимали участие научные сотрудники: А. П. Черныш, Е. С. Малышко, Е. К. Черныш, М. Б. Орлова, фотограф В. П. Акимов и чертежник В. И. Лобов.

² Т. С. Пассек. Трипольские модели жилищ. ВДИ, № 4, 1938; ее же. Трипольские поселения у Владимировки (по раскопкам 1940 г.). ВДИ, № 1, 1941; ее же. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

³ Т. С. Пассек. Поселение Коломийщина. Трипольска культура, т. I, Київ, 1940; ее же. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г., ВДИ, № 4, 1939.

Рис. 16. Владимировка. План поселения

- ☐ 1 — жилище, раскопанное в 1939—1940 гг.;
- ▣ 2 — жилище, раскопанное в 1946 г.;
- ▢ 3 — жилище с установленной ориентировкой;
- 4 — жилище нераскопанное (разведка 1940 г.);
- 5 — жилище нераскопанное (разведка 1947 г.);
- ▧ 6 — жилище, раскопанное в 1947 г.;
- 7 — землянки;
- ▲ 8 — стоянка позднего палеолита;
- 9 — строения с. Владимировки;
- 10 — ров;
- - - 11 — дороги

Намеченный еще в 1940 г. для раскопки курган в 1947 г. был обнаружен с большими трудностями, настолько сильно была распахана его насыпь. Едва заметная курганная насыпь находилась в центральной части поселения, в 300 м на запад от головной части большого оврага (у реки), где в 1940 г. была раскопана трипольская землянка (рис. 17).

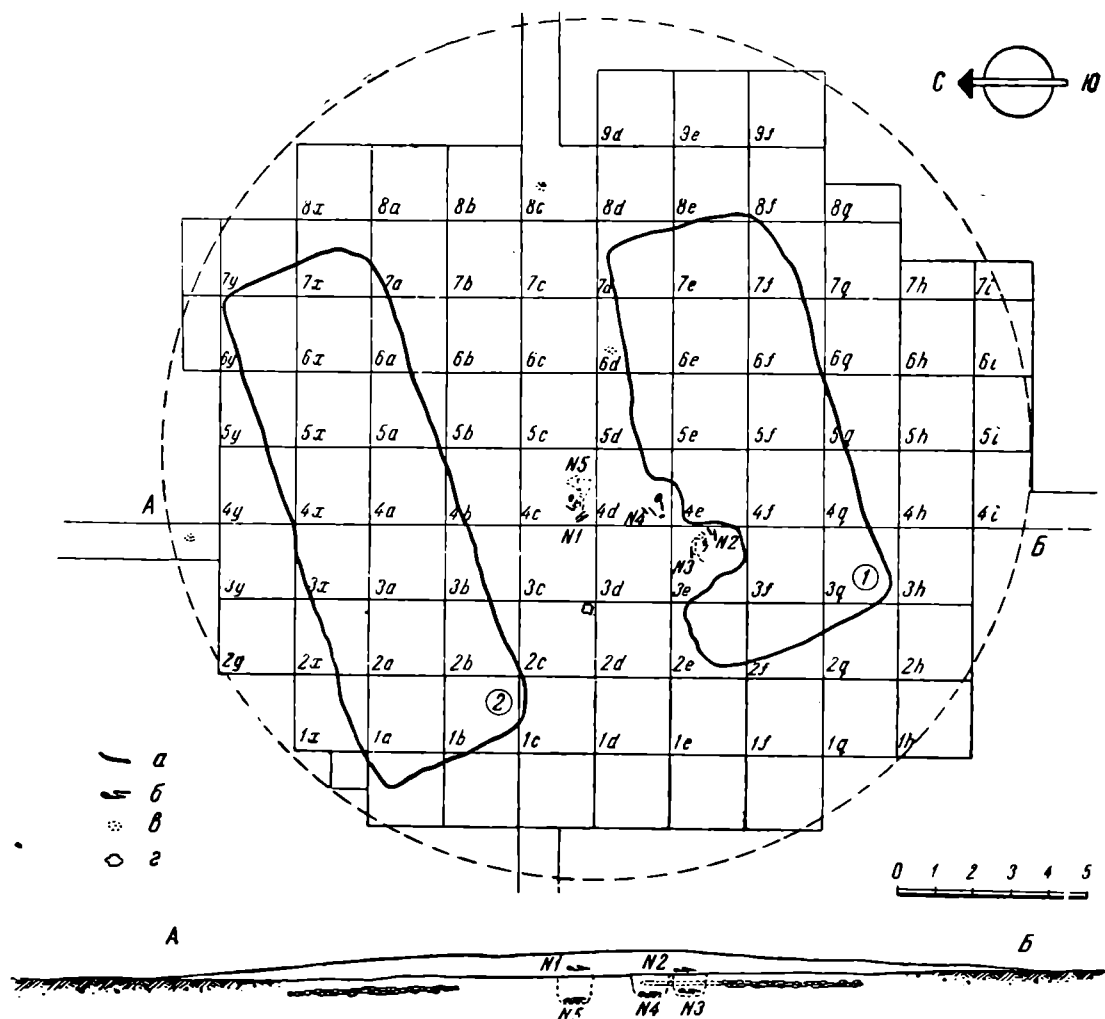

Рис. 17. Владимировка. План и разрез кургана

а — трипольские жилища № 1 и 2; б — погребения эпохи бронзы (№ 1—5); е — овраг; z — сосуд

Сильно расплывшаяся курганная насыпь диаметром 26 м достигала в центре 0.40 м высоты. Предварительный осмотр насыпи показал, что наружных разрушений курган не имел, однако на его поверхности, как и вокруг него, собрано большое количество глиняной трипольской обмазки разного типа. Это наблюдение поставило сразу же перед экспедицией основной вопрос — установить соотношение курганной насыпи с находящимися здесь же трипольскими жилищами. Производимая обычно перед началом раскопок трипольских жилищ разведка шупом показала, что непосредственно под курганной насыпью, на глубине до 0.60—0.70 м, находится сплошное залегание глиняной обмазки — строительных остатков трипольского жилища. Таким образом, еще до начала раскопок было сделано предположение (оправдавшее себя позднее), что курган возник на месте трипольских жилищ. Раскопка кургана была проведена путем постепенного снятия насыпи (по секторам). В черноземной насыпи кургана повсюду бы-

ли обнаружены обломки глиняной обмазки, единичные фрагменты керамики и обломки костей человека.

На глубине 0.15 м в насыпи, почти в центре кургана, обнаружено погребение № 1 (кв. 4/с). Костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток; ноги сильно согнуты в коленях, руки — перед лицом. На расстоянии 2 м на запад от погребения № 1 на той же глубине обнаружен небольшой сосуд из черной глины, срубного типа, баночной формы и небольшой кусок красной охры.

Рис. 18. Владимировка. Трипольское жилище № 1 и погребения № 4 и 5 эпохи бронзы

Погребение № 2 открыто в насыпи (юго-восточный сектор) на той же глубине (0.15 м) в сильно нарушенном состоянии. Сохранились отдельные кости человека (череп не обнаружен), причем они залежали в насыпи выше глиняной обмазки трипольского жилища № 1, остатки которого здесь постепенно выявлялись.

Кроме этих двух погребений, обнаруженных в насыпи выше трипольского жилища, погребение № 3 (кв. 3/г) прорезало глиняную обмазку трипольской постройки и оказалось в материке, значительно ниже ее (на 0.30 м), на глубине 0.50—0.60 м. Были заметны неправильные очертания небольшой могильной ямы. Костяк лежал в сильно скорченном положении на правом боку, головой на восток. На костях ног и рук следы красной охры.

Погребение № 4, так же как и погребение № 3, прорезало глиняную обмазку жилища № 1 (кв. 3/е) и находилось ниже его (на 0.25 м) в материке на глубине 0.50 м. В могильной яме прямоугольных очертаний обнаружен костяк плохой сохранности, в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на восток; кости рук, ног и череп со следами окраски красной охрой. После снятия насыпи кургана во всех секторах на глубине 0.40—0.60 м четко выявились контуры двух жилищ, ориентированных

с северо-востока на юго-запад, причем оба они были расположены параллельно на расстоянии 4—4.5 м друг от друга.

Между ними, на глубине 0.80 м, открыто основное в кургане погребение № 5 (в том же кв. 4/с, что и погребение № 1). В лёссовидном материке была вырыта большая яма с довольно правильными прямыми углами. Она была заполнена черноземной и лёссовидной землей с некоторым количеством обломков глиняной обмазки и с единичными фрагментами трипольской керамики. Погребение было несколько потревожено норами сусликов, и при расчистке его не оказалось нескольких позвонков, кистей рук и нижней челюсти. Костяк лежал на спине, головой на запад, с скорченными ногами и поднятыми коленями, которые при расчистке сохранили свое первоначальное положение и оказались заметно выше, чем тазовые кости и ступни ног. Череп и кости ног окрашены красной охрой (рис. 18).

В кургане, таким образом, открыто: два погребения (№ 1 и 2) в насыпи выше трипольских жилищ, два грунтовых погребения (№ 3 и 4), прорезавших глиняную обмазку трипольского жилища, и одно грунтовое погребение (№ 5) — основное — между жилищами.

В насыпи под полами кургана, на глубине 0.20 м, в двух местах (в северном и восточном секторах) обнаружены небольшие куски красной охры.

В процессе раскопки кургана, по снятии насыпи, ниже, начиная с глубины 0.40—0.60 м, постепенно выявлялись контуры двух глинобитных трипольских жилищ, расположенных параллельно друг к другу и ориентированных с северо-востока на юго-запад.

Жилище № 1, как указывалось, было разрушено двумя скорченными погребениями (№ 3 и 4), прорезавшими жилище в двух местах (кв. 3/ф и 3/е) вдоль его продольной стенки.

Жилище № 1 средних размеров (длина 12.2 м, ширина 5.4 м), прямоугольной формы; состояло оно из разделенных поперечными перегородками трех помещений (камер), в каждом из которых обнаружена печь и разнообразный хозяйственный инвентарь. В помещении первом большая печь находилась у южной стенки. От этой печи сохранилась груда сильно ошлакованной глиняной обмазки дуговидной формы (от свода печи). Обмазка вальковая, с примесью половы. Сняв рухнувший свод печи, удалось выяснить границы ее основы (2 × 2 м), состоявшей из крупных вальков, прекрасно заглаженных сверху. Печь заметно возвышалась (на 0.10—0.20 м) над уровнем пола жилища, который состоял из одного ряда вальков. На полу, около печи, и вдоль поперечной стенки находилось шесть плоских нижних больших камней зернотерок, а также верхние растиральные камни от них. Здесь же найдено и значительное число сосудов (до 10 экз.) для хранения припасов и приготовления пищи.

Второе помещение этого дома отделялось от первого поперечной перегородкой и было иным по своей конструкции. В отличие от первого помещения, здесь пол состоял из двух рядов вальковой обмазки. Вдоль южной продольной стенки находилась большая печь. Против печи, как это уже отмечалось и в других жилищах Владимировки, находилось квадратное возвышение, состоящее из очень массивных вальков, расположенных в три ряда один на другом. Возвышение частично сохранило обрамление из красной тонкой плитчатой обмазки. Около него обнаружено несколько больших сосудов и зернотерок. Скорее всего это возвышение следует считать местом для обработки зерна.

В третьем помещении большая печь находилась у северной продольной стенки дома. Основа — пол, как обычно, состоял из одного ряда вальков. Сохранились вертикально стоящие вальки от основы поперечной перегородки между помещениями вторым и третьим. Здесь же, на месте поперечной перегородки, впервые при раскопках на поселении во Владимировке

встречены обугленные нижние части двух столбов до 0.10—0.12 м в диаметре (сохранились до 0.08 м в высоту). Располагались они по линии перегородки на расстоянии 1.5 м от продольных стен. Между ними в середине постройки оставался пролет в 2 м.

Жилище № 2 расположено на расстоянии 4—4.5 м на север, параллельно жилищу № 1. Оно несколько больше последнего (длина 14 м, ширина 4.8 м), лучше сохранилось, ориентировано с юго-запада на северо-восток и состоит из четырех помещений (камер).

Половину первого помещения занимал мощный развал большой печи (2 × 2 м в основании), причем сильно ошлакованная обмазка лежала в 2—3 ряда. При разборке под этой обмазкой открыто до 10 различных сосудов. Вероятно, рухнувший свод печи завалил стоявшие в ней или около нее сосуды. Здесь же обнаружено несколько зернотерок.

Интересным и новым оказалось непосредственно примыкающее к печи возвышение (до 1 м ширины), сделанное из дерева и глиняных вальков, прекрасно заглаженных и образующих помост-лавку около печи. На этом возвышении и под ним обнаружено большое количество сосудов разнообразных форм (рис. 19). В процессе разборки развала печи и конструктивно связанного с ним возвышения выяснилось, что основу — пол — в доме составляет хорошо заровненная вальковая обмазка красноватого цвета. На обороте вальков имеются отпечатки деревянных плах (до 0.17—0.20 м ширины), которые были уложены поперек жилища в один ряд. Первое помещение от второго было отделено поперечной перегородкой, что ясно обнаружилось по вертикально стоящим валькам, составлявшим нижнюю часть перегородки.

Второе помещение, центральное в жилище, конструктивно отличалось от первого. Пол в нем состоял из двух рядов вальков. Непосредственно к перегородке примыкало большое четырехугольное возвышение (2.2 × 2.3 м), подымающееся над полом на 0.25 м. Оно построено из огромных вальков (0.40 × 0.30 × 0.20 м), слабо обожженных, горизонтально уложенных и облицованных сверху ярко оранжевой плиточной обмазкой толщиной 0.07—0.08 м; в некоторых частях это возвышение было облицовано тремя рядами таких плиток. Возвышение жилища № 2, как и жилища № 1, непосредственно примыкало к большой печи и, вероятнее всего, было особым местом для обработки зерна. Эта печь по устройству похожа на описанную выше печь первого помещения, причем здесь также обнаружен большой помост-лавка из гладко заровненных вальков (на 0.40 м возвышающийся над полом). Под ним открыто 9 больших сосудов.

Так же как свод печи, этот помост-лавка был сделан из дерева и затем обложен вальковой обмазкой. Внутри возвышение оставалось полым и там стояли сосуды. Само возвышение могло служить лежанкой для спанья. Сравнение такого типа печей с современными украинскими печами подтверждает высказанное предположение. На противоположной от печи стороне находилось большое количество сосудов и зернотерок.

В третьем и в четвертом помещениях, отделенных друг от друга перегородками, обнаружены печи и разнообразный хозяйственный инвентарь, однако в обоих помещениях основа-пол был весьма слабо обожженным, несколько раз подвергался подправкам, а значительная часть пола оставалась земляной и не имела глиняного настила.

Результаты раскопок 1947 г. подтвердили заключение экспедиции о том, что трипольские жилища во Владимировке представляют собой многоочажные и многокамерные постройки. Население, жившее в них, составляло определенное хозяйственное целое, обрабатывавшее землю, безусловно владевшее коллективно общими запасами и на общих началах приготавливавшее пищу. В каждом из домов жило несколько парных семей; такого типа три-

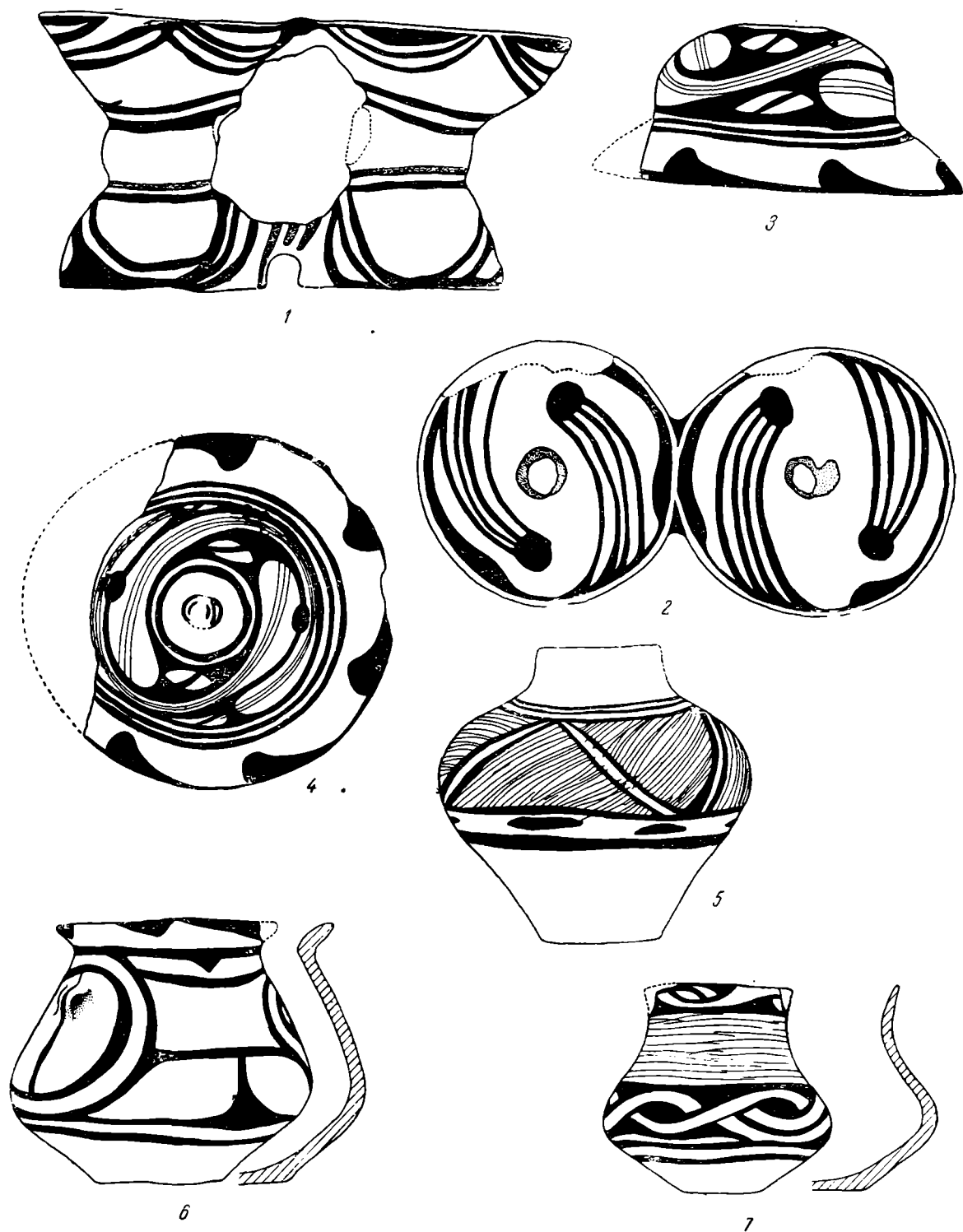

Рис. 19. Владимировка. 1—7—сосуды с черной росписью из жилищ № 1 и 2
 1,2—биноклевидный сосуд, 3, 4—шлемовидная крышка, 5—7—сосуды

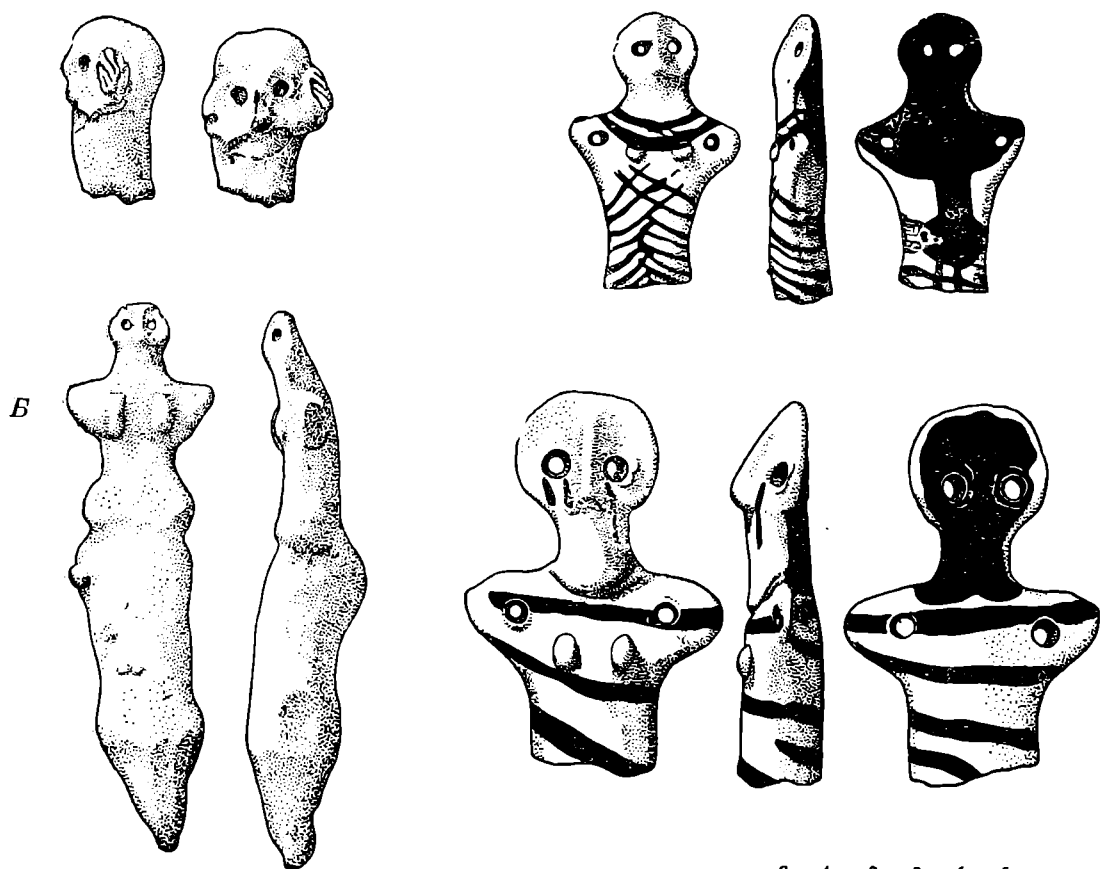
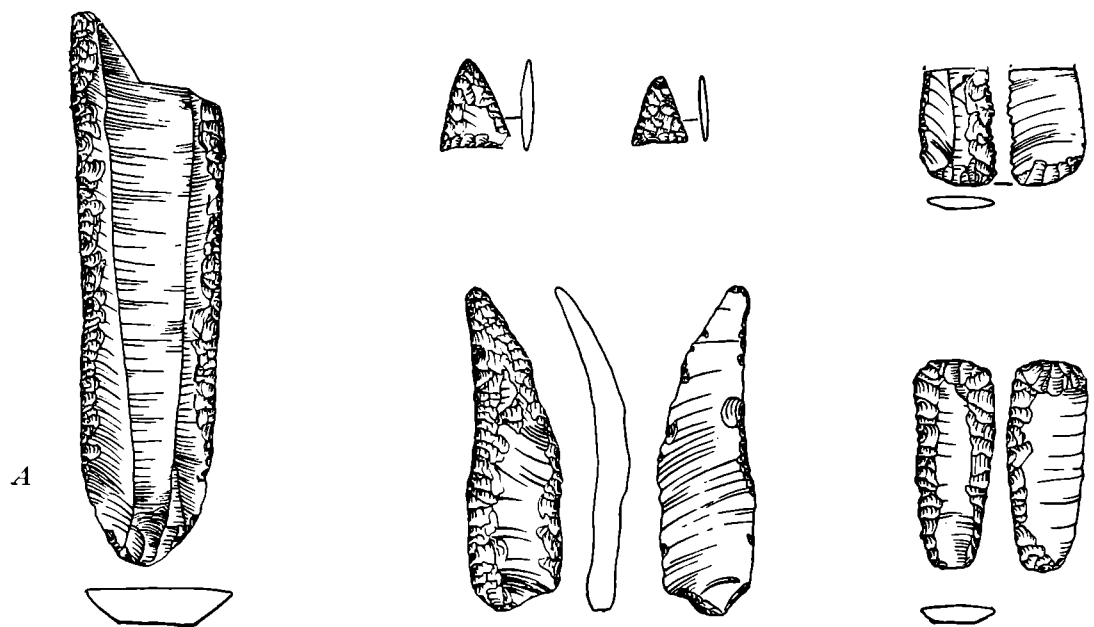

Рис. 20. Владимировка. Находки из жилищ № 1 и 2
 А — кремневые орудия; Б — глиняные статуэтки из жилищ № 1 и 2

польские постройки представляют примеры «больших домов» эпохи родового общества.⁴

В каждом из жилищ открыто большое количество хозяйственного инвентаря, каменные зернотерки, мотыги из рога оленя, костяные проколки, кремневые орудия, глиняные сосуды, статуэтки, остатки костей домашних и диких животных (рис. 20).

Преобладающей группой керамики являются сосуды с монохромной черной росписью. Наряду с этим велико и число кухонной грубой посуды со следами полосчатого сглаживания на поверхности и с примесью в глиняной массе толченых раковин или песка. Единичны находки фрагментов керамики с углубленным и полихромным орнаментом.

На основании своеобразнейшего керамического комплекса находок во Владимировке и других характерных признаков (большие родовые поселки, многосемейные дома с жертвенниками и особыми культовыми местами в них и т. п.) исследованные в 1947 г. и в предшествующие годы жилища должны быть отнесены к среднему этапу (В/II) развития Триполья, к периоду расцвета культуры.

Присизведенные в 1947 г. раскопки кургана на территории поселения и определение времени открытых в нем скорченных погребений эпохи бронзы позволяют сделать интересные выводы и установить конечную дату жизни трипольского поселения у Владимировки.

Скорченные погребения в насыпи (№ 1 и 2), залежавшие выше трипольских жилищ, и обнаруженный на той же глубине сосуд баночной формы следует датировать эпохой бронзы, временем так называемой срубной культуры. Что же касается двух грунтовых скорченных погребений (№ 3 и 4) и основного в кургане грунтового погребения (№ 5), то они являются более древними, и их следует отнести ко времени так называемой ямно-катакомбной культуры.

Эти новые стратиграфические наблюдения, установленные в 1947 г. на Владимировском поселении, интересны еще и тем, что помогают опровергнуть теорию В. В. Хвойко о якобы совершавшихся на трипольских площадках захоронениях. Постоянно находя на площадках пережженные кости в сосудах, а также отдельные кости, черепа, а иногда и целые костяки, Хвойко связывал эти находки с площадками.⁵ После раскопок Владимировского кургана правильнее считать целые скорченные костяки, встречавшиеся у Хвойко при раскопках площадок (например, в Веремье и др.), не трипольскими погребениями, а погребениями из курганов, сооруженных на местах трипольских поселений. Такие примеры известны и по отчетам Хвойко и по исследованиям других археологов (например, на поселении у с. Сушковка).⁶ Однако во всех этих случаях исследователям не удавалось сделать необходимые наблюдения над стратиграфией кургана и установить соотношение его с нижележащими трипольскими жилищами.

Раскопки кургана во Владимировке не дали никакого инвентаря, кроме сосуда баночной формы; однако и обряд погребений (сильно скорченные костяки на правом боку и на спине, с согнутыми ногами), наблюдения над местоположением основного погребения в кургане и над трипольскими жилищами позволяют с достаточной точностью установить конечную дату жизни Владимировского поселения.⁷ Это — пора ямно-катакомбной куль-

⁴ Т. С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

⁵ В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Поднепровья. Тр. XI Арх. съезда, т. I, стр. 786, 794, 809.

⁶ Там же, стр. 763; Сб. Трипольска культура, вып. 1, Київ, 1926, стр. 45.

⁷ Следует отметить, что на этапе позднего Триполья в курганах Усатова, Сериз-

туры на правом берегу Днепра, датируемая, на основе проведенных в последние годы Б. Н. Граковым раскопок курганов эпохи бронзы близ Никополя, довольно точно временем последней четверти III тысячелетия и первой четверти II тысячелетия до н. э.

Чрезвычайно важно, что датировка эта еще раз подтверждает сделанные нами ранее выводы о периодизации памятников Триполья и о соотношении их с культурами эпохи бронзы в Поднепровье. По периодизации автора, данной в 1946 г. и в результате раскопок 1947 г., конечная дата поселения у Владимировки, т. е. датировка среднего этапа развития Триполья (В/II — Владимировка), соответствует поре ямно-катакомбной культуры, тогда как памятники позднего этапа развития Триполья (С/II — У/II) сосуществуют на правом берегу и левобережье Днепра с культурой так называемой катакомбной.⁸

Новые раскопки во Владимировке, таким образом, поставили и разрешили одну из сложных задач, над которой работают советские археологи по установлению процесса развития трипольской культуры и уточнению относительной и абсолютной хронологии ее памятников.

лиевки и др. наиболее обычным является обряд погребения, когда костяк лежит на спине с согнутыми влево ногами или скорченно на левом боку (см. СА, т. V, 1940).

⁸ Т. С. Пассек. Трипольська культура, Київ, 1941; е е же. К вопросу о Среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

Т. С. ПАССЕК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В МОЛДАВИИ

Одной из основных проблем, разрешавшихся за последние годы в области изучения трипольской культуры, была проблема родовых трипольских поселений и жилищ. Не менее важными были также вопросы по уточнению процесса развития трипольской культуры, ее происхождения, выяснения связей с соседними племенами и установления относительной и абсолютной хронологии ее разнообразных памятников. Однако главными районами, где исследовались трипольские поселения, оставались районы Поднепровья и Побужья. Археологическое изучение бассейна Днестра велось исключительно слабо, и систематических раскопок памятников Триполья на территории Среднего и Нижнего Поднепровья известно немного. Вместе с тем, работами украинских археологов еще в 1925—1930 гг. здесь были открыты ранние трипольские поселения, как, например, Кудринцы, Кадиевцы, Стина, Озаринцы, Брага и др. В 1946—1947 гг. были начаты раскопки у с. Лука-Врублевская, на левобережье Днестра, где сделаны интереснейшие находки трипольской культуры раннего этапа.

В более южных районах, в степной части Причерноморья, около Тирасполя, еще в конце XIX в. были проведены раскопки курганов позднетрипольского времени с материалами, аналогичными Усатову на юге и Гóродску на севере.

На территории б. Бессарабской губ. в начале XX в. Э. Р. Штерн открыл трипольские площадки у с. Петрени, около гор. Бельцы.

Случайные находки сосудов раннетрипольского этапа были сделаны при постройке железной дороги около ст. Унгены.

С 1918 по 1940 г., за время оккупации Бессарабии Румынией, археологические исследования на ее территории носили случайный характер. Краткая сводка о результатах этих работ в 1933 г. была напечатана Чеславом Амброжевичем.¹ В этой работе автор впервые публикует разнообразный материал из 26 энеолитических поселений трипольской культуры, изучавшихся им на правом берегу Днестра и вдоль его притоков, а также по Пруту. Наиболее значительными явились раскопки у с. Дарабани, ниже гор. Хотина на Днестре, где обнаружены жилища полуземляночного типа с остатками глиняной обмазки, очагами, большим числом костей животных и керамикой.

На поселении Дарабани были сделаны наблюдения над двумя культурными слоями. В нижнем слое, более древнем, обнаружена керамика с

¹ Dr. Ceslav Ambrojevici. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest Dacia, т. III—IV, 1927—1932, Bucarest, 1933.

полихромным расписным и углубленным орнаментом. В верхнем слое, более позднем, встречены сосуды с монохромной росписью и керамика с веревочным орнаментом. Эти данные подтверждают ранее сделанные наблюдения, над другими поселениями с расписной керамикой (например, у сел Кукутени, Извоар), о процессе развития трипольской культуры. Интересны материалы и из серии поселений, обследованных по правому берегу Днестра, ниже с. Дарабани (у сел Каплевцы, Кишла Неджимова, Перновцы, Вороновица, Ленкауцы, Бабино, Рестеу, Молодова, Корман, Шубутинцы, Непоротово, Бричени, Санжер) и в бассейне Прута (Липканы).²

При просмотре археологического материала в собраниях Краеведческого музея в Кишиневе среди большого числа главным образом керамических находок удалось выявить коллекции из многих перечисленных выше пунктов (например, из сел Молодова, Бричени, Липканы, Петрени и др.). К сожалению, материалы эпохи энеолита из этих и других пунктов, находящиеся в собрании Кишиневского музея, не сохранили коллекционных описей и каких-либо сопровождающих данных. Среди новых пунктов памятников трипольской культуры в Молдавии значительный интерес представляют в Кишиневском музее находки с поселений у сел Екимауцы, Колинкауцы, Негурени, Богданешти, Мирчести и др. В дополнение к собраниям Музея, в Институте истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР находится коллекция из археологических разведок, проведенных Г. Д. Смирновым в 1946—1947 гг. в различных районах Молдавии, главным образом на правобережье Днестра, в районе сел Екимауцы — Сахарна.

Основным заданием экспедиции³ по изучению памятников трипольской культуры на территории Молдавии в 1947 г. было проведение археологического обследования в тех удаленных друг от друга районах, в которых, по данным археологической литературы и по сборам последних лет, известны были памятники Триполья: а) на северо-запад от Кишинева, у с. Горьдки Страшенского р-на Кишиневского у.; б) на север от гор. Бельцы, у с. Петрени Дрокиевского р-на Сорокского у. (на месте прежних раскопок Э. Р. Штерна); в) на правом берегу Днестра, у с. Екимауцы Резинского р-на Ортеевского у.

Трипольское поселение и скифское городище Горьдка I. Как выяснилось из бесед с местными жителями хутора Горьдка и с. Новые Дракушени, городище расположено между этими пунктами на запад-юго-запад от хутора Горьдка. Здесь, по дороге в Новые Дракушени, находилась крепость (по-молдавски *setata*), где постоянно обнаруживаются черепки посуды и обломки кирпичей.⁴ По рассказам местных жителей, это — остатки крепости «турецкого времени». Городище находится на возвышающемся плато, с трех сторон ограниченном обрывистыми, почти отвесными склонами; лишь с южной стороны плато переходит в еще более высокую напольную часть. Дорога с хутора Горьдка, минуя ручей, идет в сторону с. Новые Дракушени, круто поднимается и огибает городище с северной, западной и юго-западной стороны. Археологической разведкой установлено, что плато, поднимающееся выше 150 м над древней долиной р. Ботны, окружено со всех сторон (по обрывистым краям) сильно оползшим валом. Несколько ниже этого вала с северной

² Лишь Санжер и Липканы находятся на территории Молдавской ССР, остальные же расположены в Черновицком и Хотинском районах УССР.

³ Экспедиция ИИМК была организована совместно с ИИЯиЛ Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР и проводилась в следующем составе: руководитель Т. С. Пассек; научные сотрудники: А. П. Черныш, Е. К. Черныш, Е. С. Малышко, М. Б. Орлова, В. П. Акимов (фотограф) и В. А. Лобов (чертежник).

⁴ В настоящее время земли эти заняты виноградниками.

стороны, на уступе обрывистого склона, сохранились остатки другого невысокого вала, подковообразно огибающего городище с северной стороны. С южной, напольной, стороны за валом неглубокий ров. В настоящее время дорога обходит плато с севера и северо-запада. В древности, вероятнее всего, подъем и въезд на поселение были с восточной стороны, где до сих пор заметны следы въезда, подходящего ко рву с южной стороны. Площадка поселения, несколько приподнятая к середине, имеет протяжение 260 м с севера на юг и 180 м с запада на восток.

На территории, ограниченной со всех сторон валом, было собрано большое количество фрагментов глиняной обмазки и трипольских сосудов, вырытых при копке земли. Одновременно повсюду на поселении было обнаружено значительное количество грубых серых фрагментов керамики с наклепным орнаментом скифского типа и обломков скифских сосудов с выступающими, горизонтально расположенными ручками-упорами без отверстий, хорошо известными и в глиняной, и в металлической, и в деревянной скифской посуде (рис. 21—1, 2).

На поселении Горóдка I экспедицией были заложены два разведочных шурфа в южной и северо-восточной частях площадки поселения (по 2×2 м каждый), установивших два культурных слоя: вышележащий — скифский и нижележащий — трипольский. В скифском слое, наряду с керамикой, залежали остатки глиняной обмазки от печей, а возможно, и от глинобитных стен скифских жилищ. В обоих шурфах на глубине 0.30—0.40 м в черноземном слое были обнаружены горизонтально лежащие наслоения обожженной глиняной обмазки оранжевого цвета из хорошо отмученной глины со слабой примесью половецкой — типичные остатки основы трипольского жилища. Среди керамических находок — тонкостенные сосуды типа расписных, сосуды с довольно грубой каннелированной поверхностью, фрагменты глиняных статуэток.

Скифское городище Горóдка II. После обследования поселения Горóдка I экспедиция провела разведки в окрестностях сел Горóдка и Новые Дракушени и обнаружила на восток и юго-восток от поселения Горóдка I второе скифское городище — Горóдка II. Оно расположено на естественном мысе, высоко поднимающемся над долиной р. Ботна и обращенном на север.

С трех сторон мыс ограничен почти отвесными глубокими оврагами, сильно заросшими молодым лесом. Южная часть мыса, примыкающая к напольной части, пересечена большим валом (6.5 м от дна рва), за которым следует глубокий и широкий ров (ширина в среднем 13 м). За ровом — напольная часть городища в виде поднимающейся площадки; напольная часть постепенно переходит в естественную площадку еще более возвышенного плато, покрытого лесом. Вал подковообразно ограничивает мыс, причем в восточной стороне он прерывается и, несколько отступая, начинается снова. В этом месте, таким образом, был въезд в укрепленную часть городища. Здесь же, с восточной стороны мыса, видимо, шла в древности и дорога на городище снизу, со стороны р. Ботна. До сих пор заметны уступы этой подъездной дороги.

Значительный подъемный материал, собранный на городище Горóдка II, а также два контрольных шурфа (2×2 м каждый), заложенных экспедицией на мысе и в нижней части, показали, что на поселении Горóдка II имеется культурный слой скифского времени с большим количеством керамических изделий и глиняной обмазки. Среди них серые и черные грубые глиняные сосуды с разнообразным наклепным орнаментом и с горизонтально расположенными ручками-упорами без отверстий, аналогично найденным на соседнем поселении Горóдка I (рис. 21—3—6).

Трипольское поселение у с. Петрени Дрокиевского р-на

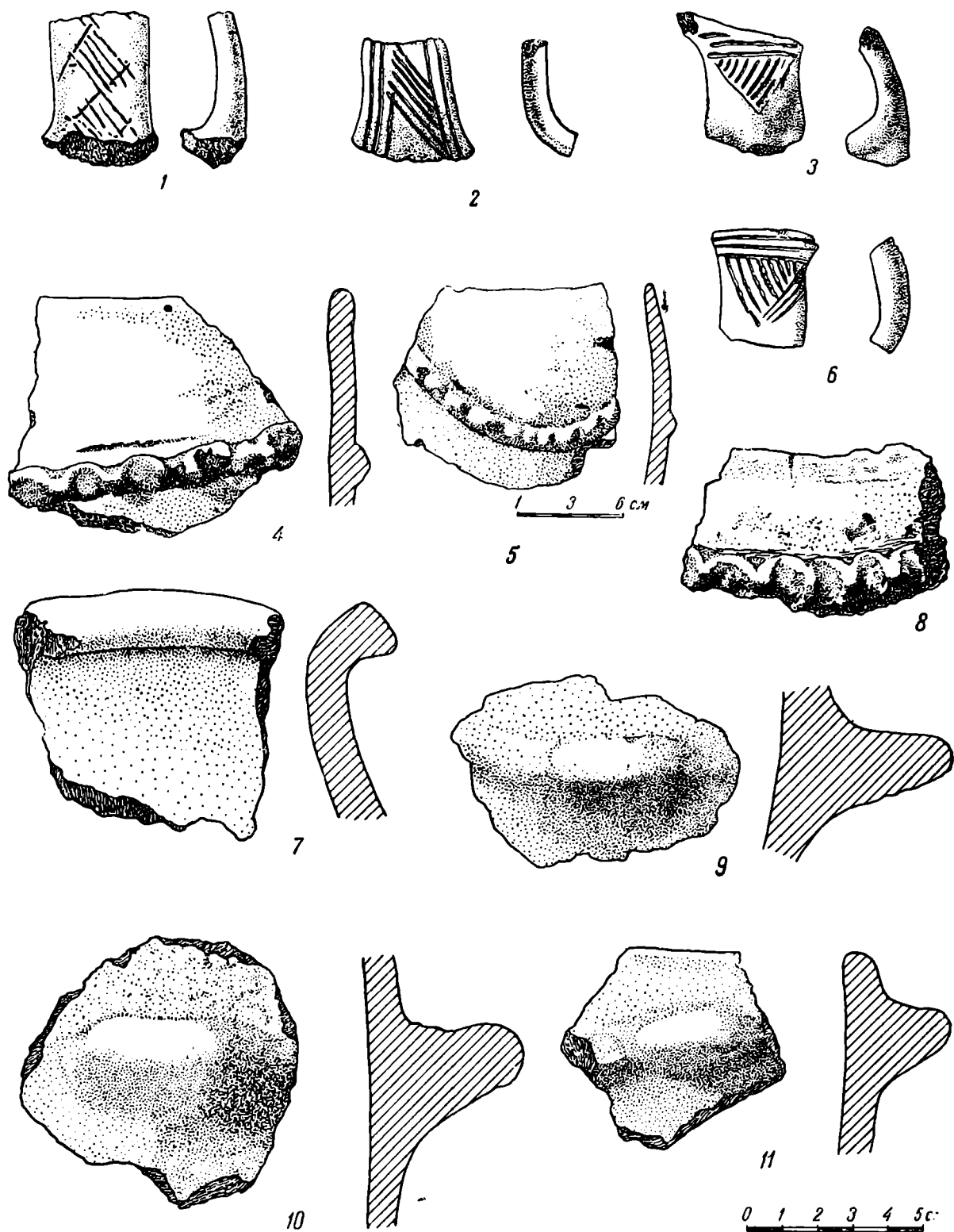

Рис. 21. Скифская керамика
 1, 2 — из Городка I; 3—6 — из Городка II; 7—11 — из Столбой I

Бельцкого у., где были проведены в 1902—1903 гг. раскопки Э. Р. Штерна, находится на землях с. Петрени, на юго-запад от села и в 4 км на юг от ст. Софии. К сожалению, тех указаний, которые имеются в отчете у Штерна, для обнаружения места раскопок оказалось совершенно недостаточно, и лишь с помощью местных жителей удалось найти место знаменитых раскопок.⁵ Поселение расположено на возвышенности, тянущейся вдоль ручья (притока небольшой рч. Кобулты), который обходит поселок с двух сторон. Оно занимает юго-восточный и южный склоны, где и удалось наблюдать скопление выпавшей обмазки, большое число сосудов с черной росписью. Петрени принадлежат к достаточно большим трипольским родовым поселкам. Площадь общего распространения находок занимает примерно 350 м с севера на юг и 500 м с запада на восток. При обследовании поселения было уточнено место раскопок Штерна (траншея длиной 45 м и шириной 1 м), а также обнаружены два больших раскопа (12 × 15 м и 9 × 12 м), заложенных здесь румынскими археологами, производившими исследования в начале 1940 г., по поручению Бухарестского музея.

Трипольские жилища залегают в черноземе на глубине 0.30—0.50 м; особенно хорошо это заметно на южном склоне. Здесь же собран большой подъемный материал, в числе которого значительное количество фрагментов сосудов разнообразных форм с черной спиральной росписью, фрагменты женских статуэток и единичные орудия из кремня (рис. 22—1, 2). Осмотр соседних возвышенностей не обнаружил следов древних памятников.

Городище Екимауцы I находится в 2 км на северо-восток от с. Екимауцы Резинского р-на Оргеевского у., у дороги с. Чиншеуци — Резина.⁶ Направо от дороги хорошо заметен подковообразный земляной вал. Разведки установили, что трипольское поселение тянется на возвышенности с востока на запад примерно на 500 м, с севера на юг поселок спускается по склону возвышенности. Подковообразный вал занимает лишь северную часть поселка и своей незамкнутой частью обращен на север. Вал до 2 м высотой хорошо сохранился. На пространстве, окруженном валом, находится колодец и небольшой ключевой источник.

На всей территории поселения обнаружено большое количество фрагментов трипольской керамики с углубленным спиральным орнаментом и сосуды с трехцветной росписью (роспись черной, красной и белой красками) (рис. 22—3—7; 23—5—12). Среди подъемного материала найдены орудия из кремня. Наряду с трипольской керамикой, особенно на склоне, встречены сильно распаханные остатки глинобитных трипольских жилищ, идущих рядами. Одновременно с трипольскими материалами и на территории, окруженной валом, и вне ее обнаружена посуда славянского времени, сделанная на гончарном круту, с волнистым орнаментом XII—XIII вв.

На поселении экспедицией было заложено два шурфа (2 × 2 м каждый).⁷ В обоих шурфах на глубине 0.30 м в черноземе обнаружено сплошное залегание плитчатой обмазки яркокрасного цвета. Ниже ее на всем пространстве шла мощная (до 0.15 м) обмазка, так называемая вальковая, с примесью половецкой. На обратной ее стороне — отпечатки дерева. Куль-

⁵ Э. Р. Штерн. Догреческая культура на юге России. Тр. XIII Арх. съезда, т. I.

⁶ Здесь в 1946 г. были проведены раскопки Д. А. Самойловским (на месте славянского города у с. Екимауцы I) и Г. Д. Смирновым (на скифском городище у с. Сахарна), и отсюда были известны отдельные находки трипольской керамики.

⁷ Шурф № 1 был заложен в 200 м на восток от дороги Екимауцы — Резина и в 50 м на юг от вала. Шурф № 2 — на перекрестке полевой дороги с грунтовой, справа от последней.

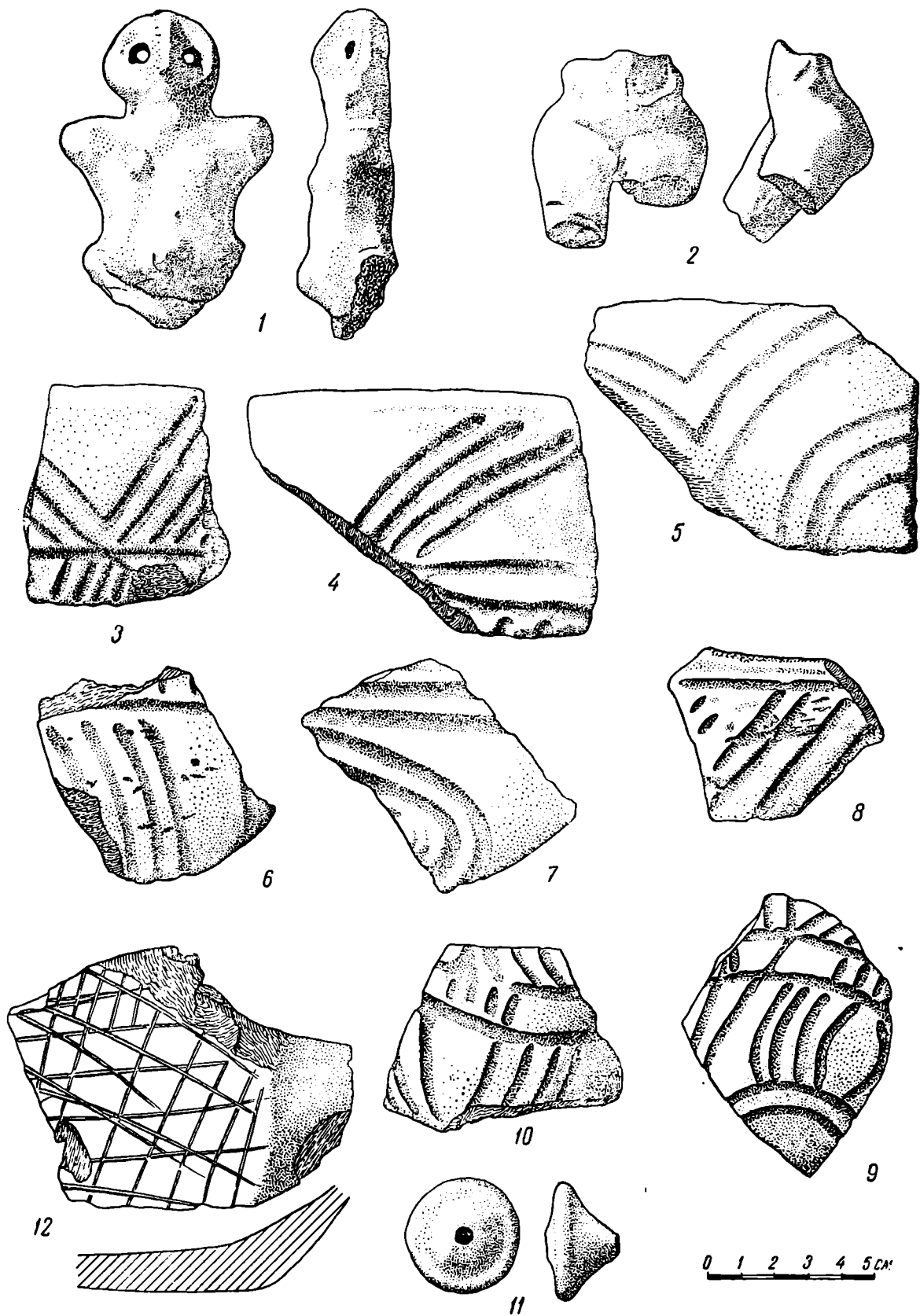

Рис. 22. Трипольская керамика

1, 2 — фрагменты статуэток из Петрени; 3—7 — фрагменты сосудов из Екимавцы I; 8—10 — из Стохой I; 11 — пряслице из Стохой I; 12 — фрагменты дна сосуда из Солончени

турный слой дал много фрагментов сосудов с углубленным спиральным орнаментом и неорнаментированных, а также камни зернотерок из раковистого известняка.

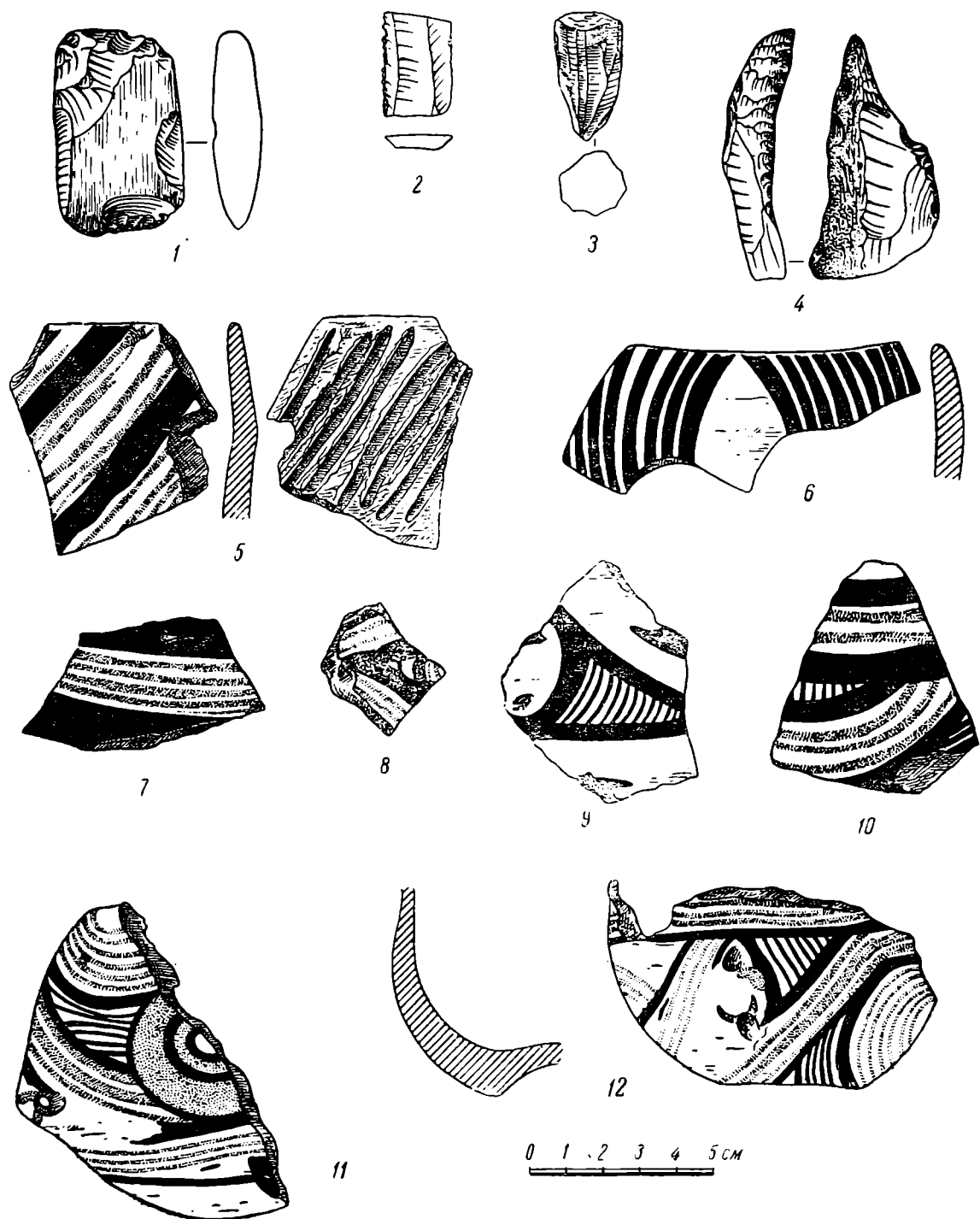

Рис. 23. Находки с трипольских поселений

1—4— кремневые орудия; Екимауды I. 5—12—фрагменты сосудов с черной, красной (дано точками) и белой росписью; Екимауды II.

Во втором шурфе, наряду с этой керамикой, встречены сосуды с трехцветной росписью (полихромной), а также часть фигурки животного.

Выше трипольского слоя в обоих шурфах обнаружено небольшое число обломков славянской посуды. Таким образом, на месте трипольского посе-

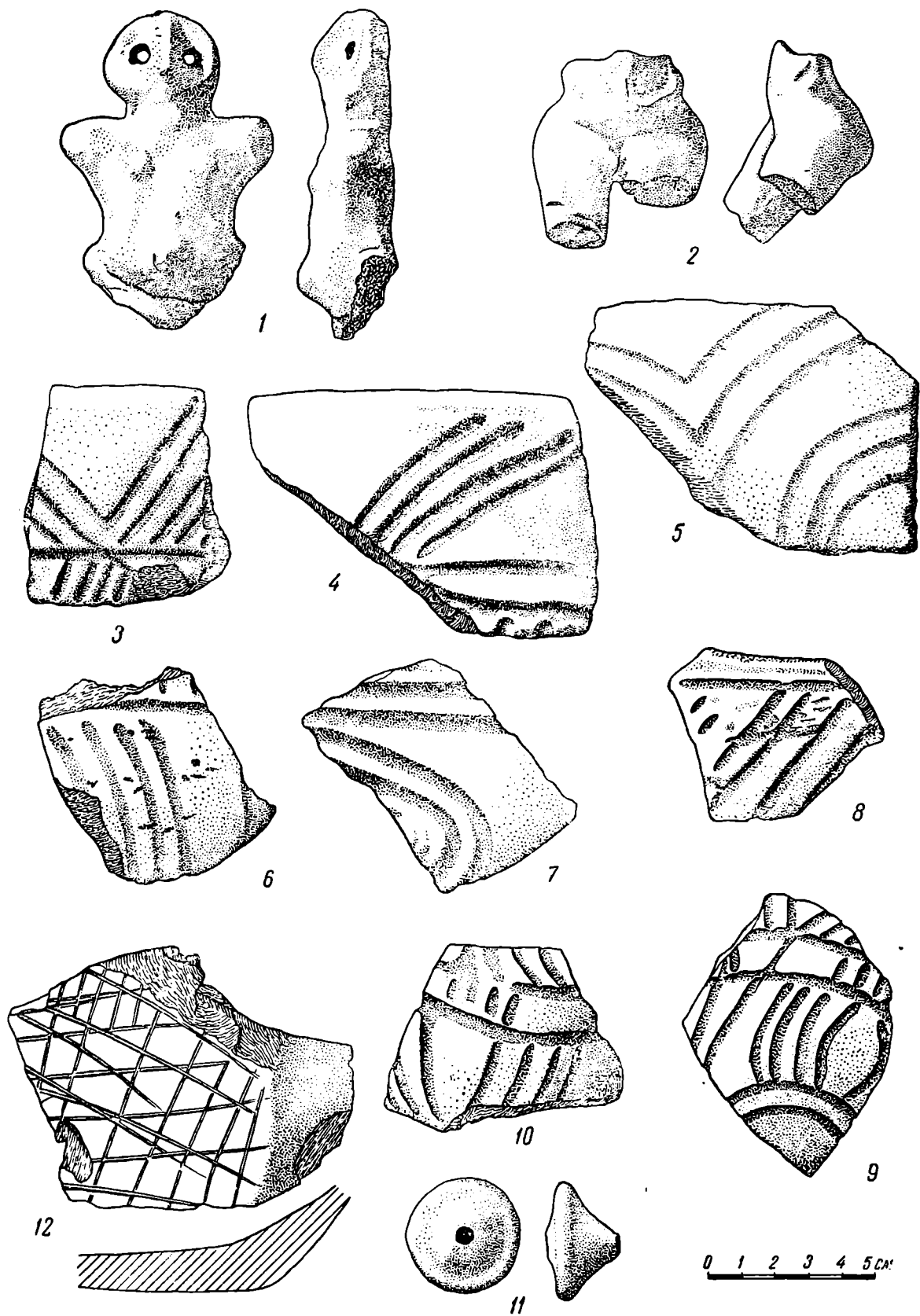

Рис. 22. Трипольская керамика

1, 2 — фрагменты статуэток из Петреши; 3—7 — фрагменты сосудов из Екимавцы I; 8—10 — из Стожной I;
 11 — пряслице из Стожной I; 12 — фрагменты дна сосуда из Солончени

турный слой дал много фрагментов сосудов с углубленным спиральным орнаментом и неорнаментированных, а также камни зернотерок из раковистого известняка.

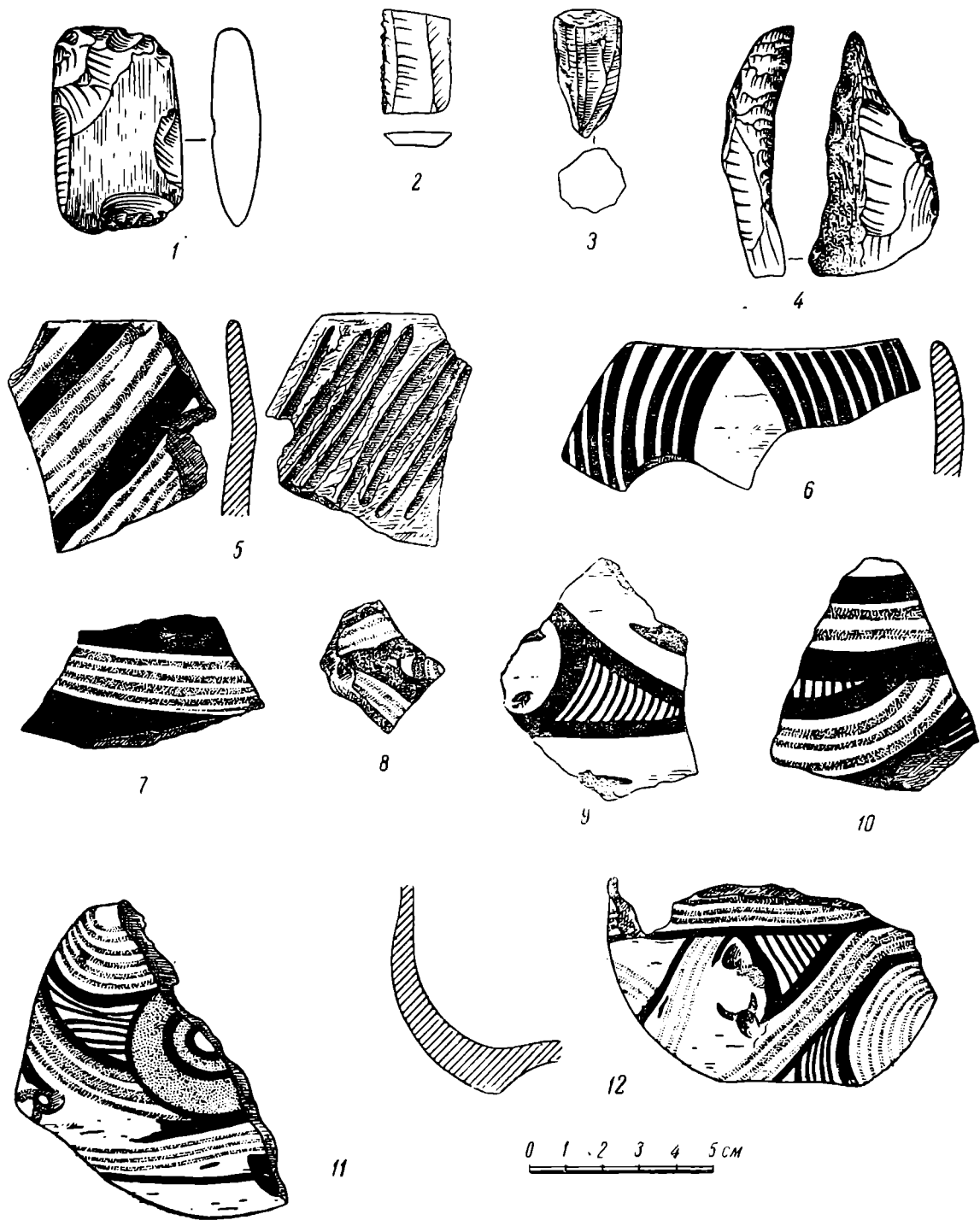

Рис. 23. Находки с трипольских поселений

1—4 — кремневые орудия; Екимауцы I. 5—12—фрагменты сосудов с черной, красной (дано точками) и белой росписью; Екимауцы II.

Во втором шурфе, наряду с этой керамикой, встречены сосуды с трехцветной росписью (полихромной), а также часть фигурки животного.

Выше трипольского слоя в обоих шурфах обнаружено небольшое число обломков славянской посуды. Таким образом, на месте трипольского посе-

ления в XII—XIII вв. возникло славянское городище с земляным валом подковообразной формы.

Городище Екимауцы II находится на северо-запад от села, на склонах возвышенности, тянущейся вдоль балки ручья. В этом месте, на возвышенности, налево от дороги — остатки едва заметного, сильно распаханного вала в плане подтреугольной формы. Около и внутри территории, ограниченной валом, собрано значительное количество скифской керамики. Ниже на склоне, ближе к ручью, обнаружено большое количество глиняной трипольской обмазки. Удалось проследить четыре яруса глинобитных трипольских жилищ, образующих обычный родовой трипольский поселок. Наряду с глиняной обмазкой, типичным строительным трипольским материалом, на поселении собрано некоторое количество кремневых орудий того же времени — скребок, пила, часть клиновидного топорика из беловатого кремня (рис. 23—1—4). Среди фрагментов керамики — сосуды по типу массы расписные (роспись сохранилась чрезвычайно слабо).

Скифское поселение у с. Солончени. В процессе разведки в районе Екимауцы — Резина были проведены обследования выше по Днестру, на правом его берегу в 2 км на ЗСЗ от с. Солончени, в уроч. «Глиная». Здесь, на высоком мысу, около ключевого источника обнаружено скифское поселение без вала. Собранная скифская керамика чрезвычайно разнообразна и напоминает материалы из раскопок на Сахарском городище.

Трипольское поселение у с. Солончени. Кроме скифского поселения, в самом с. Солончени, у церкви, на высоком правом берегу Днестра, на месте заброшенной в конце XIX в. помещичьей усадьбы, экспедицией собран значительный подъемный материал, относящийся к строительному мусору стоявших здесь построек усадьбы — стекло, черепица, поливная посуда и др. Наряду с этим здесь встречено некоторое количество скифской керамики и еще меньшее трипольской. Позднейшие постройки и фундаменты зданий значительно разрушили древние культурные слои. Закладка шурфа среди руин XIX в. не была осуществлена. Зачистка обреза у берега дала некоторые дополнительные материалы, глинобитную обмазку и керамику, свидетельствующие о наличии здесь трипольского поселения.

Ознакомление с керамическими трипольскими материалами из Солончени дает все основания говорить об открытии здесь, в отличие от Горьдка I и Екимауцы I и II, поселения иного времени, принадлежащего к позднему этапу развития Триполья. Среди керамики имеются расписные фрагменты чаш (черная и красная краска), характерных для усатово-горьдских форм и систем орнамента (рис. 22—12; рис. 24—1—7).

Трипольское поселение и скифское городище у с. Городиштя. Экспедиция провела обследование в районе с. Городиштя Киперченского р-на Оргеевского у., осмотрев городище на восток от села, на огородных землях, непосредственно примыкающих к селу. Городище расположено на мысе; с двух сторон его огибают ручьи, текущий по дну глубокого оврага. С напольной юго-восточной части мыс перегорожен хорошо сохранившимся валом; за этим первым валом напольная часть перегорожена вторым, который начинается несколько отступя и переходит на запад, на соседний мыс, перегораживая и его. Таким образом, здесь создана была двойная система укреплений с напольной части, а сам мыс защищен глубокими оврагами. Подъемный керамический материал скифского времени собран как на мысе, так и в напольной части; количество керамики весьма обильно и разнообразно по формам и орнаменту; имеются и трипольские фрагменты керамики. Таким образом, вероятнее всего считать, что скифское укрепленное поселение возникло на месте трипольского.

Трипольское поселение у с. Стохная I. В районе Стохная—Резина (к северо-западу от с. Стохная и налево от столбовой дороги Екимауцы—Резина, при ее скрещении с дорогой из с. Царени) экспедицией обследовано городище, расположенное на склонах балки. С дороги виден (недалеко от разрушенного каменного строения) подковообразный вал (в диаметре до 100 м), схожий с валом на городище Екимауцы I. Обширный

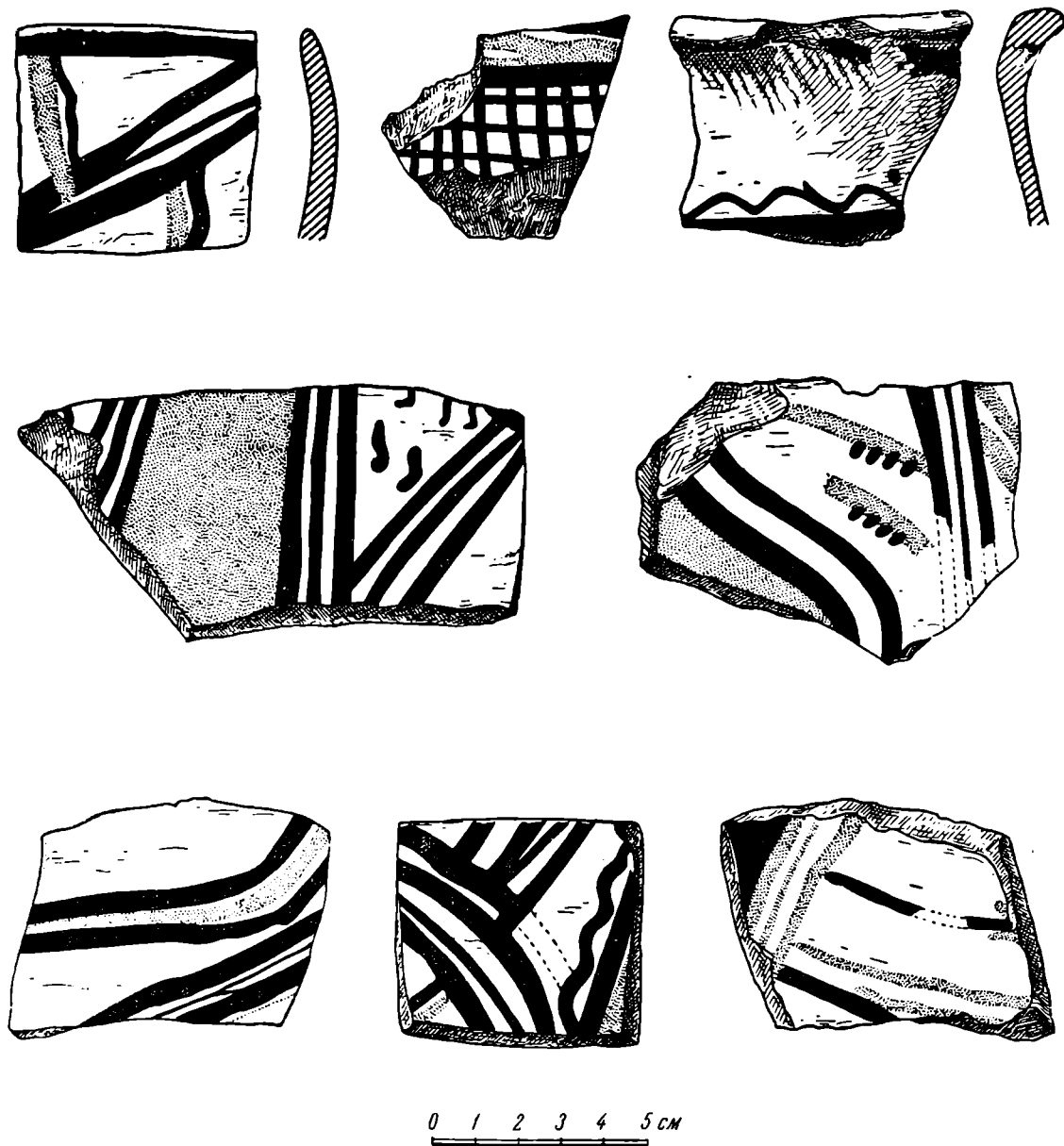

Рис. 21. Солончени. Фрагменты сосудов с черной и красной (дано точками) росписью

подъемный материал, а также два контрольных шурфа, заложенных на городище, показали, что здесь первоначально было трипольское поселение, затем скифское, и, наконец, еще позднее образовалось укрепление славянского городища с подковообразным валом. Наибольшую площадь занимал трипольский поселок, который тянется по обе стороны от столбовой дороги (300 × 400 м). В разрезах канав по сторонам дороги хорошо заметны выходы глиняной обмазки трипольских жилищ (площадок) и большое скопление находок на глубине 0.40—0.50 м. Повсюду на поселении попадает в большом количестве скифская посуда, менее обильна славян-

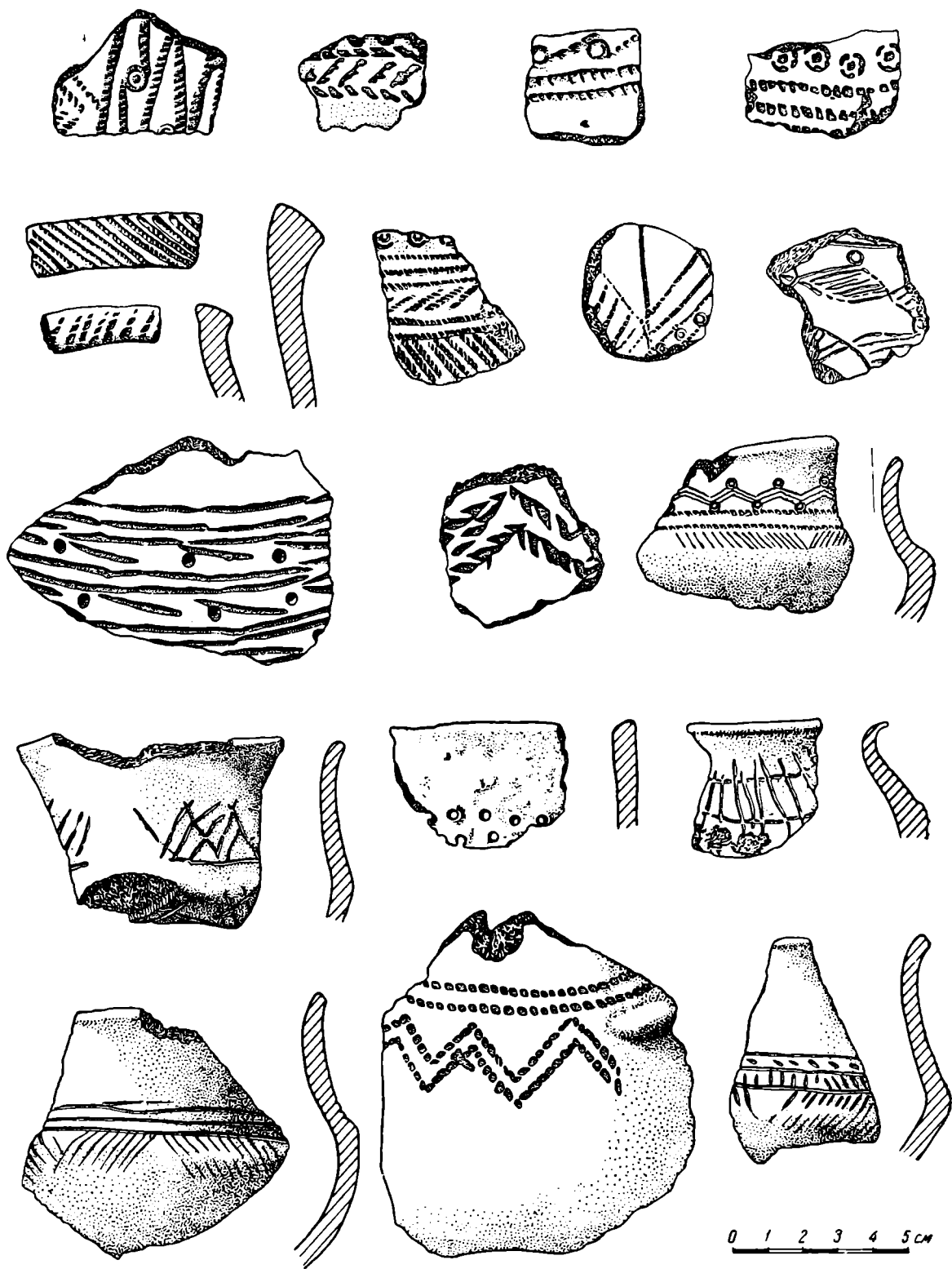

Рис. 25. Стохная I. Скифская керамика

ская с волнистым орнаментом. В верхнем горизонте контрольных шурфов (2 × 2 м), в черноземном слое обнаружено небольшое число скифской посуды, в нижнем (на глубине 0.40—0.50 м) — трипольская и обломки обмазки, поделки из кремня. Славянская посуда в контрольных шурфах не была обнаружена⁸ (рис. 21—7—11; рис. 22—8—11 и рис. 25).

Скифское городище у с. Стохная II. На юг от с. Стохная, на землях, где в настоящее время размещается подсобное хозяйство Райпотребсоюза, обследован высокий правый берег Днестра. Здесь (против с. Гидирим) крутой обрыв к Днестру отделен от napольной части полукруглым земляным валом. И на территории внутри вала, и за его границами собрано значительное количество скифской керамики и глиняной обмазки с отпечатками; посуды трипольской и славянской обнаружено не было.

Трипольская экспедиция в 1947 г., проработав в трех районах Молдавии, произвела предварительные археологические исследования на поселениях разного времени, собрав значительный материал с семи трипольских поселений, семи скифских городищ и двух славянских городищ.

Сделанные во время экспедиции наблюдения над характером изучавшихся памятников в бассейне Днестра позволяют наметить некоторые выводы. Обследованные в 1947 г. трипольские поселения, на основании изучения открытого на них комплекса находок, с очевидностью показывают, что экспедицией обнаружены в Молдавии разновременные трипольские поселения.

1. Поселения сравнительно раннего этапа развития (этап V/I периодизации автора) — у сел Горódка I, Екимауцы I, Стохная — обширные родовые поселки с глинобитными большими жилищами и с керамикой, среди которой преобладают сосуды с углубленным спиральным орнаментом и сосуды с полихромной (трехцветной) росписью типа, близкого к Кукутени А, Крутобородины I.

2. Поселения у с. Петрени среднего этапа развития (время расцвета Триполья — этап V/II, по периодизации автора).⁹ Среди керамики господствуют сосуды с монохромной черной спиральной росписью.

3. Поселения позднего этапа у с. Солончени (этап V/II той же периодизации), с находками сосудов с росписью горódско-усатовского типа. К этому же позднему этапу относятся и погребения, раскопанные А. Е. Аляховой на левом берегу Днестра, у с. Выхватинцы.¹⁰

Открытие трипольских поселений в удаленных друг от друга районах на правом берегу Днестра, в районе Екимауцы и других, в бассейне Реута (Петрени), у с. Горódка I, в самых верховьях р. Ботна (правый приток Днестра) — еще раз подтверждают положение, что трипольские племена на раннем этапе развития культуры в III тысячелетии до н. э. расселялись на широкой лесостепной территории всего Днестровского бассейна, занимая выгодные для земледелия пространства на плато вдоль рек и проникая в глубь водораздела Прута и Днестра.

Открытие разновременных трипольских поселений в Молдавии показывает, что трипольские земледельческие племена живут здесь с середины III тысячелетия до н. э. (этап V/I) и до середины II тысячелетия до н. э. (этап V/II).

⁸ Налево от вала, отгораживающего мыс, который спускается в ложбинку, хозяином земли был устроен пруд, с трех сторон ограниченный земляной высокой насыпью. Лишь с южной стороны насыпи нет, и пруд сливается с сильно заболоченной ложбиной.

⁹ Т. С. Пассек. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

¹⁰ См. статью А. Е. Аляховой в настоящем выпуске: «Выхватинский могильник».

Собранная на городищах и в поселениях скифская керамика значительно отличается от скифской керамики более восточных районов и показывает своеобразный и, к сожалению, почти совершенно не изученный еще характер культуры скифских племен в Поднестровье. Любопытно, что в орнаменте этой керамики стойко удерживаются черты, характерные для посуды эпохи бронзы.

Дальнейшие раскопки на месте трипольских поселений и позднейших скифских городищ позволят уточнить интересный вопрос хронологических взаимоотношений и преемственности между культурой трипольской и скифской.

А. Е. АЛИХОВА

ВЫХВАТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК¹

Могильник впервые был обнаружен во время Великой Отечественной войны при рытье землянок и траншей в с. Выхватинцы. Осенью 1947 г. он был обследован Молдавской экспедицией АН СССР.

Могильник расположен на правой стороне большого оврага Вермитка на средней террасе Днестра, на высоте 35 м над уровнем реки и на расстоянии примерно 0.5 км от оврага Рипа Мафтея. На месте могильника экспедицией были заложены три небольших раскопа (рис. 26).

Раскоп I был заложен на усадьбе Я. М. Мельник, где при рытье землянки было обнаружено погребение в скорченном положении, головой на восток; здесь же была найдена посуда.

В заложенном экспедицией рядом с этой землянкой раскопе на глубине одного метра было вскрыто другое погребение. Могила прорезала однородный слой серого суглинка и углублялась всего на 4—5 см в подстилающий слой гравия, в связи с чем очертания могилы проследить не удалось.

Погребение № I, по определению М. М. Герасимова, принадлежало старой женщине. Костяк лежал на правом боку в сильно скорченном положении (рис. 27), голова была обращена на восток. Кисти рук располагались перед лицом. Около них стояли четыре глиняных сосуда, пятый лежал на запястье правой руки.

Раскоп II был заложен на улице, идущей перпендикулярно к Днестру, на расстоянии 42 м от первого раскопа. Здесь были вскрыты два детских погребения (№ 2 и 3) и, повидимому, одно разрушенное, от которого сохранились обломки трех сосудов, найденных в центре раскопа на глубине 0.70—0.80 м. Вероятно, оно было разрушено траншеей, проложенной, по словам местных жителей, в том же месте в период гражданской войны.

В юго-западном углу раскопа, на глубине 0.48 м, были вскрыты концы известковых плит, уходивших в стенку. Представляют ли они часть каменного кромлеха, подобно встреченным в курганах могильников Усатова, пока установить не удалось. В этом раскопе также не прослеживались очертания могил; они залегали в однородном слое коричневатого-серого суглинка (погр. № 2), незаметно переходящего в слой чрезвычайно плотного палевого суглинка, в который могила погребения № 3 углубилась лишь на 6 см. Над последним погребением были неясные следы перекопа, вероятнее всего связанного с ямой, несколько нарушившей погребение.

¹ Молдавская ССР, Рыбницкий район, с. Выхватинцы, левый берег р. Днестра.

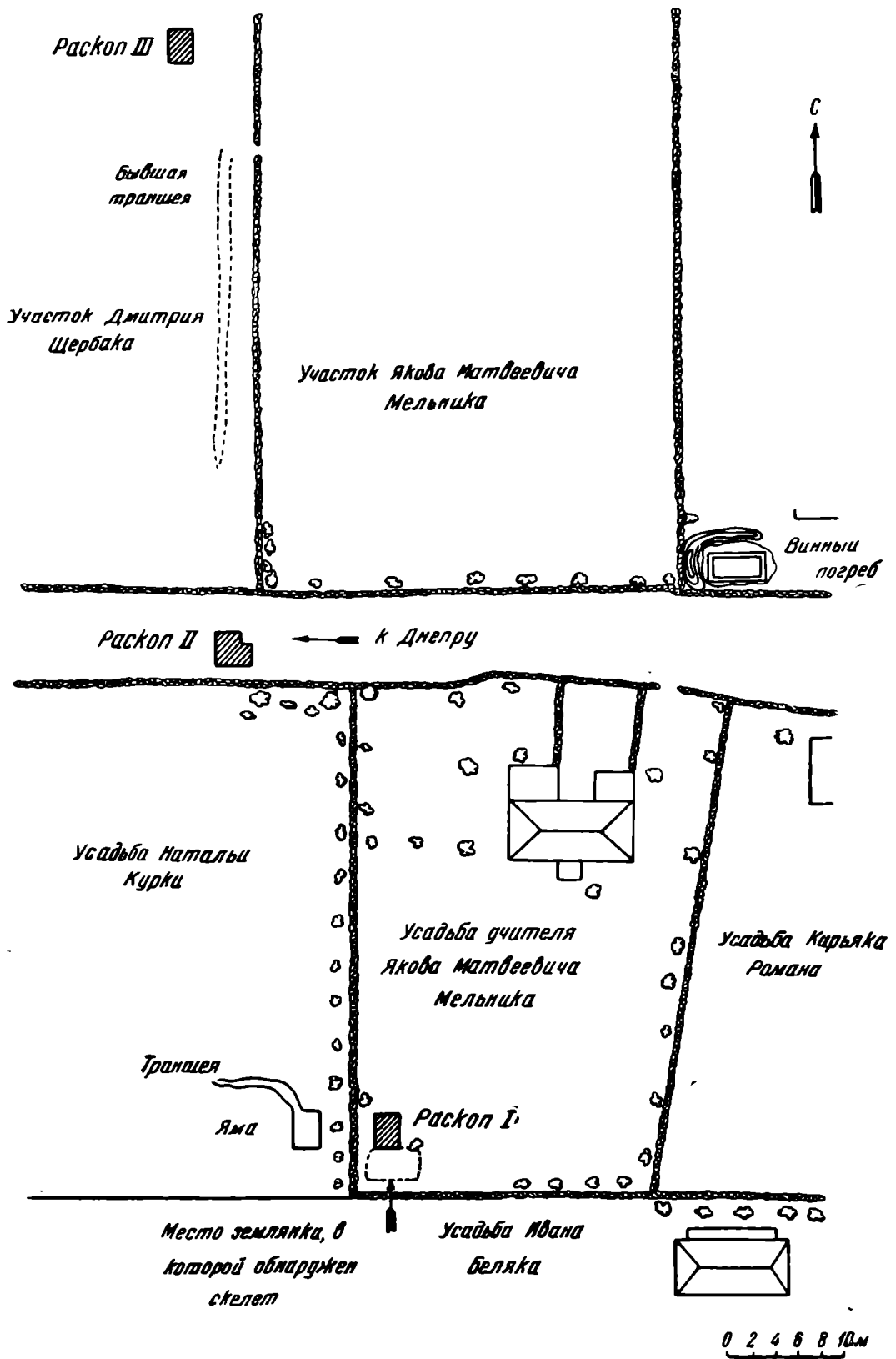

Рис. 26. План Выхватинского могильника

Погребение № 2 (детское) залегало на глубине 0.95 м. Костяк лежал в скорченном положении головой на восток; костей рук не сохранилось. Около черепа стояли три сосуда.

Погребение № 3 (детское) частично нарушенное. Оно было обнаружено после находки сосуда, на глубине 1.2 м. На некотором расстоянии, на

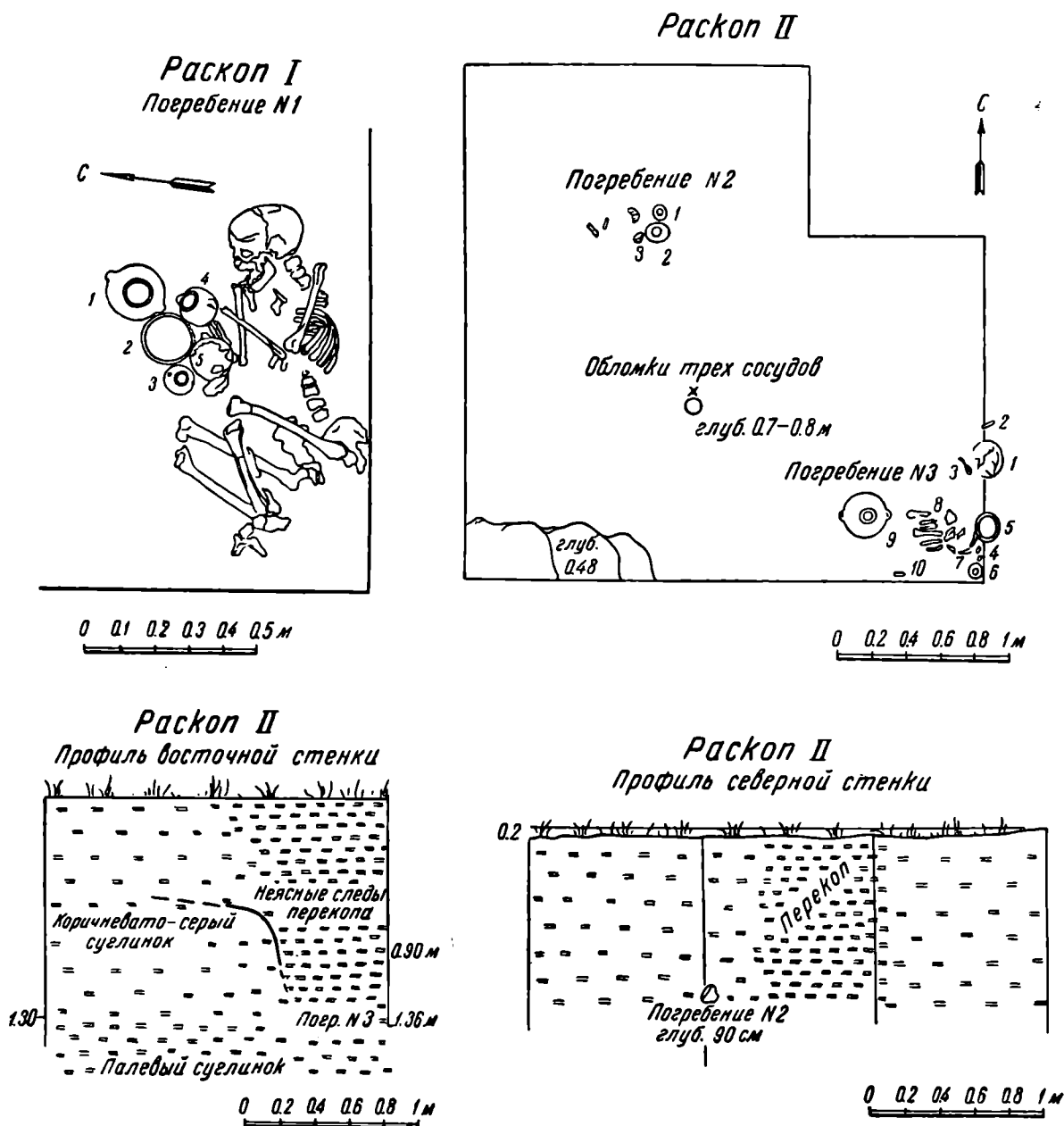

Рис. 27. Выхватинский могильник. Раскопы I и II (погребения № 1—3)

глубине 1.36 м, были найдены череп и еще три сосуда. В непо потревоженном состоянии сохранились часть черепа и ноги. Судя по этим остаткам, погребенный лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на восток. Перед лицом стояли: (5) чаша (см. рис. 28—1—3), (6) небольшой сосудик (см. рис. 28—9, 10) и обломки третьего сосуда; в ногах (9) — четвертый сосуд (см. рис. 29—1, 2). Под сосудом (7) был найден кремневый отщеп. Погребение было нарушено либо ямой, либо большой норой. На последнее указывает положение зубов (4) на расстоянии 30 см от черепа, между двух сосудов. Кроме того, у затылочной кости лежало

ребро (2), у основания черепа — грудной позвонок с частью ребра (3) и далеко за ногами — обломок человеческого черепа (10).

Раскоп III был заложен на противоположной стороне улицы, на усадьбе Д. Щербана, на расстоянии 50 м от раскопа II и на 7 м севернее траншеи, в которой местные жители находили человеческие кости и сосуды. Этот раскоп никаких следов погребений не дал.

Все погребения сопровождалось определенным набором посуды. В каждом из них была чаша с росписью или чаша грубой работы, один или два сосуда из розовой массы, изредка с росписью, и один или два сосуда из темной массы, часто украшенные веревочным орнаментом.

Таким образом, наблюдаемая в синхронном поздне трипольском Усатовском могильнике (под Одессой) дифференциация посуды, в зависимости от пола погребенного (чаши — при мужских костяках и горшки — при женских), в нашем могильнике пока не прослеживается.²

По глиняному тесту, обжигу и орнаменту сосуды делятся на две резко различные группы.

Первую группу образуют сосуды и чаши, сделанные из хорошо отмученной глины, иногда с незначительной примесью толченых раковин, хорошего обжига, со следами лощения и часто с росписью.

Сюда входят следующие типы сосудов.

Чаши разных размеров, но однотипные по форме. Для них характерна некоторая округлость боков и роспись черной и красной краской. В рисунке наружной поверхности преобладают полукружные ленты, опирающиеся верхними концами на вертикальные полосы. Внизу рисунок замкнут горизонтально идущей полосой. Более разнообразна роспись внутри чаш. Здесь по краю часто идут городки или отдельные треугольники, нанесенные черной краской; промежутки между основными линиями рисунка заполнены косо расположенными полосами или тонкими змейками (рис. 28—1—8). Чрезвычайно интересно совпадение рисунка на одной из выхватинских чаш с усатовскими,³ а также с чашей, найденной под Тирасполем.⁴

Сосудики с ручками в виде ушек, расположенных на боках (рис. 28—9, 10, 11). Это широкогорлые горшочки с прямой низкой шейкой. По форме они близки найденным под Тирасполем, у Белозерки и слободки Рсмановки,⁵ но отличаются несколько меньшим размером и ушками без выреза наверху.

Сосуды с небольшими вертикально стоящими ручками на боках и сравнительно неширокой шейкой. Бóльший из двух сосудов сохранил следы росписи темной краской в виде двух полос: одной — опоясывающей шейку у основания, другой — тулово горшка ниже ручек. Между этими полосами в одном месте прослеживаются три темные линии, расположенные под углом одна к другой, т. е. в виде зигзага, и в трех местах обрывки полос, отходящих под прямым углом от шейки, а также следы росписи вокруг ручек.

По форме эти сосуды близки усатовским⁶ и найденным около Тирасполя,⁷ но отличаются в последнем случае несколько более узким горлом и положением ручек.

² О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України. Вістник Академії наук, № 6 (134), Київ, 1947.

³ Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, т. V, М.—Л., 1940. Цветная табл., рис. 11, 11а и 13.

⁴ T. Passek. La ceramique Tripolienne и Изв. ГАИМК, вып. 22, М.—Л., 1935, табл. XVIII/1, рис. 1 и 2.

⁵ T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII/3, рис. 4, 6, 7.

⁶ Михайло Болтенко. Кераміка з Усатова. Трипільська культура на Україні, вып. I, Київ, 1926. Форма 4 (см. табл. в конце книги).

⁷ T. Passek. Указ. соч., табл. XVIII/2, рис. 1, 4.

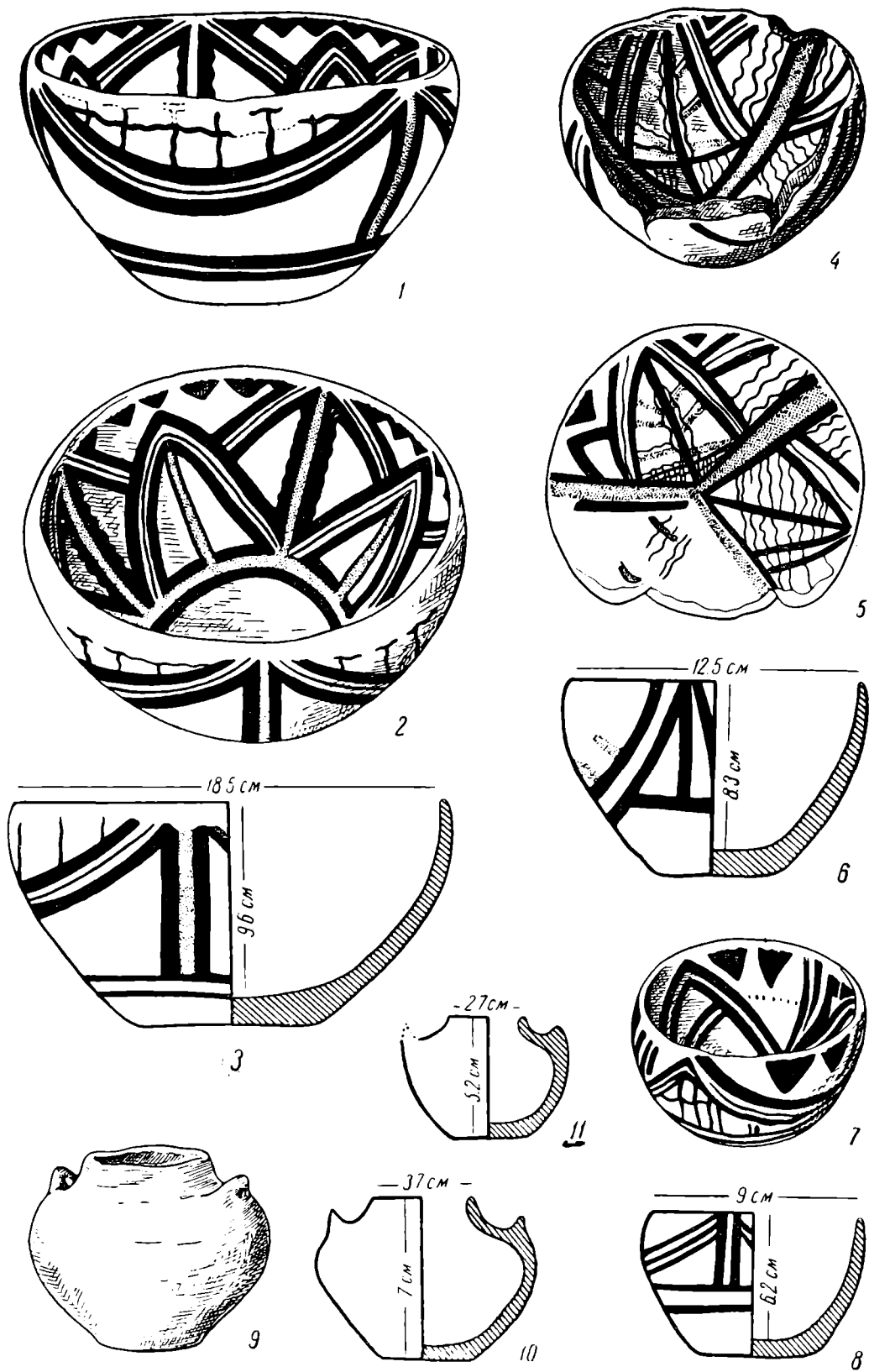

Рис. 28. Сосуды из погребений Выхватинского могильника

1—3—чаша из погребения № 3 с черной и красной (дана точками) росписью; 4—чаша из погребения № 2 с черной и красной (дана точками) росписью; 5—орнамент внутри чаши; 6—профиль чаши из погребения № 2; 7—8—чаша из разрушенного погребения в центре раскопа II; 9, 10—сосудик с ушками из погребения № 3; 11—сосудик с ушками из погребения № 1

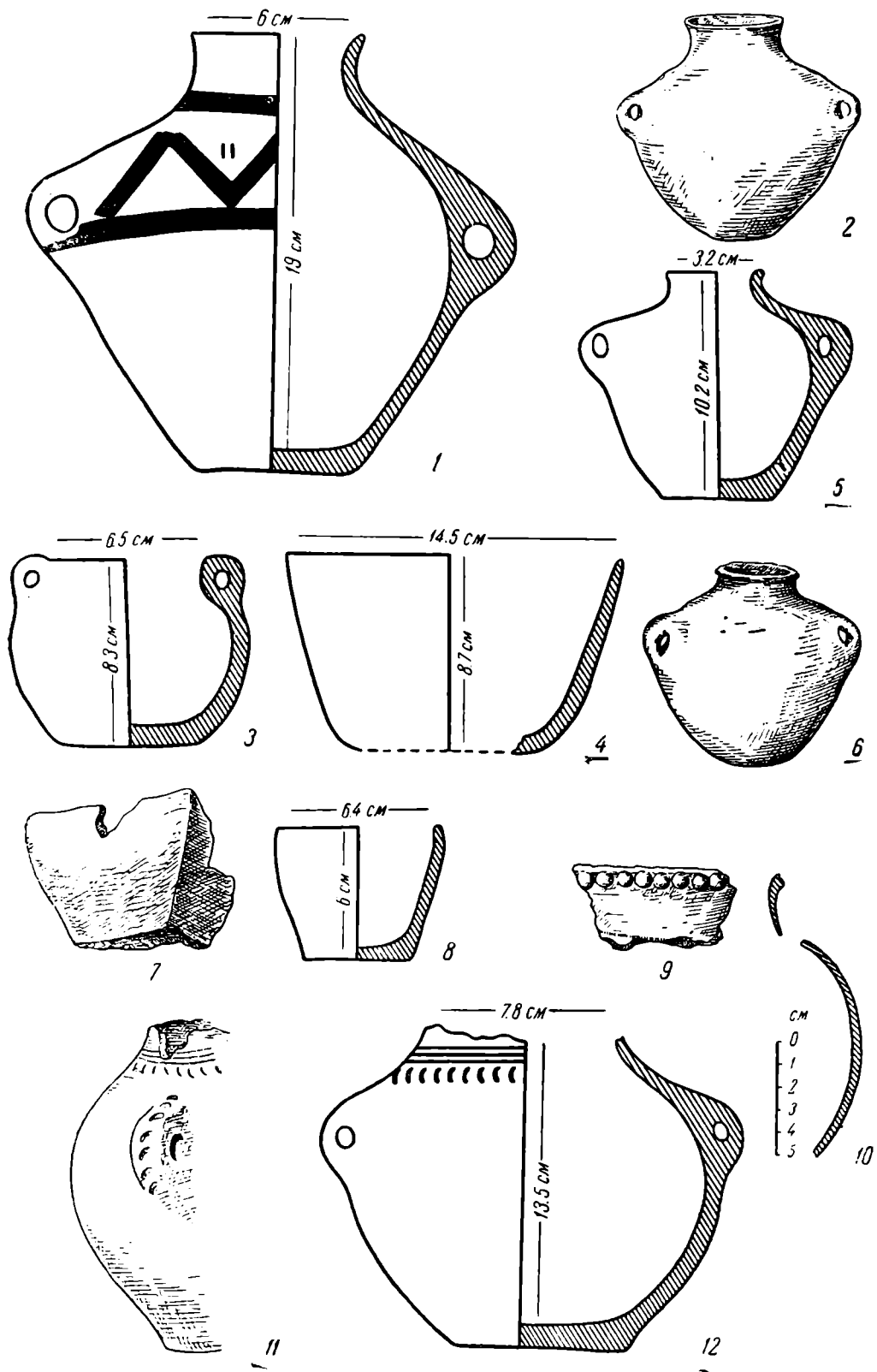

Рис. 29. Сосуды из погребений Выхватинского могильника

1, 2—сосуд из погребения № 3; 3—сосуд коричневого цвета из погребения № 2; 4—миска из погребения № 1; 5, 6—сосуд из погребения № 1; 7, 8—прямоугольный сосудик из разрушенного погребения в центре раскопа II; 9, 10—орнамент шейки и профиль сосуда из погребения № 3; 11, 12—орнамент и профиль сосуда из погребения № 1

Вторую группу составляют сосуды серовато-коричневого цвета, тонкостенные, со значительной примесью толченых раковин, слабого обжига. Орнамент преимущественно веревочный. На некоторых сосудах местами сохранились следы лощения. В эту группу входят следующие типы сосудов.

Миска с прямыми крутыми стенками. Орнамент состоит из косых насечек, нанесенных по обрезу края. Эта миска была найдена при погребении № 1 (старой женщины) и, очевидно, заменяла отсутствующую здесь расписную чашу (рис. 29—4).

Сосуд с небольшими вертикально стоящими ручками на боках, по форме совершенно аналогичный описанному выше сосуду первой группы. Он был украшен тремя линиями веревочного орнамента, опоясывающими шейку у ее основания. Под ними на плечах и вдоль ручек располагался ряд серповидных вдавлений, нанесенных той же веревочкой. На дне сосуда сохранились отпечатки крупной плетенки, на которую ставили сосуд при его формовке.

Встреченные в двух случаях на Выхватинском могильнике серповидный орнамент и отпечатки плетенки на дне сосуда также характерны и для керамики из Усатовского могильника.

Сосуд с ручками на шейке. Невысокий сосудик с широким горлом, без орнамента (рис. 29—3). По форме он близок расписному сосуду, найденному под Тирасполем.⁸

Обломки сосуда с прямой шейкой средней высоты и округлыми боками. Шейка по краю была украшена рядом полушарных выступов и у основания опоясана линией веревочного орнамента, образующего ниже как бы свисающую лопасть из серповидных вдавлений, расположенных горизонтально в два ряда (по три в каждом) и ближе ко дну вертикально (рис. 29—9, 10). Особый интерес представляет орнамент в виде полушарных выступов, встреченный также на сосудах Триполья.⁹

Сосудик четырехгранной формы в виде маленькой мисочки, суживающейся ко дну (рис. 29—7, 8), представляет собой уникальную форму.

Резкие различия двух рассмотренных групп сосудов, очевидно, связаны с их различным назначением. Сосуды из темной массы, вероятно, были предназначены для варки пищи.

Все приведенные выше параллели связывают описанный могильник с северным побережьем Черного моря и главным образом с Усатовым. Сходство относится не только к керамике, но и к погребальному обряду, а именно — положение покойников на боку, головой на восток, с поджатыми ногами.

Описанный могильник представляет огромный интерес. Он значительно расширяет к северу территорию памятников усатовского типа, представляющих собой позднюю стадию Триполья.

⁸ Т. P a s s e k. Указ. соч., табл. XVIII/2, рис. 2.

⁹ Там же, табл. X, рис. 11, 12, 13.

О. А. КРИВЦОВА-ГРАКОВА

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА БЕЛОЗЕРСКОМ ЛИМАНЕ

В 1946 г. при обследовании Каменского городища, за пределами культурного слоя, но на площади, обнесенной валом, было обнаружено древнее поселение, относящееся к предскифской эпохе, т. е. к концу бронзового века, к киммерийскому времени. Оно расположено на северном берегу Белозерского лимана в с. Каменке, на месте, занятом теперь садами и огородами восьми усадеб по Дзержинской улице.¹ Культурный слой здесь залегает на высоком берегу над поймой и тянется вдоль берега на протяжении 250 м. Ширину его проследить не удалось; можно лишь предполагать, что он не достигает улицы, а кончается на площади садов и огородов. Второе поселение было найдено в с. Знаменке, за пределами скифского вала, на южном берегу лимана, при выходе на него Горелой улицы.

Основным источником сведений о киммерийской культуре до настоящего времени являлись клады бронзовых предметов и клады-мастерские бронзолитейщиков. Их число значительно возрастает к концу бронзового века. Они дают возможность установить последовательные ряды отдельных категорий вещей, орудий, оружия и украшений. В редких случаях в состав кладов входит керамика в виде отдельных черепков посуды, позволяющих связывать по времени эти клады с некоторыми поселениями Нижнего Приднепровья. Однако поселений этих известно немного, а керамический материал в большинстве случаев подъемный и немногочисленный. Еще менее известны киммерийские погребения, которые не всегда бывает возможно отделить от более древних погребений срубной культуры.

Недостаточная изученность памятников этого времени побудила автора этой статьи остановиться на двух культурных наслоениях, обнаруженных на площади Каменского городища, и заняться в 1947 г. раскопками того из них, которое по внешним признакам казалось менее потревоженным посадками. Однако уже в начале раскопок селища на северном берегу Белозерского лимана стала попадаться керамика скифского времени IV—III вв. до н. э., относящаяся к его верхнему горизонту. Жизнь в этих местах продолжалась и в I в. до н. э., о чем свидетельствует типично сарматская железная трехлопастная черешковая стрелка. В южной же части раскопа, почти у края обрыва, на глубине 40—45 см лежал полуразрушенный очаг из камней, на котором стояло пять днищ средневековых горшков, вылепленных на гончарном круге. Кроме того, на всей площади раскопа

¹ Четные номера домов: 42—56.

были обнаружены остатки современной лодочной мастерской и множество ям от старых виноградников и абрикосовых деревьев. Все это сильно нарушило сохранность культурного слоя бронзового века, который остался относительно целым лишь в нижних его отложениях. Повидимому, и киммерийское селище здесь было не первым. Черепок (рис. 32—3), правда, единственный, от крупного горшка катакомбной культуры дает возможность предполагать, что где-то поблизости могли находиться остатки стоянки ранней бронзы.

На усадьбе № 54 было вскрыто около 400 м² площади (рис. 30—1 и рис. 31—1.)

Жилище — большая полуземлянка, шириной 11 м, была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длину ее установить не удалось, так как оба ее конца находились за пределами площади, отведенной для работ. Несмотря на это, тип жилища был выявлен в достаточной мере. Очень плохая сохранность его стен и пола объясняется наличием нор грызунов, пронизывавших и культурный слой, и подстилающий его лёсс. Это обстоятельство, а также проникновение культурного слоя в мелкие трещины лёсса привели к тому, что границы жилища оказались как бы стертыми и в некоторых местах настолько, что съемка профилей могла быть выполнена лишь приблизительно. В северо-западном и юго-восточном концах жилища были обнаружены следы сильно разрушенных широких уступов (рис. 30—3, 31—2), возможно, оползших еще в древности.

На дне землянки в ее наиболее углубленной части лежали остатки двух каменных очагов, расположенных по линии с запада на восток. Наибольший из них, № 4 (рис. 31—1), был совершенно разрушен. Все его камни оказались сдвинутыми и расположенными попеременно с костями животных и черепками посуды, которые в некоторых местах лежали компактными кучами. Соседний маленький очаг № 3 (рис. 31—1, 3), расположенный на восток от очага № 4, сохранился значительно лучше. Он представлял собой овальный камень размерами 30 × 22 см, с северо-восточной стороны окруженный восемью камнями, прилегающими к нему и друг к другу; с южной стороны лежало еще два подобных же камня. Повидимому, этот очажок был построен на небольшом возвышении, о чем можно судить по расположению окружающих его костей и черепков: все они лежали на склонах этого возвышения и поэтому сохранили наклонное положение. Оба очага занимали площадь в 5 м длиной и около 2 м шириной. От очага № 2, расположенного на широком уступе в юго-восточном конце жилища, сохранилось лишь несколько камней, явно сдвинутых с своего первоначального места.

Особый интерес представляет очаг № 1 (рис. 31—4), обнаруженный вне углубления жилища, на его краю, у юго-восточной стенки. Он отличался от трех предыдущих по материалу, из которого был сложен, так как вместо камней здесь употреблялись комочки сырой глины, плотно пригнанные друг к другу. От этого все они имели неровную, а иногда как бы граненую поверхность и были сильно прокалены. Этот очаг оказался тоже разрушенным: комочки лежали в беспорядке, попеременно с черепками больших горшков и костями домашних животных, так что восстановить его первоначальную форму оказалось невозможным.

Ни золы, ни углей у всех четырех очагов не было замечено. Зато рядом с жилищем, к западу от него, лежал массивный зольник, частично заполнявший собой и углубление жилища (рис. 30—4). Очертания зольника расплывчаты и неясны; очевидно, они были нарушены позднейшей перекопкой площади; в разрезах же пласт золы заметен совершенно отчетливо. Трудно определить, каким образом часть углубления землянки оказалась засыпанной золой. Судя по аналогичным случаям на Алексеев-

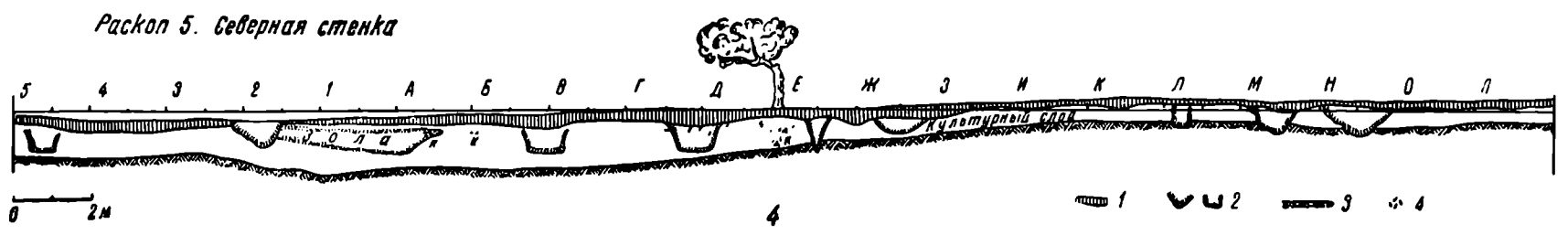
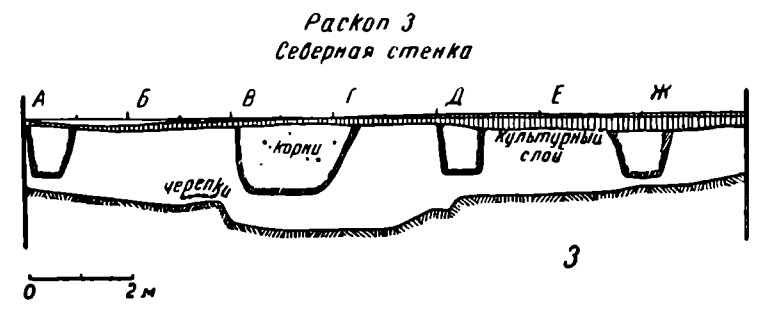
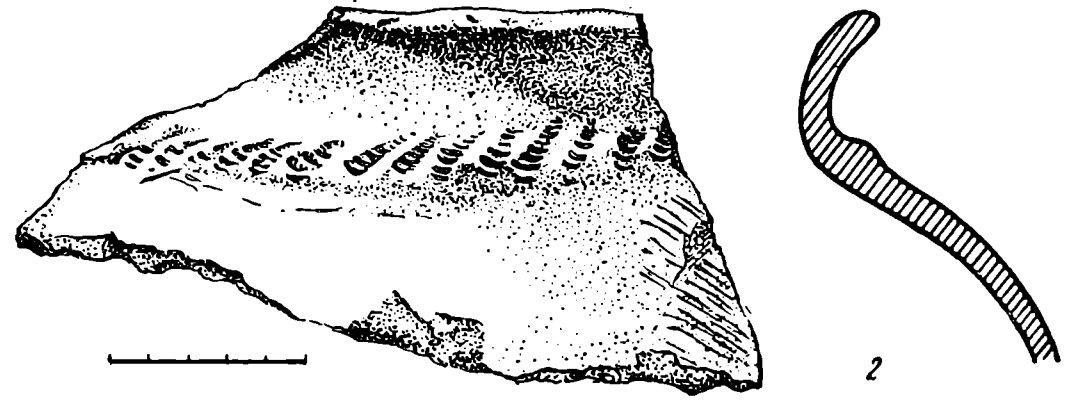
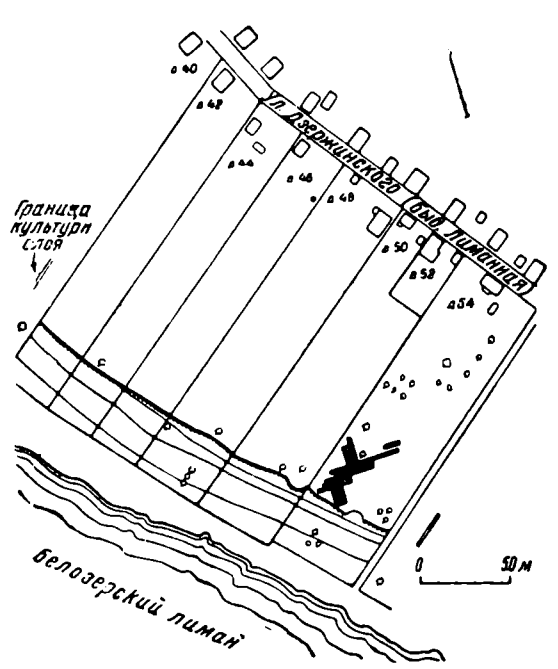

Рис. 30. Белозерский лиман

1—расположение культурного слоя на северном берегу Белозерского лимана; 2—черепок узкогорлого сосуда; 3—уступы у стен землянки, заметные в профиле юго-восточного конца землянки; 4—углубление землянки в разрезе. Условные обозначения к разрезам (3,4)—1—растительный слой; 2—ямы от плодовых деревьев; 3—лёсс; 4—корни

ском поселении позднеандроновской культуры, в эту землянку могли сбрасывать золу из соседних жилищ в то время, когда сама она уже была заброшена.

Жилище в целом напоминает большие полуземляночные сооружения Алексеевского селища андроновской культуры, относящегося к тому же времени, в особенности землянку № 5, сохранившую уступы, ряд каменных очагов и два глинобитных кухонных очага, расположенных вне ее углубления.² Вероятно, и здесь, на Белозерском лимане, очаг № 1 был главным образом кухонного назначения. Подобные же жилища были обнаружены на селище у хутора Ляпичева, на р. Зимнице Пензенской обл. и близ гор. Пугачева в Нижнем Поволжье.³

Из находок, обнаруженных при раскопках культурного слоя на Белозерском лимане, наибольшего внимания заслуживает керамика. Изучение ее форм и орнаментики дает возможность составить гораздо более полное представление о посуде того времени на Нижнем Днепре, а при сопоставлении ее с керамикой восточных районов позволяет проследить одну и ту же закономерность развития глиняной посуды в конце бронзового века на пространстве от Среднего и Нижнего Поволжья до Нижнего Днепра. Всюду в это время мы встречали однородные видоизменения простых древнейших форм посуды срубной культуры. В Поволжье этот процесс прослеживается особенно четко благодаря обильному материалу с различных селищ срубно-хвалынского времени.

На первой стадии развития селища срубной культуры изобилуют горшками древнейшего баночного типа, в меньшей мере острореберными, всегда хорошо украшенными, и различными вариантами этих двух основных форм. В эпоху поздней бронзы, с подъемом металлообработки, формы керамики на хвалынской стадии постепенно меняются под явным влиянием бронзовой ковanej посуды, вошедшей к этому времени в употребление. Вполне естественно, что эта посуда высоко ценилась, особенно в Поволжье, где не было местного добывания металла, и потому редко входила в состав погребального инвентаря. Еще труднее встретить ее на местах поселений, так как, вышедшая из употребления, она становилась металлическим ломом и шла в дальнейшую переплавку. На Волге известен только один бронзовый котел⁴ этого времени, склепанный из широких поперечных полос. Судя по этому, пока единственному, экземпляру, можно предполагать, что первоначальный способ выделки металлической посуды находился под явным воздействием лепки глиняных горшков посредством ленточной техники. Также и формы ее могли складываться под прямым влиянием керамических форм. Так, котел Куйбышевского музея, если отнять от него ручки и поддон, полностью совпадает по профилю с некоторыми глиняными сосудами не столько даже срубной, сколько соседней андроновской культуры.⁵ Возникшая таким образом металлическая посуда в дальнейшем своем развитии приобретает новые формы, связанные со свойствами материала и с техникой его обработки посредствомковки и чеканки. Здесь вполне допустима сильная отогнутость шейки, наличие высоких поддонов, тонких ручек и своеобразного чеканного орнамента в виде выпуклостей, вы-

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М. 1948 г.

³ М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. Пробл. ист. мэт. культ., № 1—2, 1933, стр. 51—55; И. В. Сидицын. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938—1939 гг. Уч. зап. Саратов. Гос. ун-та, т. XVII, стр. 149, рис. 3.

⁴ Котел найден в кургане, вероятно, при впускном киммерийском погребении. В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, т. IV, стр. 125, рис. 46

⁵ Можно предполагать, что происхождение этого котла связано с Южным Приуральем, в зависимости от которого в это время развивалась металлургия бронзового века Среднего и северной части Нижнего Поволжья.

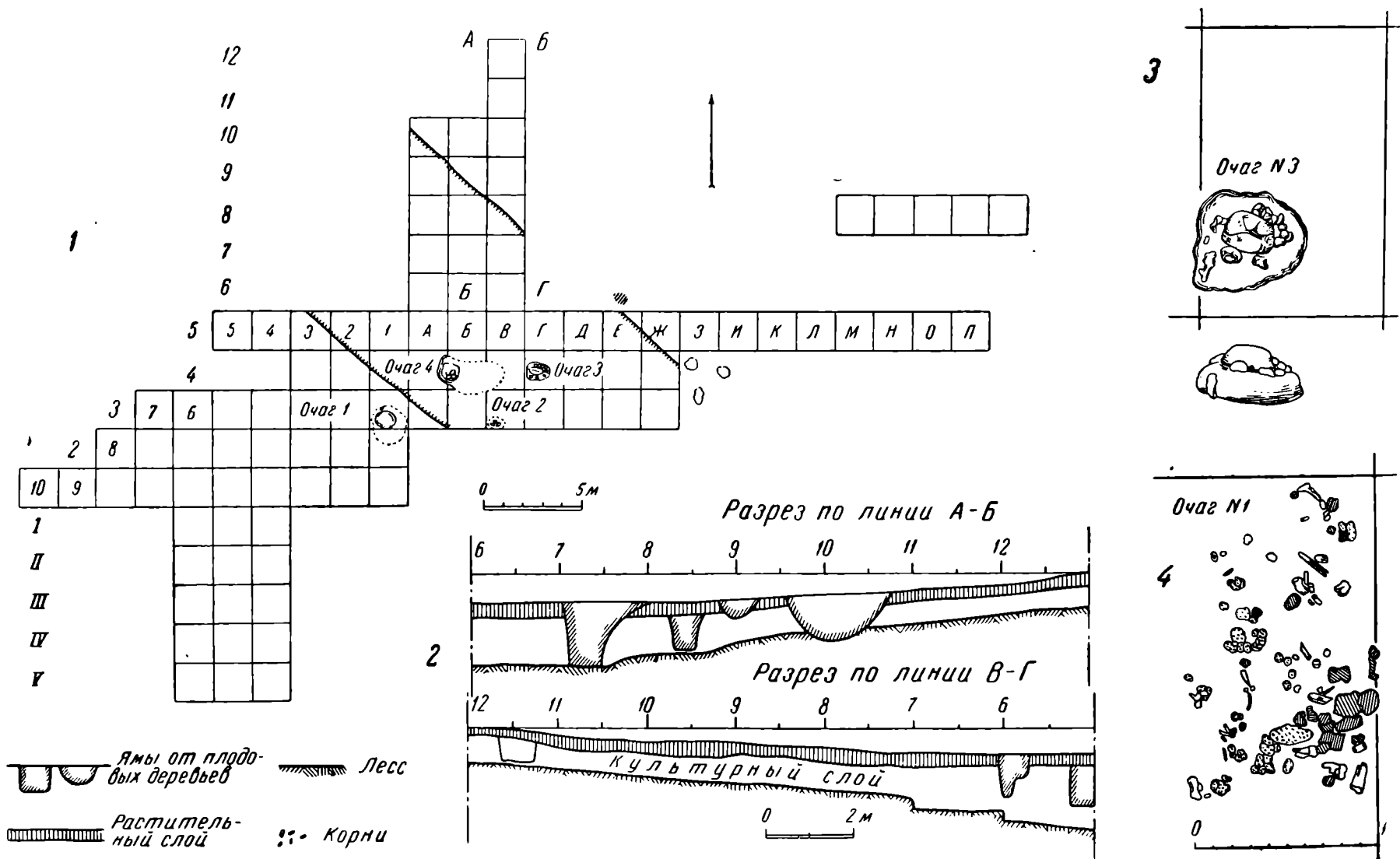

Рис. 31. Белозерский лиман

1 — план раскопок; 2 — разрезы у северо-западного конца землянки; 3 — очаг № 3; 4 — очаг № 1

давленных изнутри. На котле Куйбышевского музея таким образом вычеканены прямые и зигзагообразные валики и шишечки.

Установившиеся новые формы бронзовых сосудов в свою очередь оказывают влияние на производство глиняных горшков, где, наряду с продолжавшими бытовать баночными и, в меньшей мере, остроредерными горшками, появляются новые типы керамики. К ним относятся горшки с отогнутой шейкой и округлым плечом, край которых часто бывает заострен и обнесен бортиком. Плечи некоторых из этих горшков становятся все более и более выпуклыми, а шейка постепенно суживается, что ведет к появлению в отдельных случаях узкогорлых сосудов. Наличие подобных сосудов в культурном слое является вторым признаком, позволяющим его отнести к позднебронзовому веку. Третьим признаком являются более или менее высокие поддоны, тоже встречающиеся нечасто. Вырабатывается новый тип орнаментики. Наряду с древним зубчатым и незубчатым штампом и нарезом, вполне естественными при нанесении узоров на мягкую поверхность глины, появляются налепы в виде округлых или остроредерных валиков, опоясывающих шейку ниже края или расположенных на границе шейки и плеч. Обычно концы их бывают замкнутыми. В Поволжье только в двух случаях (на больших сосудах, происходящих из Ивановки)⁶ концы налепов между собой не сходятся, а спускаются под прямым углом.

Постоянные сношения между племенами Поволжья и Приуралья привели к известной общности развития форм быта. Так, аналогичные видоизменения профилей и орнаментики происходят и на позднеандроновской посуде, что прослеживается на керамике Алексеевского поселения. Но там это сочетается с своеобразием чисто андроновских форм и узоров.

Значительно ближе к Поволжью стоит посуда Днепровских поселений поздней бронзы, что объясняется происхождением хвалынского и киммерийского вариантов от единой срубной культуры. Разложение родовых отношений, господствующих в предшествующую эпоху, и появление отдельных объединений, быть может, уже подчиненных племенным вождям, сказались в виде некоторой обособленности производства и быта отдаленных друг от друга племен. В частности, это отразилось и на гончарном производстве. При всей общности форм и узоров хвалынской и киммерийской керамики в последней иногда применялись свои, чисто местные приемы в формовке посуды и в ее украшениях, незнакомые Нижнему Поволжью. Однако, судя по материалу Белозерского лимана, их пока немного. Значительно больше можно привести показателей, сближающих посуду Поволжья и Приднепровья.

Керамика Белозерского лимана также сохраняет довольно много черт, характерных для посуды предшествующей срубной культуры. Еще не вышли из употребления простые баночные горшки (рис. 32—15), узоры в виде заштрихованных треугольников, нанесенных зубчатым штампом (рис. 32—5, 7), и даже узоры, выполненные посредством отпечатков простой веревки (рис. 32—1, 2), что, надо сказать, к этому времени полностью исчезло на хвалынской керамике. Заглаживание зубчатым штампом, придающее поверхностям сосудов бронзового века характерную штриховатость (рис. 32—6; 33—13) здесь все еще продолжает применяться.

Но основная масса керамики, так же как и на Волге, носит черты более позднего времени, что соответствует соотношению типов посуды и на поздне-хвалынских селищах. Наиболее обычная посуда здесь имеет более или менее отогнутые края шейки (рис. 32—13, 14; 33—6, 7). В некоторых случаях шейка сильно суживается, а плечи становятся выпуклыми и округлыми (рис. 30—2), что приводит к появлению узкогорлой посуды (рис. 32—11).

⁶ Раскопки В. Ф. Орехова, 1914. Хранятся в Саратовском музее.

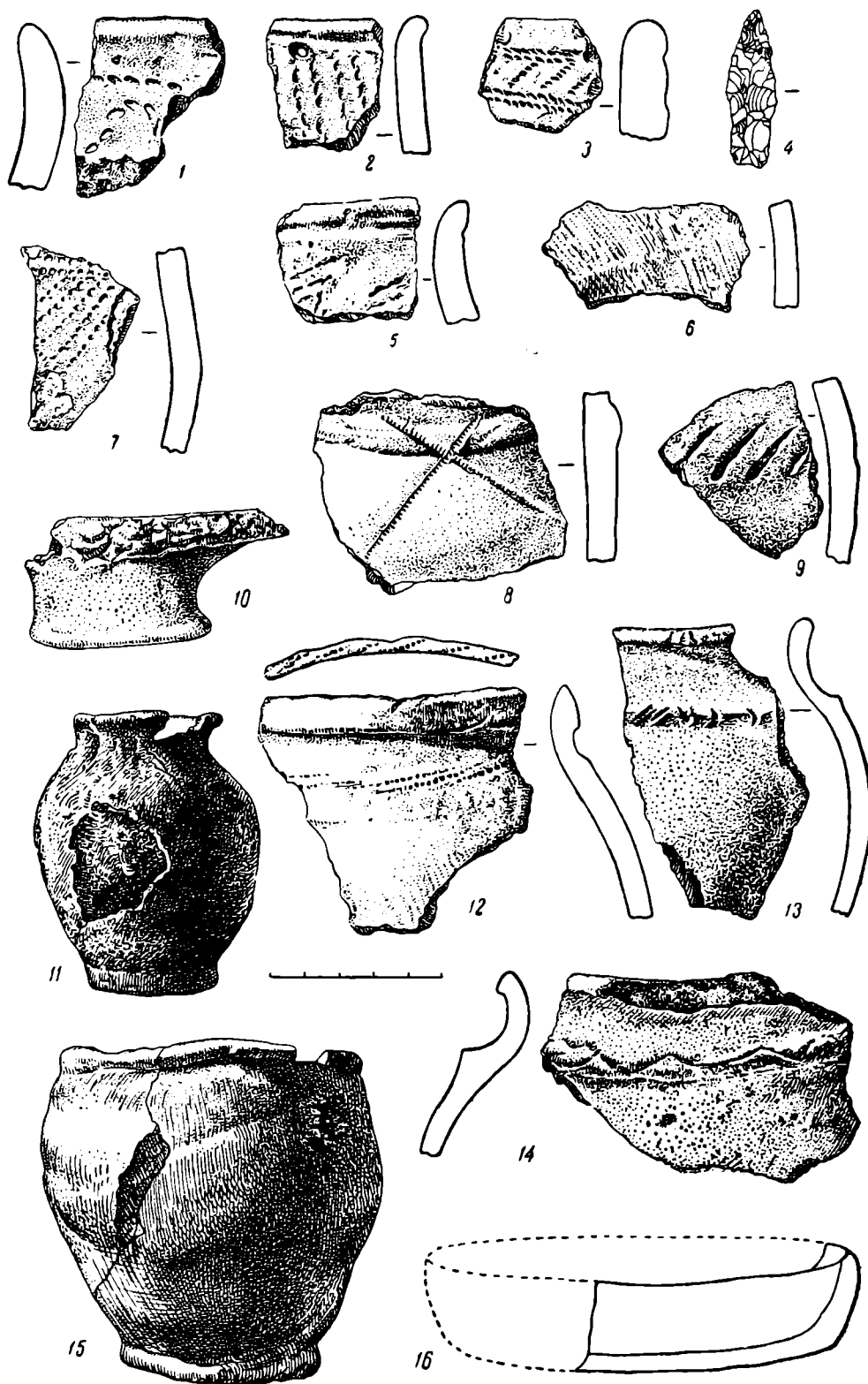

Рис. 32. Керамика со стоянки Белозерский лиман
 1, 2, 5—16 — керамика киммерийского времени; 3 — фрагмент сосуда катакомбной культуры;
 4 — кремневый наконечник стрелы

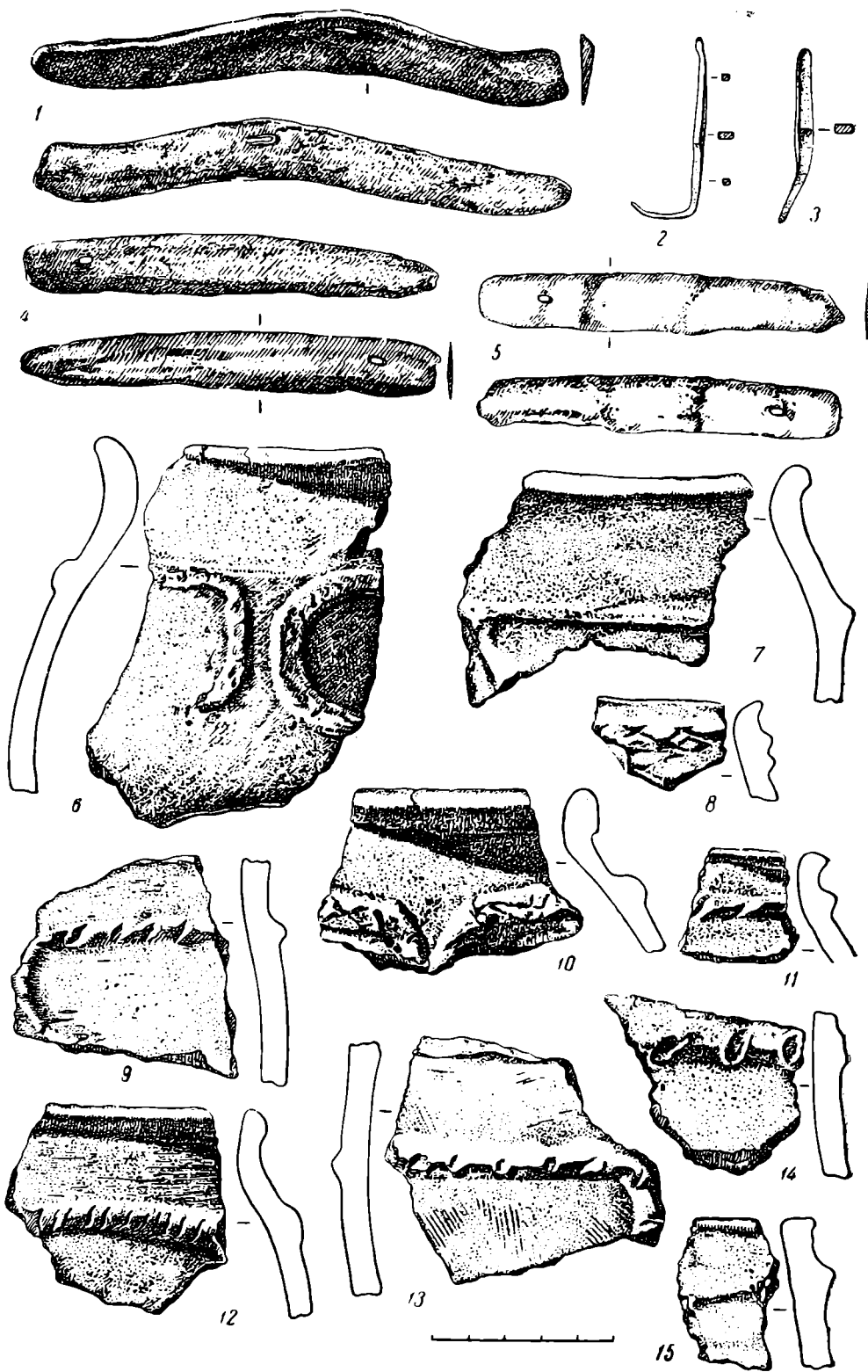

Рис. 33. Находки на стоянке Белозерский лиман
 1, 4, 5 — бронзовые ножи; 2, 3 — бронзовые шилья; 6—15 — керамика киммерийского времени

Два раза были найдены поддоны. Орнаментация этой керамики в основном сводится к обычным налепным, реже неналепным, валикам (рис. 32—8, 12—14; 33—6—15), в большинстве случаев покрытым косыми зарубками. Так же как и в Поволжье, при изготовлении поздней посуды в глину примешивался шамот. Степень ее обжига всюду остается одинаково невысокой.

Отличительные признаки днепровской посуды этого времени, поскольку о том позволяет судить материал из раскопок 1947 г., сводятся к следующему: во-первых, появляется особый тип баночных сосудов, очень низких и овальных (рис. 32—16); во-вторых, оба поддона (рис. 32—10) массивны, чего не наблюдается в других местах. Возможно, однако, что они могли принадлежать особого рода сосудам, на что указывает наличие в некоторых коллекциях Приднепровья обычных горшков на полых внутри поддонах. Черепки от разных шести сосудов оказались украшенными налепными валиками с не сходящимися, а спускающимися вниз концами. Способ расположения этих концов и относительно большое количество здесь подобных случаев представляют третье отличие белозерской керамики. Некоторые концы закругленно отведены в стороны (рис. 33—6, 9, 13), другие тоже отведены в стороны, но под острым углом (рис. 33—7), и лишь на одном черепке концы как будто спускаются вертикально (рис. 33—10), насколько можно судить по неполностью сохранившимся налепам.

Аналогии с концами, отведенными в сторону под острым углом, в настоящее время намечаются на керамике Крыма позднебронзового века. Закругленные концы валиков прямых аналогий на керамике не встречаются,^{6а} однако они известны на бронзовых скифских котлах, происходящих с Дона.⁷ Но здесь во всех случаях опоясывающий валик отсутствует, и округло загнутые концы упираются наверху в утолщающиеся края котлов. Сопоставление этих поздних сосудов с керамикой предскифского времени имеет значение в одном отношении: оно дает возможность предполагать в ту эпоху существование бронзовых котлов с подобными же завитками. Как уже было сказано, глиняная посуда с рельефным орнаментом подражала подобной же орнаментике на бронзовых котлах того времени. Быть может, и концы валиков, округло загнутые в стороны, возникли не на глиняных, а на металлических кованых сосудах и сохранились, правда неполностью, на скифских литых котлах.

Нет сомнений, что Белозерское поселение относится к самому концу бронзового века, к предскифской эпохе. Однако имеются данные, позволяющие до некоторой степени уточнить его дату. Здесь имеется в виду появление посуды, до настоящего времени неизвестной в аналогичных слоях Поволжья. Правда, она представлена только одним черепком черного лощеного сосуда (рис. 34), подобного тем, которые встречаются в изобилии на ранних скифских городищах, где они совершенно исчезают в начале V в. Если расцвет этой керамики падает на VI в., а развитие протекает в течение всего VII в., то естественно предполагать ее появление в начале I тысячелетия до н. э., ко времени которого, вероятно, и относится поселение на Белозерском лимане.

Никаких признаков металлообработки на поселении не обнаружено. Очевидно, найденные на нем бронзовые вещи были изготовлены на его другом, западном, конце или вне поселения. К ним принадлежат три бронзо-

^{6а} Раскопками 1948 г. на Верхнем Тоболе обнаружены закругленные концы налепов на керамике из Садчиковского поселения позднеандроновской культуры.

⁷ Два из них из раскопок Тизенгаузена 1866 г., у ст. Гниловской, Донской обл. Каталог Румянцевского музея № 1428 и 1429. Третий из Частых курганов (курган № 3). В. А. Городцов. Раскопки Частых курганов близ Воронежа, 1927. СА, IX, 1948, стр. 19, рис. 8.

вых ножа своеобразной формы, не встречающие прямых аналогий в бронзе Приднепровья. Первый из них (длина 15 см и ширина 2 см), изогнутый, вернее коленчатый, был отлит в односторонней форме, откован и оттянут по лезвию (рис. 33—1). У вершины колена находится узкое прямоугольное отверстие, пробитое в небольшом овальном углублении, образованном во время литья предмета. Два других ножа совершенно одинаковы. Один из них (длина 10.6 см, ширина 1.9 см) был разбит повторной отковкой и как бы изломан еще в древности (рис. 33—5). Оба ножа двулезвийны, но, в противоположность обычным двулезвийным ножам, асимметричны. Нож, сохранивший свой первоначальный вид, имеет с одной стороны едва заметное колено (рис. 33—4) и напоминает по форме железные скифские ножи. Оба ножа литые, но сильно откованные, а лезвия их оттянуты. Овальные отверстия, предназначавшиеся, вероятно, для скрепления с рукоятью, были образованы во время литья.

Два бронзовых кованых шила, найденных на поселении, погнуты в древности. Они четырехугольны в поперечном разрезе и имеют посередине по небольшому утолщению. Одно из них (длина 5.3 см, ширина 0.5 см) расширено и уплощено на конце предназначенном для скрепления с рукоятью (рис. 33—3). У другого (длина 5.6 см, ширина 0.5 см) оба конца острые (рис. 33—2). К незначительному количеству каменных предметов относятся точильные камни, сделанные из песчаника; из них три бурого цвета и совершенно бесформенны, а четвертый овальный, белый, имеет на плоской стороне неглубокий долевой жолоб; длина его 8 см, ширина 5.4 см.

Кремневый наконечник стрелы (рис. 32—4), длиной 4.5 см, шириной 1.3 см, отличается от наконечников стрел срубной культуры не только наличием слабо выраженного черенка, но и небрежностью выделки, выразившейся в некоторой асимметричности предмета и в характере ретуши, заменившей прежнюю струйчатую.

К каменным предметам относится один небольшой шарик, имеющий в диаметре около 5 см, и обломки камней для растирания. Один из них принадлежит брускообразному куранту зернотерки, оба конца которого нависали над жорновом. Этот предмет является здесь единственным признаком земледелия, занимавшего видное место в хозяйстве того времени.

О развитом скотоводстве свидетельствуют кости домашних животных. Но лишь те из них, которые были найдены в нижних слоях, заполнявших жилище преимущественно у очагов, могут быть с уверенностью отнесены к селищу бронзового века. В состав стада входили лошади, коровы, овцы и, может быть, свиньи, о чем можно судить по предварительному определению на месте работ. Череп собаки был найден в явно перепутанном слое вместе с черепками амфор и посуды киммерийской культуры.

Несмотря на относительно высокую сохранность кости, никаких костяных изделий на поселении не было обнаружено. Из других находок можно еще упомянуть о подвеске с двумя дырочками, сделанной из морской раковины.

Рис. 34. Черепок с черным лощением

К. Ф. С М И Р Н О В

ПАШКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК № 3

Кубанская экспедиция 1947 г. производила раскопки Пашковского грунтового могильника № 3, открытого М. В. Покровским в 1934 г.¹ В обвалах берега им было обнаружено пять погребений, ориентировочно датированных III — II вв. до н. э. Могильник находится на правом берегу Кубани, в 3 км к юго-востоку от станицы Пашковской Краснодарского края, напротив острова, сплошь покрытого лесом, носящего название у местных жителей «Закоп». ² Осенью 1936 г., на расстоянии 530 м на восток от этого могильника, выше по течению Кубани, Н. В. Анфимов доследовал еще три погребения. ³ Полукилометровый разрыв между крайним к востоку погребением могильника № 3 и вновь открытыми дал право предполагать о наличии нового могильника (№ 4). Однако дальнейшие исследования Н. В. Анфимова и М. В. Покровского показали, что мы имеем дело с одним большим могильником протяженностью по прямой более 400 м, а по обрыву террасы более 500 м (рис. 35). В 1937 г. экспедицией Краснодарского музея, под руководством Анфимова, было обнаружено и доследовано еще пять погребений на восточном участке могильника и одно погребение — на западном. Осенью 1946 г. автор этой статьи вместе с Анфимовым посетил могильник. Нами было обнаружено шесть погребений, из которых четыре (на западном участке) были вскоре доследованы М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым. Таким образом, в результате обследований 1934—1946 гг. на территории могильника было вскрыто 18 погребений.

Кубанской экспедицией ИИМК и ГИМ в 1947 г. было исследовано еще шесть погребальных комплексов, один из которых (группа № 2, раскоп А) представлял или остатки сильно разрушенного погребения, или, скорее всего, остатки тризны при погребении № 1 (отдельные кости животных, фрагменты лепной керамики и бока амфоры).

Наиболее ранние погребения (№ 3 и 4; раскоп Б) дали только лепную посуду, причем лучшие ее экземпляры покрыты черным «скифским» лощением. В слое в районе этих погребений встретились фрагменты главным

¹ М. В. Покровский. Могильник станицы Пашковской (близ гор. Краснодара). Проблемы истории докапиталистических обществ, № 5—6, 1935, стр. 150.

² М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937.

³ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 218.

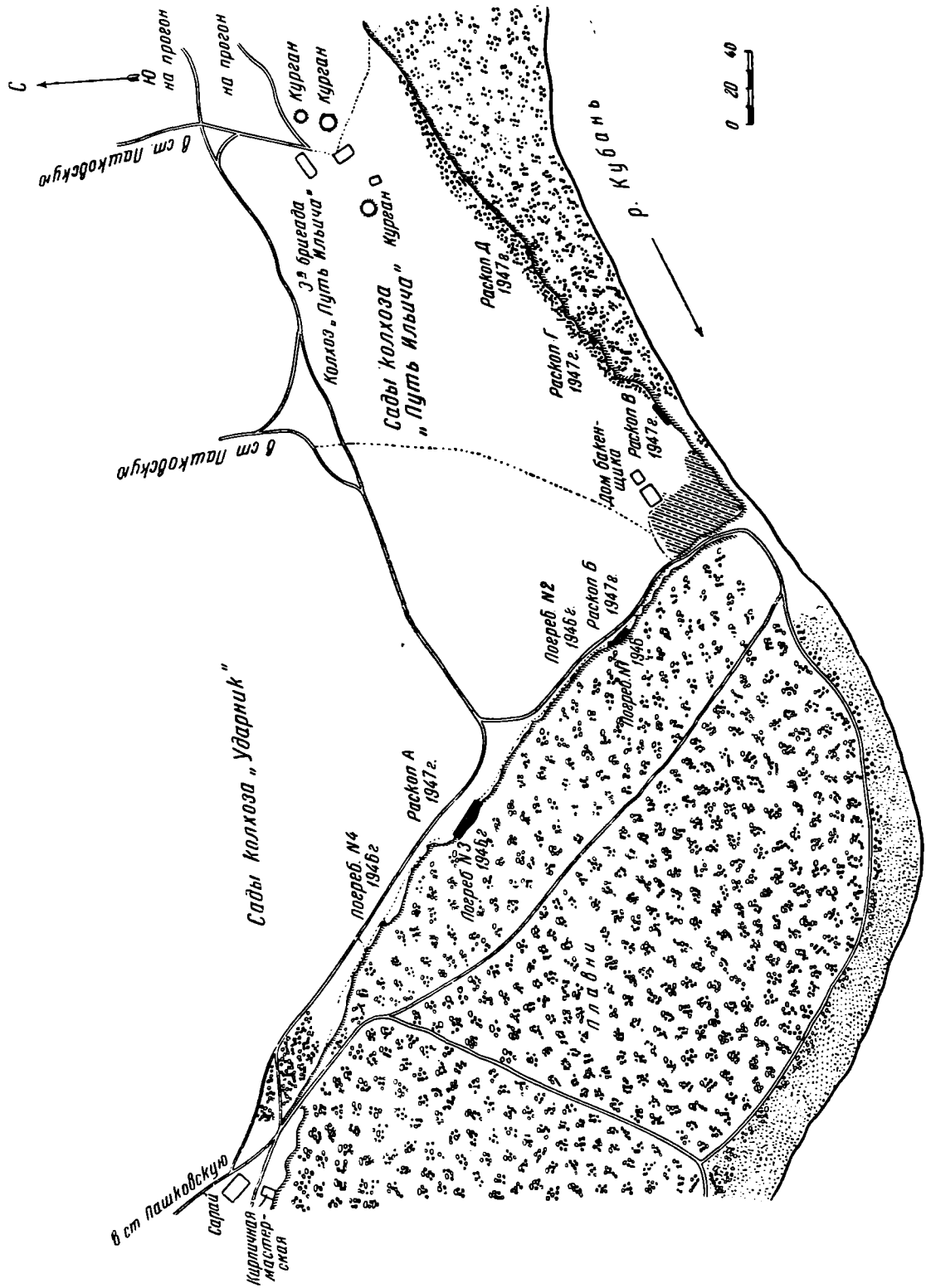

Рис. 35. План Пашковского могильника № 3

образом лепной керамики; обломок бронзового наконечника стрелы архаического скифского времени (рис. 37—6) и бронзовое височное спиральное кольцо с нарезкой по краям (рис. 37—7).

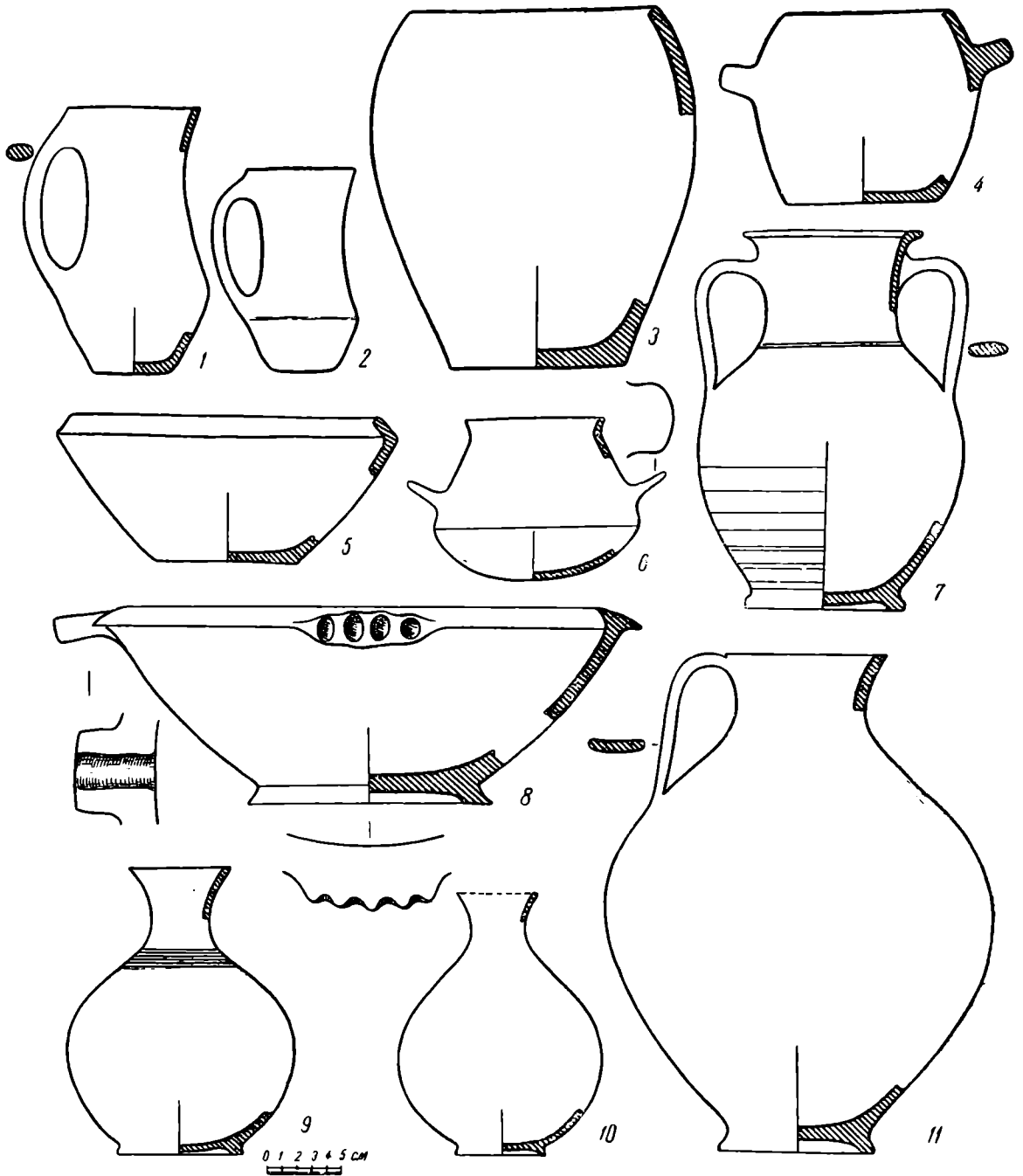

Рис. 36. Сосуды из погребений

1—кубок большой; 2—кубок малый; 3—горшок банковидный; 4—горшок с ушками; 5—миска; 6—горшочек с ушками; 7—пелика; 8—лютерий; 9—кувшин с бороздками по плечикам; 10—кувшин узкогорлый; 11—кувшин с ручкой (6, 7, 8— погребение № 1; 1, 2, 5—погребение № 3; 3, 9, 10, 11—погребение № 5; 4—погребение № 6)

О наличии в могильнике более древнего пласта, чем III—II вв. до н. э., свидетельствует и исследованное в 1946 г. погребение № 2 со скорченными костяком эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.).

Керамика погребения № 3, от которого сохранились лишь четыре сосуда, обломок железного ножичка и ребра коровы, дает формы чернолощенной скифской посуды Северного Кавказа: глубокие миски (рис. 36—5)

и особенно кубки (рис. 36—1, 2), близкие кубкам из Моздокского могильника VII—VI вв. до н. э.⁴ Наши кубки более вытянутых, стройных пропорций и не имеют орнамента — признаки более позднего времени. Вероятной датой погребения является V в. до н. э.

Соседнее погребение (№ 4), сохранившееся целиком, дало такой же формы чернолощенный миниатюрный кубок и миску под головой погребенного. Массивные бронзовые браслеты с заходящими друг на друга концами (рис. 37—9, 10) и бусы из синего стекла с белыми ободками (рис. 37—11) аналогичны находкам в кургане близ Ставрополя V—IV вв. до н. э. (Эрмитаж, экспозиция). Другой тип бус, в виде пирамидок, известен в скифских курганах V—IV вв. до н. э. («Раскопана могила», курган Бабы, курганы Никопольщины) и в зольниках Бельского городища.

Погребение № 1 (раскоп А), кроме легкой посуды, дало интересную группу гончарной посуды и амфору. Амфора имеет клеймо на ручке в виде незамкнутого кружка и по форме аналогична амфорам на высокой массивной ножке с широким коническим туловом в находках Фанагории конца IV—III в. до н. э. Глина нашей амфоры, так же как и упомянутых, дает значительную примесь белого кварцевого песка, хотя и отличается ярким краснооранжевым цветом. Центр производства этих амфор не установлен.

Сероглиняный кувшин с двумя ручками (рис. 36—7) подражает форме боспорских акварельных пелик IV в. до н. э. Среди сероглиняной гончарной керамики кургана у ст. Марьевской раскопок Н. И. Веселовского 1912 г. имеется «пелика», похожая на нашу, но более вытянутых пропорций.⁵ Марьевский курган датируется М. И. Ростовцевым концом IV в. до н. э.⁶

Красноглиняный круглодонный горшок с горизонтальными ушками (рис. 36—6) по форме очень близок сероглиняному сосуду из Марьевского кургана и скифским ритуальным серебряным сосудам из Солохи.⁷

Лепная посуда погребения № 1 — глубокая миска под головой покойника и корчага с биконическим туловом — представляет пережиточные формы чернолощенной скифоидной керамики VI—V вв. до н. э.

Треугольная форма клинка короткого меча (рис. 37—1) повторяет форму клинков скифских акинаков из курганов Чертомлыка и Солохи. Форма меча без перекрестия, с коротким брусковидным навершием, характерна для Прикубанья и соседних районов в IV—III вв. до н. э.

Группа курганов у станицы Воронежской, исследованная Веселовским в 1903 г., дала формы наступательного оружия, подобные формам погребения № 1: железные втульчатые наконечники стрел (рис. 37—4), наконечники копий с узким ланцетовидным пером (рис. 37—2, 3), меч без перекрестия.

Вся совокупность данных позволяет датировать погребение № 1 второй половиной IV — началом III в. до н. э.

Лепная и гончарная керамика из погребений № 5 и 6 (рис. 36—3, 9—11) находит себе ближайшие аналогии отчасти в Усть-Лабинском могильнике № 2, а главным образом среди керамической группы Марьевского кургана и Елизаветинского могильника и городища. Для горшка с ручками-выступами из погребения № 6 (рис. 36—4) нам неизвестны аналогии из других пунктов Прикубанья. Совершенно подобный сосуд найден в погребении № 7 восточного участка Пашковского могильника раскопок Н. В. Анфимова 1937 г. Кувшины Пашковского и Елизаветинского мо-

⁴ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник, Л., 1940, табл. X и XIII.

⁵ ОАК за 1912 г., стр. 54, рис. 71.

⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 319—326.

⁷ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 115, рис. 187.

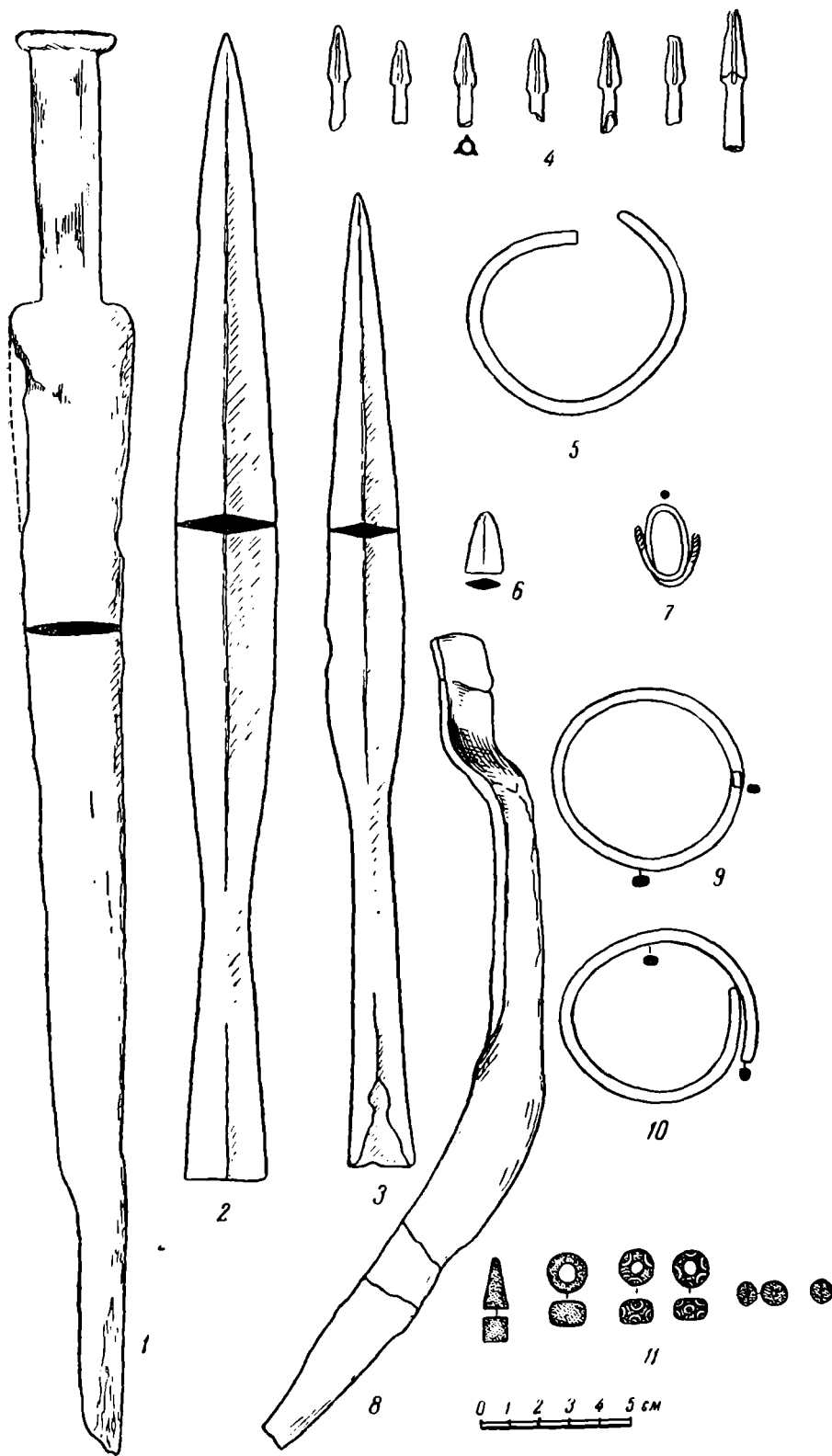

Рис. 37. Вещи из погребений

1 — меч; 2, 3 — копья; 4 — наконечники стрел; 5 — бронзовый браслет (погребение № 1); 6 — обломок бронзового наконечника стрелы (раскоп Б); 7 — бронзовое височное кольцо; 8 — железный серп (погребение № 5); 9, 10 — бронзовые браслеты (погребение № 4); 11 — бусы

гильников едины по форме и качеству глины. Они найдены в погребениях Елизаветинского могильника, датированных медными пантикапейскими монетами IV — второй половины III в. до н. э. (по Зографу). Открытые ранее погребения на восточном участке Пашковского могильника дали те же формы лепной и гончарной посуды. Они датируются, как и погребения № 5 и 6, концом IV — III вв. до н. э. Нет никаких оснований датировать открытые погребальные комплексы Пашковки более поздним временем. Здесь отсутствуют родосские импортные амфоры, столь характерные для Прикубанья во II в. до н. э.

Погребения Пашковского могильника на протяжении трех веков дают единый погребальный обряд: 1) простая грунтовая могила глубиной 1.10—1.95 м, в плане в виде узкого или широкого прямоугольника, судя по расположению вещей (погр. № 1), занимала площадь приблизительно 3 × 2 м; 2) устойчивая южная или юго-восточная ориентировка погребенных; 3) миска под головой покойника, служившая ему изголовьем; 4) положение в могилу галек и камней, чаще всего в ногах, иногда их клали в горшок; 5) постановка сосудов всегда справа и в ногах погребенного, причем в ногах обычно стоят амфоры и большие сосуды-корчаги; 6) погребение сопровождается костями свиньи и барана (черепа, нижние челюсти), реже — коровы и лошади. Это единство обряда свидетельствует о едином оседлом населении земледельцев и скотоводов, живших поблизости в течение трех-четырёх веков. О развитии земледелия свидетельствует масса больших сосудов-корчаг для хранения зерна, находки серпа в погребении № 6 (рис. 37—8). Земледельцы кубанских городищ были одновременно и воинами. В погребении № 6 вместе с серпом лежала втулка от дротика или копья.

Пашковский могильник нельзя связать с каким-либо существующим ныне городищем или открытым поселением. Обычно могильники правобережья Кубани расположены с северной стороны городища, почти непосредственно за рвом и валом. Ближайшее от Пашковского могильника Хорольское городище находится на расстоянии около 0.5 км выше по Кубани и не может быть связано с ним. Городище, повидимому, уже давно уничтожено водами Кубани, и на его месте теперь находятся плавни. Вероятно, разрушена и значительная часть могильника, так как его насыщенность погребениями невелика. Наиболее древним участком могильника является западный, точнее район раскопа Б (погр. № 3, 4), поблизости от которого открыто и погребение эпохи бронзы.

Древнее население района Пашковки представляло одно из меотских племен Прикубанья, генетически связанное с земледельческим населением степной и предгорной полосы Северного Кавказа. Об этом свидетельствует указанное родство лепной чернолощеной керамики с керамикой «скифского» времени, с ее архаическими формами. В IV в. до н. э., когда под воздействием проникающей в Прикубанье культуры античных городов здесь развивается производство гончарной посуды, подражающей античным формам, еще сохраняются скифоидные формы посуды, родственные керамике Моздокского могильника и Нестеровского поселения и могильника VI—IV вв. до н. э.: глубокие миски с загнутым внутрь краем, большие корчаги. Фрагменты такой корчаги из погребения № 1 имеют два сосцевидных выступа, встречающихся также на больших сосудах типа корчаг из Нестеровского и Алхастинского поселений.

В IV в. до н. э. устанавливаются постоянные культурные и торговые связи городищенского населения Прикубанья с античными центрами, по свидетельству Страбона, прежде всего через Фанагорию, о чем свидетельствует и единый амфорный импорт в Фанагории и Пашковском могильнике. Развивается гончарное производство. Среди посуды, сработанной на

гончарном круге по греческим образцам, появляются также такие формы, как лютерий (рис. 36—8), пелика (рис. 36—7), разнообразные формы кувшинов и мисок на кольцевидном поддоне.

Где изготовлялись пашковские сосуды, тонкостенные, из прекрасно отмученной глины и изящной формы? Они по глине и форме отличаются от того, что дают нам одновременные памятники, расположенные восточнее Пашковского могильника, и, как мы отмечали, очень близки, а иногда просто тождественны по форме, качеству и цвету глины с сосудами Марьевского кургана и Елизаветинского могильника. Если пашковская посуда на гончарном круге не делалась на месте — на городище ныне не сохранившемся, то она привозилась сюда из ближайших крупных центров меотского, значительно эллинизированного населения, каковым было, например, Елизаветинское городище.

Г. Д. С МИ Р Н О В

СКИФСКОЕ ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ
«БОЛЬШАЯ САХАРНА»

До археологических работ 1946 г. памятники скифской культуры на территории Молдавской ССР были мало известны. Только отдельные находки конца XIX и начала XX в. в южной Бессарабии указывали на распространение скифской культуры в причерноморских степях между Днестром и Дунаем.

Изучение памятников скифской культуры Институтом истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР было начато в 1946 г. Разведочные и раскопочные работы в 1946—1947 гг. были проведены на среднем течении Днестра, в районе гор. Резины. В этом районе было обследовано 12 скифских селищ и городищ. Большинство городищ расположено вблизи Днестра на трудно доступных мысах среди балок и оврагов.

Основные работы были сосредоточены на скифском городище «Большая Сахарна» и прилегающих к нему селищах. «Большая Сахарна» расположена в 6 км от гор. Резины и в 1 км от правого берега Днестра, вблизи с. Сахарны. Оно занимает большой трудно доступный мыс с крутыми обрывистыми склонами, общей площадью до 8 га; с юго-западной стороны обнесено земляным валом и рвом. Кроме того, вплотную к основному валу и рву примыкают дополнительные земляные укрепления типа бастионов. С ЮЮЗ имеются два укрепления и одно с западной стороны.

В 1946 г., при участии аспирантов ИИМК О. Д. Дашевской, А. В. Гусаркиной и А. И. Мелюковой, были проведены работы на площади городища и на оборонительных сооружениях.

В раскопах на глубине 0.40—1.20 м были найдены остатки костров, очагов, печей и ям. Несмотря на большое количество очагов, признаков жилых сооружений не обнаружено. Представляют интерес своеобразные очаги-печи, которые имели глиняные крышки на деревянной основе. Очаг-печь в плане имеет форму круга, в разрезе — трапециевидную форму. Такого типа очаг углублялся в землю на 0.25—0.30 м. Средний размер очагов-печей по входному отверстию печи 0.40 м, по поду печи — 0.55 м. Второй тип печей бытовал одновременно с первым. В основе они имеют ту же конструкцию, но вместо съемных глиняных крышек имели постоянный небольшой низкий свод.

Во всех раскопках найдено большое количество лепной керамики. Местная керамика представлена разнообразными фрагментами больших и малых сосудов типа горшков, банок, мисок, чарок и специальных сосудов для вы-

делки сыра. Фрагменты керамики имеют светлое и черное лощение с гравированным — резным орнаментом или в комбинации резного и штампованного орнамента. Часто встречаются также фрагменты с наклепным ва­ликом и пальцевым орнаментом. Наклепной ва­лик с орнаментом распола­гается на венчике, горле и на корпусе сосуда. Преобладающее количество фрагментов керамики орнамента не имеет, но сделать какие-либо выводы о соотношении орнаментированной керамики к неорнаментированной не пред­ставляется возможным ввиду того, что значительная часть крупных и сред­них сосудов всех типов имела орнамент только на венчике, горле и иногда на плечиках сосудов.

Из остальных керамических изделий обычной находкой являются пря­слица самых различных размеров. Некоторые из них имеют тщательную отделку и орнаментированы. Изредка встречаются небольшие игрушечные сосудики.

Греческая керамика представлена главным образом фрагментами сте­нок, венчиков, ручек и ножек остродонных амфор. Кроме того, найдены четыре фрагмента ручек греческих амфор с клеймами, греческий кувшин в крупных обломках и два мелких фрагмента чернолакового сосуда.

Из металлических изделий на городище найдены: три фрагмента желе­зных ножей, один из них с костяной ручкой, с гравированным циркульным орнаментом, железное шило, наконечник бронзовой трехгранной скифской стрелы и бронзовая спиральная подвеска. Встречены также остатки же­лезного шлака и бесформенные кусочки железа.

Из украшений найдена одна бусина из пасты синего цвета с желтыми глазками и фрагмент пряжки из слоновой кости.

Полевое определение костей животных дало следующие виды домашних животных: корову, овцу, свинью, собаку; из диких животных — козу и кабана.

Для выяснения конструкции оборонительных сооружений городища был раскопан земляной вал и расчищены два рва. Установлено, что вал систематически ремонтировался и совершенствовался в течение всего перио­да существования городища. Всего отмечено пять строительных периодов. В третьем строительном периоде была введена сплошная обмазка вала с наружной стороны городища. Применение обмазки повысило боевые ка­чества всей оборонительной системы.

В первый строительный период высота насыпи вала была 1 м, при глубине рва в 5 м; к пятому строительному периоду высота насыпи вала была доведена до 4 м, ширина подошвы вала достигла 23 м, глубина рва осталась прежней. Основной вал возник на месте селища. Под подошвой вала лежал культурный слой толщиной 0.5 м. В культурном слое было найдено два очага.

Оборонительная система представляет большой интерес, особенно в связи с дополнительными оборонительными сооружениями типа бастионов, которые выступают впереди основного вала на 35—120 м. Эти сооружения играли такую же роль, как башни древнегреческих городов, назначение которых было не допустить противника к штурму рвов и стен. Идея флан­гового обстрела получила свое воплощение и в строительстве скифских оборонительных сооружений.

В 1947 г. раскопочные работы были перенесены на селище «Сахарна I». Селище занимает площадь до 4 га. До строительства оборонительных со­оружений Сахарнского городища общая площадь селища достигала 12 га. Раскоп был заложен в 200 м² от главного вала. Всего было вскрыто 450 м².

На глубине 0.40—0.75 м был обнаружен один сильно разрушенный очаг, пять площадок и три ямы. Основная масса находок состояла из фраг­

ментов лепной керамики, обработанных костей и нескольких бронзовых изделий.

Значительный интерес для изучения гончарного ремесла представляют сооружения типа круглых площадок, сложенных на каменной основе или из утрамбованной земли и обложенных по краю известняковыми камнями. Поверхность площадок обмазана тонким слоем глины и слегка обожжена. Всего было найдено пять однотипных площадок диаметром 1—2 м, высотой 0.20—0.25 м; толщина глиняной обмазки 1—2 см.

Назначение площадок (столов) определяется находками гончарных инструментов. Вблизи них были найдены костяные ложила, скобели и резак, глиняные и костяные штампы различного размера и формы для отделки и нанесения орнамента на сосуд.

Для наиболее полного выяснения производственного назначения всех площадок интересна площадка на кв. № 14, вблизи которой сохранился дополнительный столик, диаметром 0.35 м, сделанный таким же приемом, как и большие площадки.

Весь комплекс находок и конструкция площадки кв. № 14 с дополнительным столиком позволяет сделать предварительное заключение, что в данном случае мы имеем гончарную мастерскую. Малый столик служил для ручной лепки сосудов, а большая площадка служила столом для сушки изготовленной посуды. В современном гончарном производстве также отводятся специальные места для сушки, процесс которой занимает значительное время гончара.

Особый интерес представляют глиняные штампы, которые разделяются на два типа: 1) штампы для оттиска псевдоверевочного и зубчатого рисунка и 2) штампы глиняные и костяные для оттиска различного рисунка из кружков, звездочек и ямочек.

Орнамент керамики селища и городища, нанесенный штампами, почти полностью совпадает с оттисками штампов гончарных мастерских.

На пологом склоне селища у оврага были обнаружены три ямы. При их разборке найдены три чарки с отбитыми ручками и большое количество фрагментов керамики, костей животных, частично обработанных. В одной из ям было обнаружено сильно разрушенное погребение. Судя по сохранившимся костям, покойник лежал в скорченном состоянии. Возможно, что древние гончары при рытье ямы разрушили это погребение, которое предшествовало скифскому селищу.

Из керамических изделий обращает на себя внимание лепной сосуд горшкообразного типа, найденный в мелких обломках на глубине 1.10 м. Сосуд тщательной выделки, высококачественного черного лощения, орнаментированный резьбой и штампом. Средняя толщина стенок не превышает 4—5 мм, венчик не сохранился. Такая форма сосуда встречается редко.

Керамика селища и городища однотипна, но в данном районе селища качество керамики, особенно черного лощения, выше, чем на городище. Чаще встречается также и керамика с резным и штампованным орнаментом. Кроме того, на селище, среди подъемного материала, имеются фрагменты с резным рисунком животных и птиц.

Находки металлических изделий редки. Всего найдено пять предметов из бронзы, псалей, браслет, иголка, две круглые бляшки и несколько кусочков железа.

Кроме раскопочных работ на городище и селище были проведены дополнительные разведки в окрестностях сел Сахарны, Екиматуцы и гор. Резины. Вблизи с. Сахарны найдено шесть новых селищ, одно из них является самым большим и тянется по берегу Днестра от мыса Гульбока до сельскохозяйственного техникума с. Сахарны на протяжении более 1 км.

Керамика селищ по форме сосудов, по характеру резного и штампованного рисунка однотипна с керамикой сахарнинского городища.

Датировка городища и селищ в настоящее время крайне затруднительна. По греческой керамике и главным образом по фрагментам амфор их можно отнести к IV—III вв. до н. э. По местной керамике, на основе сравнения с керамическими материалами Немировского городища и городищ верхнего течения Днестра, самая ранняя дата падает на конец VI в. до н. э.

Разведочные и раскопочные работы на среднеднестровских скифских городищах и селищах дали ценные материалы, которые расширяют наши представления о земледельческих племенах, населявших юго-западную Скифию.

С. И. РУДЕНКО

КУЛЬТУРА АЛТАЯ ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ
ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ

Среди исторических памятников СССР и сопредельных стран особую группу составляют большие каменные курганы Горно-Алтайской и Тувинской областей, а также Монголии. В Монголии и Туве памятники эти еще не изучены, на Алтае же раскопано более десятка рядовых и пять больших курганов. Особенно ценные результаты для освещения истории культуры Алтая дали раскопки 1929 г. I Пазырыкского кургана и II Пазырыкского, раскопанного в 1947 г. Конструкция больших курганов при больших размерах каменной наброски вызвала особый микроклиматический режим с образованием вечной мерзлоты в могильной яме. Несмотря на это, все такие курганы ограблены, так как содержали большие ценности, особенно золотые вещи, положенные туда вместе с захороненными представителями родовой знати. О находимых в них ценностях можно судить по вещам из известного эрмитажного собрания «сибирского золота». Все же благодаря мерзлоте и в ограбленных курганах сохранилось очень много вещей, никогда еще не находимых в курганах скифо-сарматского времени. В I Пазырыкском кургане прекрасно сохранились трупы сопровождавших покойника коней; во втором, раскопанном в 1947 г., замечательны находки в погребальной камере.

Раскопки пазырыкской группы только начаты, но и те данные, которыми мы уже сейчас располагаем, вместе с добытыми из ранее раскопанных подобных курганов, позволяют с редкой полнотой вскрыть быт и культуру населения Алтая в эту отдаленную и яркую эпоху.

Задачей настоящего сообщения и является дать усиленную характеристику, главным образом на основе раскопок 1947 г., культуры населения Алтая, оставившего после себя курганы с каменной наброской.

Основным занятием населения Алтая в эту пору было скотоводство при полуоседлом образе жизни. В скотоводческом хозяйстве первое место занимала лошадь. Помимо использования лошадей как средства передвижения, их мясо употреблялось в пищу, а шкуры, кожа широко использовались для различных поделок и изготовления одежды.

Второе после лошади место занимала овца. Это подтверждается не только обычаем класть в могилу с умершим в качестве пищи мясо овцы, но и огромным количеством изделий из овечьей шерсти: толстого и тонкого, как фетр, войлока и всевозможных шерстяных тканей. В 1947 г. при раскопках II Пазырыкского кургана впервые был найден большой кожаный сосуд, наполненный кусками овечьего сыра. Исследование руна од-

ной из овечьих шкурок, найденных во II Пазырыкском кургане, дало пух толщиной 10—14 микрон. Такие овцы в условиях достаточно сурового климата Горного Алтая вряд ли могли круглый год находиться на подножном корму; подобно породистым лошадям, обнаруженным в обоих курганах, они зимой должны были содержаться под кровлей в овчарнях. Из мелкого рогатого скота имелись также и козы, но их, видимо, было мало. Череп и рога козла были найдены только при раскопках Шибинского кургана.

Рис. 38. Деревянный сосуд на войлочной подставке
(II Пазырыкский курган)

Помимо мелкого, разводился и крупный рогатый скот. В Шибинском кургане были найдены кости крупного рогатого скота, а во II Пазырыкском кургане — различные поделки из бычьего рога. Помимо быков, разводились и яки, волос которых в значительном количестве найден в том же II Пазырыкском кургане.

Второе, после скотоводства, место в хозяйственном быту населения занимала охота. Среди промысловых животных в первую очередь следует назвать соболя, из меха которого шит известный катандинский халат. Соболий мех (*Martes sibirica*) в качестве выпушки одежды найден и в других поделках во II Пазырыкском кургане. В Шибинском кургане найдены зубы, по крайней мере, семи особей соболя. Мех горностая был найден в Катандинском кургане, а женская одежда из II Пазырыкского кургана сделана из беличьего меха (*Sciurus vulgaris*). Для выпушки этой последней, помимо собольего меха, был использован также мех выдры. Кроме пушных зверей, добывались и хищные. В Пазырыкских курганах

найлены изделия из меха леопарда (*Leopardus pardus*) и степной кошки (в частности *Felis ocreoda*). Из парнокопытных охотились за благородным оленем или маралом (*Cervus canadensis*), изделия из рога которого имеются почти во всех больших курганах. Кроме того, волос оленя употреблялся для набивки седельных подушек. Вряд ли можно сомневаться в том, что промышлялись также и горный баран (аргали), и горный козел (тэке), прекрасные изображения которых мы имеем на вещах из пазырыкских курганов.

Рис. 39а—пряжка от пояса (II Пазырыкский курган)

Занимались ли в это время на Алтае земледелием и в какой мере, мы пока не знаем. Но если часть года лошади содержались на жестких кормах, то тем более вероятно, что зерно в том или ином виде употреблялось в пищу и населением.

Исходя из природных условий края и рассмотренных выше основных занятий, можно сделать вывод, что население должно было вести полукочевой образ жизни, иметь постоянные бревенчатые жилища на зимовках в степных долинах.

Поскольку погребальные камеры отражают конструкцию постоянного жилища, дома, особенно верхнего слоя общества, должны были отличаться совершенной строительной техникой. Они были прямоугольные, бревенчатые, возможно с двойными стенами, с полом из толстых плах. Материалом для покрытия служили береста, кора лиственницы, возможно кустарник курильский чай. Пол этих жилищ был покрыт войлоком, им же завешивались и стены.

Об оседлом образе жизни свидетельствуют не только данные о стойловом содержании скота, но и большие, до 0.5 м высоты, глиняные кувшины, найденные в Пазырыкских курганах. Это — посуда оседлых, а не кочевников. С другой стороны, оседлость эта не была постоянной. Сезонные перекочевки, вызывавшиеся потребностями основного скотоводческого хозяйства, находят свое подтверждение в большом количестве вещей, найденных во II Пазырыкском кургане: мебель, столики со съемными крышками, хозяйственный инвентарь, приспособленный для передвижения, деревянная подвесная и кожаная посуда (рис. 38).

Остатков одежды имеется пока немного, но больше, чем где бы то ни было для данной эпохи. Прежде всего следует вспомнить катандинский меховой плащ с длинными декоративными рукавами. Вторая одежда из того же кургана подобна фраку с длинными фалдами и нагрудником. Наконец, из II Пазырыкского кургана мы имеем женскую одежду, по покрою имеющую много общего с катандинским плащом, но короткую, до колен, и с нагрудником такой же длины, составляющим одно целое с нею. Правда, эти одежды, особенно плащи, одежды богатые, шитье которых требовало и большого мастерства, и не малого труда. Тем не менее они дают представление о покрое верхней одежды вообще. В качестве материала для этих одежд использован мех и кожа диких и домашних животных; шиты они сухожильными нитками. Если катандинский плащ сшит из ценных собольих шкурок, то пазырыкский, вместе с нагрудником, — из шкурок простой белки, с жеребцовой опушкой. Только выпушки сделаны из дорогих мехов соболя и выдры.

Замечательны ременные пояса, сплошь прошитые сухожильной нитью, что придает им вид ткани. Они снабжены подвесными ремнями для ножа или меча, покрыты снаружи нашитым изысканным орнаментом из кожаного шнура с оловянным псевдобисером и украшены серебряными бляхами (рис. 39а), выполненными в «зверином стиле».

Обувь пока известна только женская из II Пазырыкского кургана. Она в двух вариантах — обыденная и парадная; и та и другая знатной женщины. Это — мягкие полусапожки без подметок и каблуков, с головками, собранными на носке в сборки, с короткими, ниже колен, голенищами в одном случае и декоративными, прикрывающими только переднюю часть голени, — в другом. Заслуживают внимания узорчатые подошвы обеих пар, причем в парадных полусапожках они расшиты бисером и золотистыми кристаллами пирита. Подобное украшение обуви имеет смысл только при носке ее в помещении, пол которого покрыт мягким войлоком или ковром, и при обычае сидеть на полу с подвернутыми ногами, подошвами наружу. И то и другое было в обычае. Это следует из покрытия пола погребальной камеры войлоком, из наличия низких столиков, которыми можно пользоваться только сидя на полу.

На ноги обувь надевалась не непосредственно, а поверх тонких войлочных носочков, по покрою подобных обуви. Известные нам образцы обуви отличаются и от западноскифских, и от переднеазиатских того же времени. Ближе к ней гунская обувь, какой мы ее знаем по раскопкам в Ноин-Уле.

Из II Пазырыкского кургана имеется также не полный мужской войлочный головной убор типа высоковерхих, с полями сзади, скифско-сакских головных уборов, известных по их изображениям. И мужчины, и женщины носили, повидимому, головные повязки или диадемы, сшитые из кожи, с различными украшениями.

Из туалетных принадлежностей раскопки II Пазырыкского кургана дали нам, помимо различных сумочек, гребень и зеркало (рис. 39 б). Гребень узкий с длинными зубцами, роговой. Зеркало серебряное, но не цельное, литое; а состоит из двух склепанных между собой половин с пустотой между ними; его диаметр большой — 15 см. Обратная сторона рельефная, с двумя кольцевыми валиками, конусом в центре и орнаментальной насечкой. Треугольный черен вставлен в роговую ручку.

О бытовавшей в то время прическе мы пока ничего определенного сказать не можем, так как мужская голова из II Пазырыкского кургана была скальпирована, а женская, в связи с обычаем посмертной трепанации черепа, обрита. Тем не менее, обычая брить голову, повидимому, не было. На мужскую голову, взамен снятой кожи, перед погребением была нашита кожа яка с длинными волосами. Там же, в погребальной камере, найдены

Рис. 396 — зеркало (II Пазырыкский курган)

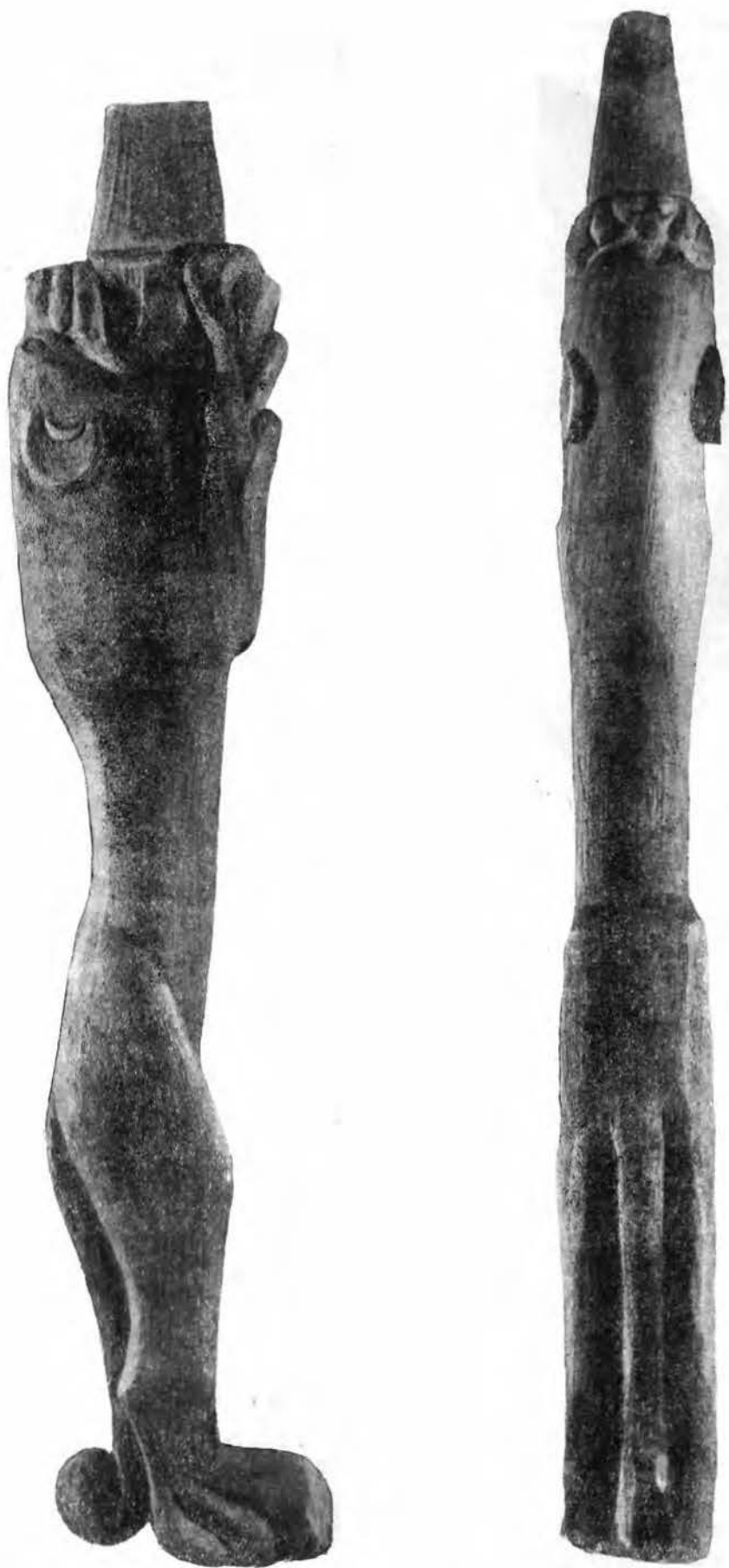

Рис. 40а — деревянная ножка от стола (II Пазырыкский курган)

Рис. 406 — деревянная фигурка оленя с кожными рогами (II Пазырыкский курган)

свитые в две косы волосы женщины в особом кружевном накоснике. Борода мужчины была сбрита за несколько дней до его смерти, но вместе с головой была найдена искусственная подвезная борода, которая, видимо, носилась в торжественных случаях.

И мужчины, и женщины носили серьги, для которых в мочках ушей имеются отверстия. Судя по случайно сохранившимся обломкам серег, они были золотые, тонкой работы, с перегородчатой эмалью из цветной пасты. И мужчины, и женщины носили шейные гривны (грабители II Пазырыкского кургана отрубили им головы, чтобы снять гривны), а женщины, кроме того, носили ножные и ручные браслеты.

Любопытно, что ножные браслеты носились не только выше стопы, но и выше икр ног, под коленным суставом. И стопы, и голени женского тела были отрублены, чтобы снять браслеты. Носили женщины и кольца или перстни.

Большое количество самых разнообразных вещей из больших алтайских каменных курганов, которыми мы в настоящее время располагаем, особенно II Пазырыкского, не позволяет дать даже краткое описание их всех. Помимо утилитарного своего назначения, они представляют интерес как показатель высокого уровня техники обработки различных материалов. На ней мы и остановимся вкратце.

Об обработке растительных материалов, в первую очередь дерева, можно судить по высокому качеству строительного дела. При постройке срубов погребальных камер бревна не только исключительно тщательно отесывались, но и идеально пригонялись одно к другому так, что не оставалось никаких зазоров. При отсутствии пилы плахи пола вытесаны настолько аккуратно и пригнаны одна к другой так плотно, что пол оказался абсолютно непроницаем для воды. Особого внимания заслуживает выделка из цельного дерева таких предметов, как саркофаг в 4 м длиной и около одного метра в диаметре, изящной формы столов с цельными крышками или различной формы сосудов, также из цельного дерева. Токарный станок уже был известен, и на нем вытачивались фигурные ножки столов, но всего замечательнее была художественная резьба по дереву, образцами которой являются те же ножки столов в виде фигур львов, поддерживающих крышки, бесчисленное количество резных из дерева украшений, конской сбруи и предметов церемониального назначения (рис. 40а, 40б, 42).

Из II Пазырыкского кургана уже и сейчас имеется семь видов различных шерстяных тканей типа полотна, саржи или диагонали, ковровой с длинным ворсом и псевдогобелена или паласа. Одни из них, например ковровые, были шириной до 42 см, саржевые — 15 см, псевдогобеленовые — всего около 9 см. Одни ткани (ковровые) окрашивались в готовом виде, другие ткались из окрашенных ниток, причем псевдогобелен соткан из разноцветных ниток со сложным ритмически повторяющимся узором. Помимо тканей, имеется и плетеная шерстяная тесьма, и узорчатые кружева из тех же шерстяных ниток. В качестве красителей употреблялись типы индиго, пурпурин и ализарин. Следует все же отметить, что для одежды в основном использовались меха и частично кожа, для обуви — кожа и фетр. Ткани ценились, видимо, высоко, шли на отделку предметов одежды, в частности обуви, в основном же использовались в домашнем убранстве.

В обработке минеральных веществ в первую очередь следует отметить технику изготовления глиняной посуды. Большие глиняные кувшины из II Пазырыкского кургана оригинальной формы, но не совершенной техники изготовления. Тесто довольно грубое с примесью гравия; формовка без гончарного круга; обжиг примитивный на костре.

Как была поставлена разработка рудных месторождений, мы пока не знаем. Известно, что в эту именно эпоху золото с Алтая шло непрерыв-

Рис. 41. Покрышка седла. Войлок. Цветная аппликация. (II Пазырыкский курган).

Рис. 42. Деревянное навершие (II Пазырыкский курган)

ным потоком на запад и на юг. На Алтае же могло добываться и серебро, и медь, и олово; разрабатывались там и месторождения железа. Поскольку курганы ограблены, нельзя судить о том количестве золота, которое в них было захоронено, а было его не мало. Каковы были похищенные вещи, можно судить по массивным и тяжелым золотым шейным гривнам и браслетам эрмитажного собрания «сибирского золота». Впрочем, и то, что уцелело в курганах, указывает на весьма широкое использование листового золота для украшения вещей, казалось бы, третьестепенного значения. Наравне с золотом, но в меньшем количестве, для покрытия различных вещей употреблялось и листовое олово. Техника площения золота и олова стояла довольно высоко: наиболее тонкие листки золота около 15 микрон, еще тоньше оловянная фольга.

Литье различных предметов из бронзы было общераспространенным. Отливались бронзовые удила, гвозди, художественные изделия, как, например, фигурки орлов из Берельского кургана.

Какие железные руды разрабатывались, мы пока не знаем, но употребление в большом количестве кристаллов пирита в качестве украшения подошв женской обуви указывает на то, что сернистое железо им было известно. Добывался ли пирит попутно при разработке золотых россыпей вместе с золотом или независимо, это другой вопрос. Железные вещи, такие, как удила или ножи, выделывались ковкой.

Серебряное зеркало настолько оригинально и необычно, что трудно решить, местного оно изделия или привозного. Зато поясные серебряные бляхи и особенно серебряная подвеска с изображением лошади настолько «скифская», местная, что нет сомнения в том, что алтайцы были знакомы с техникой литья и серебряных изделий, притом изделий высокохудожественных.

При раскопках II Пазырьжского кургана впервые найдены музыкальные инструменты двух типов — ударный и струнный. Первый из них односторонний барабан небольших размеров, бокаловидной формы, удобной для держания в руке. Корпус его составлен из двух роговых половин. По своей форме и, отчасти, по способу крепления мембраны он близок односторонним барабанам, и поныне бытующим в Афганистане, Иране и Малой Азии. Резонансный корпус струнного инструмента выдолблен из цельного куска дерева с мембраной-декой, выделанной из тонкой кожи. Его многострунность, равно как тщательность и изящество в отделке, указывает на высокую степень музыкальной культуры создавшего его народа.

Особо видное место в культуре населения Алтая, оставившего большие каменные курганы, занимает изобразительное искусство. Нет почти ни одного предмета, независимо от его утилитарного назначения, чтобы он не был в той или иной мере украшен. Глиняная и деревянная посуда, мебель в частности столики, и другие предметы домашней обстановки, одежда, конская сбруя (рис. 43), предметы ритуальные, из какого бы материала они ни были сделаны, выполнены в изысканной форме и всячески разукрашены. В изобразительном искусстве широко использованы приемы графического силуэтного изображения, резьбы в низком рельефе и в круглой скульптуре, техника мозаики, литья и чеканки. Особенно излюбленными приемами были резьба по дереву и рогу, аппликация из кожи и фетра (рис. 41). Имеется еще один момент, который должен быть отмечен, это полихромность. Красителей было не так много. Общеупотребительными были цвета в различных оттенках: синий, красный и желтый, но в комбинации с натуральным белым, коричневым или черным цветами шерсти, с различными цветами и их оттенками кожи и меха с расцветкой золотом и оловом получались богатые возможности для многокрасочных изделий, и ими широко пользовались.

Рис. 43. Налобник из рога (II Пазырыкский курган)

Что касается мотивов изобразительного искусства, то на первом месте стоял известный «скифский звериный стиль».

Второй момент, который должен быть особенно подчеркнут,— это вскрытое раскопками наличие орнаментов растительных и геометрических. Скифское искусство и «звериный стиль» часто употребляются как синонимы. Разумеется, изображения животных занимали в нем видное место, но наряду с ними население широко пользовалось и мотивами из растительного мира, в частности лотосом, и различными геометрическими фигурами. Растительные мотивы особенно широко использовались для украшения одежды, всевозможных предметов домашнего обихода — мешков, сумок, кошель, кожаных сосудов, ковров и тому подобных вещей, где орнаментальные мотивы из мира животных или вовсе отсутствуют или занимают подчиненное место.

Для суждения об общественном строе и идеологии населения Алтая в рассматриваемое время, за отсутствием письменных источников и за недостаточным количеством исследованных памятников, данных у нас очень мало. Между тем и здесь мы располагаем такими фактами, которые археологически не засвидетельствованы в других местах. Общество, оставившее большие каменные курганы, представляется нам в виде родовых общин, патриархальных семей, объединенных в племенные группы. Богатство сочеталось с общественной властью, что подтверждается наличием, помимо небольших рядовых, очень больших курганов, в сооружениях которых должен был принимать участие большой коллектив. Однако на Алтае не было таких крупных племенных объединений под властью выдающихся вождей, как на юге России. Самые крупные курганы в долине р. Урсула еще не исследованы, но те, что раскопаны, также не малые по размерам, заключают не более четырнадцати захороненных коней.

Важная деталь, которая отмечалась и выше, это то, что все кони верховые, заседланные. Верховые кони — это личная собственность погребенного. Кони эти разномастные, с различными метами на ушах, указывающими на происхождение от различных хозяев. Кони I Пазырыкского кургана оказались не молодыми: возраст их определен старше 9 лет, большинство же старше 17—20 лет. Такие же старые кони были погребены и во II Пазырыкском кургане. Это — высокопородные кони, лучших кровей, содержавшиеся на отборных кормах. Надо думать, что они покупались или выменивались у различных владельцев; в престарелом возрасте они заменялись более молодыми, а по смерти их хозяина сопровождали его в загробную жизнь. Верховой конь, в том числе и боевой, был самым ценным имуществом, и его мы находим во всех без исключения погребениях рассматриваемого времени, как мужских, так и женских, вместе с остальным личным имуществом.

Во II Пазырыкском кургане погребен убитый в бою мужчина, и врагом был снят с него скальп. С ним погребена женщина, вероятно его любимая наложница. Не все детали этого замечательного памятника выяснены, но это пока наиболее вероятная версия. Изысканная, но не особенно богатая одежда женщины, музыкальные инструменты, многочисленные принадлежности туалета — все это определяет ее социальное положение. В данном погребении нашли свое подтверждение факты, отмеченные впервые в Шибинском кургане, погребения мумифицированных трупов с трепанацией черепа. Последнее практиковалось, видимо, только в отношении особенно влиятельных лиц, так как трепанированных черепов в рядовых погребениях, поскольку нам известно, не находилось.

Оживленную дискуссию вызвали лошадиные маски из I Пазырыкского кургана с их композициями нападения барса на оленя и схватки барса или тигра с рогатым львиным грифоном. Во II Пазырыкском кургане также

найденны маски. Мотив одной из них — птица, сидящая на голове горного барана. Этот мотив борьбы хищных или фантастических зверей, или нападения их же или хищных на копытных во многих вариантах имеется в Пазырыкских курганах. Смысловое значение этих сцен видели и в тотемических и в дуалистических представлениях. Отмечу только, что не во всех сценах мы имеем указанное выше сочетание. Из I Пазырыкского кургана на седельной покрывке имеется сцена борьбы двух грифонов — орлиного и львиного; в одной из масок — схватка тигра с львиным грифоном, а на бляхе из II Пазырыкского кургана борьба двух орлиных грифонов.

Несколько слов еще о вероятных культурных связях Алтая с Передней Азией. Что культура алтайцев в рассматриваемое время была независима от передовых культур юга, в этом нет никакого сомнения, но она была в той или иной мере с ними взаимно связана. Мы уже отмечали элементы культуры Передней Азии на Алтае, например наличие таких мотивов в изображениях животных, как орлиные и львиные грифоны, нередко в стиле, характерном для ахеменидской Персии. Помимо этого, многие композиции борьбы зверей чисто переднеазиатские, в частности ассирийские, что и не удивительно, принимая во внимание исторически засвидетельствованное участие в VII и VI вв. до н. э. восточных кочевых племен в войнах Передней Азии.

Не случайно и исключительное преобладание среди мотивов растительного орнамента лотоса, в его специальной переднеазиатской трактовке. Но не только в художественном творчестве, в одежде (кандис), в вооружении (акинак), в конском убранстве между Алтаем и Передним Востоком много общего. При наличии местной металлургии и при высокой технике изготовления металлических изделий нет уверенности в том, что золотые ювелирные вещи с цветной перегородчатой эмалью были местного производства. Хотя их найдено пока немного, они чрезвычайно близки к тем, какие мы знаем в это время в Персии.

Очень показательное нахождение во II Пазырыкском кургане значительного количества семян посевного эфирномасличного кориандра — растения субтропического, восточно-средиземноморского, который, подобно индигу и пурпурину, на Алтае мог оказаться только в результате сношений с югом. Что касается этих сношений, то сомнительно, чтобы они были исключительно военного характера. Несравненно интенсивнее должны были быть мирные торговые сношения. С Алтая на юг шло золото, драгоценные меха пушных зверей, вряд ли скот, в том числе лошади, которых на Алтае не могло быть так много, как в степных областях. Взамен получались породистые лошади, возможно, овцы, предметы роскоши в виде ювелирных изделий, редкие краски, лекарственные и пряные растения. Однако все иноземное здесь же на месте подвергалось детальной переработке и входило в сокровищницу богатой местной культуры.

Каменных курганов на Алтае изучено слишком мало, поэтому пока нет вполне надежных критериев для их точной датировки. Отметим только, что нет оснований относить их ко времени позднее IV в. до н. э. Связи с югом могут быть прослежены за весь период ахеменидской династии. Решительно никаких следов сношений с Грецией, времени ее господства в Передней Азии после падения названной персидской монархии, и позднее с Китаем, по крайней мере в Пазырыке, мы не имеем.

М. П. ГРЯЗНОВ

РАСКОПКИ АЛТАЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА БЛИЖНИХ ЕЛБАНАХ

Археологическая разведка, произведенная в 1925 г. в районе Верхней Оби, показала, что правый берег Верхней Оби, представляющий собой южную и западную границы крупного лесного массива, простирающегося с небольшими перерывами от гор. Бийска на север до зоны сплошных лесов беспредельной сибирской тайги, изобилует памятниками древних культур оседлого населения. Обилие керамики всех времен, начиная с эпохи бронзы, наличие остатков оседлых поселений тех эпох, когда в соседних степях левобережья и в степных долинах Горного Алтая развивались и процветали культуры древних кочевых племен, красноречиво свидетельствовали об иных путях развития культуры правобережных лесных племен. Здесь, в отличие от степей, население осталось оседлым, продолжало развивать свою культуру на основе комплексного земледельческо-скотоводческого и рыболовно-охотничьего хозяйства и имело свой особый этнографический облик, отличный от соседних степных племен.

Детальное исследование памятников культуры оседлых племен правобережья Верхней Оби представляет интерес не только потому, что открывает новую, ранее неизвестную, область распространения своеобразных неизвестных нам древних культур. Живя и развиваясь рядом со степными кочевыми племенами, с их специализированным скотоводческим хозяйством, оседлые верхнеобские племена на всем протяжении своей истории были тесно с ними связаны. Экономические и культурные связи кочевых и оседлых племен не были односторонними. Культура тех и других развивалась во взаимодействии, и, не зная истории развития культуры оседлых племен Верхней Оби, невозможно правильно понять все особенности культуры кочевых племен Алтая и приалтайских степей.

Приступая к исследованию памятников на правом берегу р. Оби, Алтайская экспедиция Гос. Эрмитажа и ИИМК избрала для своих работ район с. Большереченского (рис. 44, А), где в 1925 г. было отмечено наибольшее количество разнообразных памятников.¹

Все основные работы экспедиции производились в уроч. Ближние Елбаны (рис. 44, В), наиболее богатом остатками древностей. Правый берег Оби представляет собой широкую пойму, местами до 10 км шириной, еже-

¹ В работах экспедиции 1946 г. принимали участие, кроме автора: М. Н. Комарова, Т. Д. Равдоникас и М. Г. Властелица; в 1947 г.: С. С. Черников, А. А. Гаврилова, Н. С. Белова, В. Н. Полторацкая, В. П. Лучинина и М. П. Нечева.

годно затопляемую весенним разливом реки. Только песчаные дюны (по местному — елбаны) остаются небольшими островками суши, не заливаемыми водой. На них-то и селился человек с давних пор. На них он строил

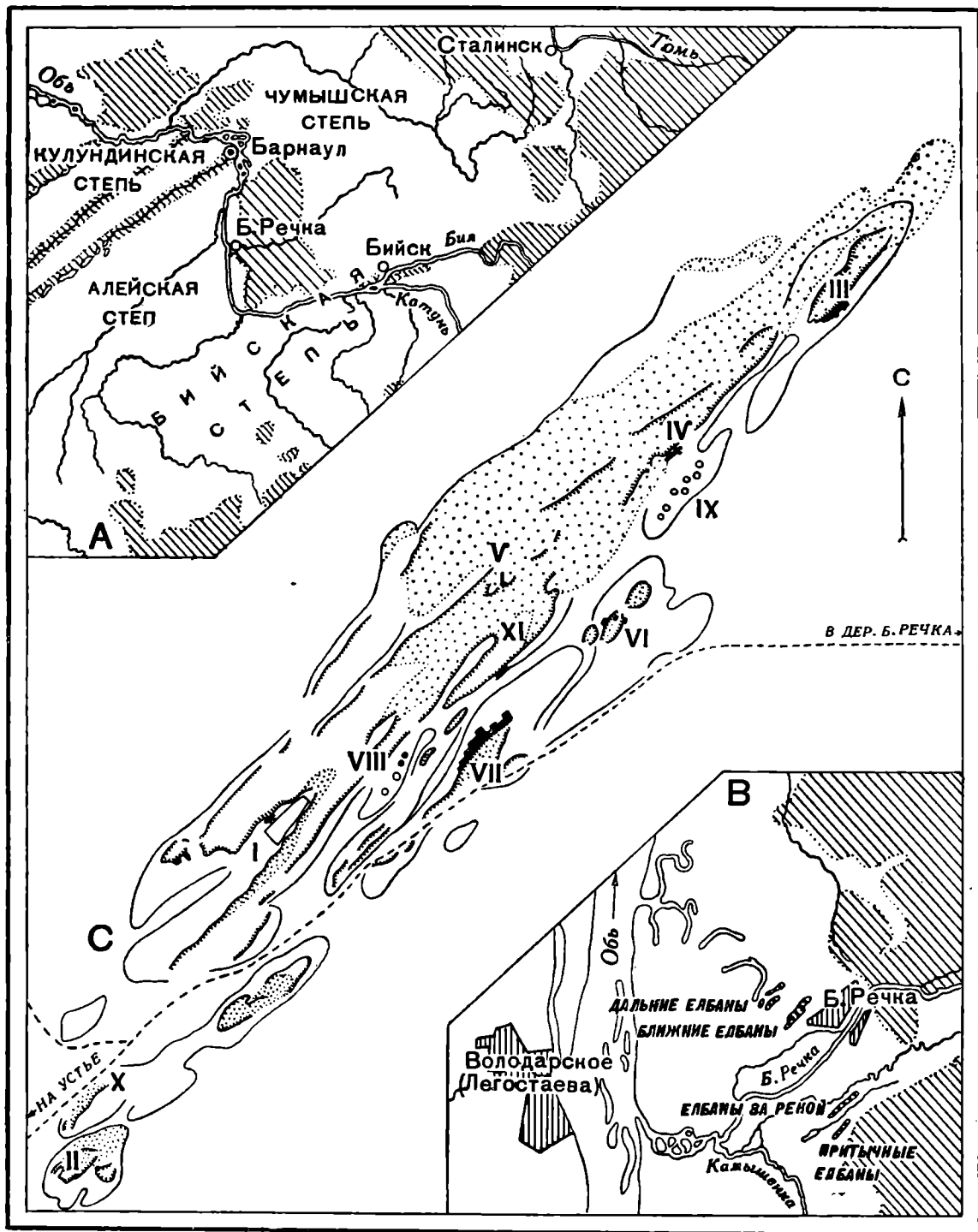

Рис. 44. Карта к раскопкам на Ближних Елбанах

свои жилища, устраивал кладбища. Часто на одной дюне находятся остатки поселений и могильников разных эпох. Ближние Елбаны представляют собой гряду таких дюн, занимающих пространство в 150—250 м шириной, 1400 м длиной (рис. 44, С), служивших местом обитания человека в течение почти 2500 лет.

Первое поселение на Ближних Елбанах возникло, когда процесс образования дюн был полностью завершен и поверхность песка всюду задер-

нована. Такой вид дюны сохраняли тысячи лет, до появления русского села Большая Речка, расположившегося по соседству. Дорога и прогоняемые стада скота нарушили дерновый покров дюн, и ветры стали раздувать песок, обнажая и разрушая скрытые в нем памятники древности. Обилие находок на поверхности выдувов на Ближних Елбанах давно привлекало внимание местных исследователей. В течение многих лет здесь собирал подъемный материал и производил раскопки Н. С. Гуляев.² В 1915 г. Ближние Елбаны обследовал В. П. Михайлов.³ Собранные ими коллекции хранятся в музеях Ленинграда, Москвы, Томска, Барнаула и Горно-Алтайска, но, плохо документированные, они утратили свою научную ценность. При разведках 1925 г. автором этой статьи собран здесь значительный подъемный материал и произведены небольшие раскопки двух поселений и одного могильника.

За два года работ Алтайской экспедицией открыты и исследованы могильники и поселения восьми последовательных исторических периодов. При этом замечательно, что все найденные на Ближних Елбанах остатки древней жизни принадлежат каждый раз одному населенному пункту. Четко ограниченная территория Ближних Елбанов, ежегодно оказывавшаяся небольшим островком во время разлива реки, могла быть занята только одним поселком. В каждый определенный период времени здесь могло располагаться одно поселение, занимавшее одну из дюн, и здесь же, на одной из других дюн, помещался могильник. Следовательно, в пределах небольшой гряды дюн расположены место поселения и могильник каждого исторического периода, оставившего здесь следы пребывания человека.

Ближние Елбаны — это территория одного населенного пункта, обитаемого с некоторыми перерывами в течение восьми последовательных исторических периодов, и культурные наслоения разных эпох не отлагались друг на друга в одном и том же пункте, как это происходило в многослойных памятниках, а, как правило, находились на разных дюнах. Последнее обстоятельство не дает нам возможности стратиграфического изучения разновременных наслоений, зато чрезвычайно облегчает задачу разделения всех находок по соответствующим культурно-историческим этапам, что в условиях лесостепной полосы с незначительной толщиной культурного слоя обычно представляет большие затруднения, часто непреодолимые.

Исследованные на Ближних Елбанах памятники принадлежат культурам, большей частью отличным от известных нам культур Минусинских степей и Горного Алтая, поэтому пришлось ввести для них новые наименования. Хронологическое определение этих культур во многих случаях пока не может быть достаточно обосновано, и указываемые ниже для каждого культурного комплекса даты следует рассматривать как предварительные, подлежащие в дальнейшем уточнению и исправлению. Пункты находок отмечаются римской цифрой и буквами БЕ (Ближние Елбаны).

Карасукская культура (X—VIII вв. до н. э.). Исследовано пять погребений в пункте БЕ IV. Грунтовые могилы без внешних признаков. Умершие положены на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. При скелетах находились немногочисленные мелкие медные украшения обычных для Верхней Оби типов, в том числе характерные крупные височные кольца с гвоздеобразной шляпкой. В головах ставились глиняные горшки бомбовидной формы с прямой стоячей шейкой, но, в

² ОАК за 1908 г., стр. 83—84; Отчет Алтайского подотдела ЗСОРГО за 1903 г., Барнаул, 1904, стр. 27—28; ИАК, прибавл. к вып. 46, 1912, стр. 182—183.

³ В. П. Михайлов. Предварительное сообщение об археологических разведках городищ и курганов у дер. Большая Речка. Изв. Томского ун-та, кн. XVI, Томск, 1917, стр. 1—13.

Рис. 45. Находки из могильников в Ближних Елбанах.

1—6 — Сронзовые орудия (могильник БЕ VII, большереченская культура VII—VI вв. до н. в.); 7—12 — бронзовые и костяные украшения (могильник БЕ VII, фоминская культура VI—V вв. до н. в.)

отличие от минусинских, с плоским дном. Они украшены нарядным сложным геометрическим орнаментом обычного карасукского типа, оттиснутым гладким штампом. Рисунок иногда инкрустирован белой массой. Интересно коллективное погребение в одной могиле трех взрослых мужчин, положенных в ряд. Могильник принадлежит верхнеобскому варианту карасукской культуры. Подобные погребения мы знаем в Камышенке и в Красном Яре,⁴ а керамику — из сборов на дюнах близ Енисейского и Фоминского и на Дальних Елбанах близ с. Большереченского.⁵

Большереченская культура (VII — VI вв. до н. э.). Исследованы могильник в пункте БЕ VII и поселение в пункте БЕ I. В могильнике раскопано 53 погребения. Грунтовые могилы в виде неглубоких ямок содержали скелеты в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Погребения очень бедны, тем не менее получена довольно характерная серия разнообразных предметов. В трех могилах было по маленькой чашке со сферическим дном. У изголовья часто находились крайне немногочисленные мелкие бронзовые украшения в виде проволочных колец и пронизок, свернутых из тонких пластинок. Только в одном погребении девушки было найдено интересное шейное украшение из серии бронзовых и пастовых бляшек, разных бус и пронизок, в том числе использованного в качестве пронизки сломанного бронзового наконечника стрелы раннескифского времени. В женских погребениях, кроме того, найдены бронзовые иглы, глиняное пряслице, костяной гребешок для обработки растительного волокна; в мужских — два бронзовых наконечника копья, костяные и бронзовые наконечники стрел, каменная булава, роговой молот и некоторые другие вещи (рис. 45). Во многих могилах находился бронзовый нож (обычно у пояса) или, часто, обломок его — только кончик лезвия. В одном случае вместо ножа в могилу был положен острый осколок камня.

Поселение сохранило остатки не менее чем семи землянок. Раскопаны три из них, причем две удалось исследовать только частично, а третья, сохранившаяся почти полностью, еще не закончена раскопкой. Это большие землянки, шириной 12—13 м, длиной более 15 м, глубиной около 1 м. Все три землянки покинуты их обитателями внезапно, на что указывает большое количество оставшихся на полу разных предметов домашнего хозяйства, прежде всего глиняной посуды. Горшки разной формы и размеров находились иногда раздавленными там, где они были оставлены, иногда же отдельные части их оказывались раскиданными по дну землянки. Более крупные сосуды имели обычно форму банки со вздутыми боками, суживающимися ко дну. Меньшие представляли собой полусферические чашки с выпуклым дном. Характерен орнамент из рядов бугорков, чередующихся с ямками, а затем ряды оттисков гребенки и разные пережиточные формы фестонов, ромбов и других геометрических орнаментов, генетически связанных с карасукскими верхнеобского типа.

Среди многочисленных находок в землянках интересны каменные зернотерки, костяные трепала и гребешки для обработки растительного волокна. Несомненно, что это земледельческое поселение. Остатки костей домашних и диких животных, а также чешуи и костей рыб говорят о том, что в хозяйстве населения, наряду с земледелием и скотоводством, крупную роль играли охота и рыбная ловля. Немногочисленные находки бронзовых предметов (ножи и некоторые другие), при полном отсутствии железных, указывают, как и материалы могильника, что большереченская культура принадлежит еще бронзовому веку.

⁴ Раскопки С. М. Сергеева, 1930; Коллекция в Эрмитаже.

⁵ Сборы Алтайской экспедиции Гос. музея этнографии (Ленинград) в 1925 г.

Памятники большереченской культуры пока немногочисленны. Можно указать лишь поселения на дюне близ Быстрянского хордона (60 км к западу от гор. Бийска),⁶ курганный могильник Березовка I⁷ и Томский могильник, основная группа погребений которого чрезвычайно сходна с нашими большереченскими. Близкие аналогии большереченской культуры можно видеть в памятниках майэмирского этапа на Алтае и в самых ранних курганах минусинской курганной культуры; однако керамика, обряд погребения и бронза района Верхней Оби настолько отличны и характерны, что указывают на принадлежность их к другой этнической группе, другой культуре, которую мы назвали большереченской.

Бийская культура (V—III вв. до н. э.). Остатки поселения в пункте БЕ XI, повидимому целиком развееванного в своей основной части, исследованы нами на площади в 40 м². Культурный слой очень беден. Интересна лишь открытая здесь небольшая яма с обломками глиняных литейных форм и сплесками меди — остатки бронзолитейного производства, да бронзовый пробойник. Небольшое количество черепков глиняной посуды найдено на прилегающих участках соседних дюн (БЕ V и БЕ VII). Кроме того, обломки двух сосудов (из развеянных погребений) подобраны на выдуве в пункте БЕ II. Посуда — тех же форм, что и в поселениях большереченской культуры. Орнамент — те же ряды бугорков, но чередующихся обычно не с ямками, а с угловыми оттисками лопаточки, и затем пояс из серии параллельных линий или косой сетки. Подобная керамика широко распространена в районе Верхней Оби. Лучшая серия ее найдена близ гор. Бийска (около скотобойни).⁸ Имеется она и еще в четырех пунктах — Енисейское II, Монастырь (около Бийска), Камышенка I, ст. Алтайская.⁹ Подобная же керамика известна с Чертова городища в гор. Новосибирске и из окрестностей гор. Кузнецка.

Березовская культура (II в. до н. э.—I в. н. э.). Исследован культурный слой поселения, перекрывающий собой землянки большереченской культуры в пункте БЕ I, пять погребений в пункте БЕ III и одно погребение на месте могильника большереченской культуры в пункте БЕ VII. Культурный слой поселения дал большую серию керамики. Посуда — прежних форм. Орнамент ее стал проще — только ряд бугорков, чередующихся с ямками или черточками, или ряды одних только бугорков. Часто сосуды без орнамента. Погребения совершены в глубоких ямах, в срубках, покрытых сверху в несколько рядов бревнами. Скелеты лежат в вытянутом положении, на спине, головой попрежнему на юго-запад. Могилы, по сравнению с большереченскими, заметно богаче. При каждом костяке найдены части наряда и различные украшения — медные, железные и костяные, а также железный цельнометаллический нож с кольцом или петлей на конце рукоятки. В каждую могилу ставился один или два глиняных кувшина с жидкой пищей и клался курдюк молодого барашка (это значит — на каждой могиле при погребении резали барашка и определенную часть его — курдюк — давали умершему).

Памятники березовской культуры широко распространены в районе Верхней Оби. Совершенно такие же погребения исследованы в дер. Клепиковой;¹⁰ подобная керамика получена в раскопках Березовского городища¹¹ и в сборах на поселениях Клепикова, Вяткина, Вихоревский пере-

⁶ Мои сборы в 1925 г. Коллекция в Гос. музее этнографии (Ленинград).

⁷ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1948, стр. 16—17.

⁸ Сборы Алтайской экспедиции Гос. музея этнографии в 1925 г.

⁹ То же.

¹⁰ Раскопки М. П. Грязнова в 1925 г. и С. М. Сергеева — в 1928 г.

¹¹ Раскопки С. М. Сергеева в 1930 г. (Коллекция в Эрмитаже).

воз (близ гор. Бийска) и Енисейское I.¹² Наконец, этому же типу памятников принадлежат курганные могильники Бийск I и II, Сростки II, Быстрянского, Красный Яр,¹³ расположенные в районе Бийска, по многим признакам занимающие промежуточное положение между погребениями Большой Речки и Клепиковой и курганами Горного Алтая (характерны частые случаи погребений коня вместе с умершим). Березовской культурой завершается цикл развития характерных культур Верхней Оби, начавшийся большереченской культурой, связанной своим происхождением с верхнеобским вариантом карасукской культуры.

Первые века нашей эры. Исследован могильник в пункте БЕ III, на месте могильника предшествующей березовской культуры, и одно погребение в пункте БЕ VII, на месте старого могильника большереченской культуры. Вскрытые 13 погребений отличаются новым обрядом. В неглубоких ямах (30—60 см) скелет лежит на спине, головой на северо-восток. Среди могил в почвенном слое прослеживаются остатки намогильных тризн и приношений умершим — в виде обломков глиняной посуды, железных и костяных наконечников стрел, удила и др. Интересны остатки жертвоприношения коня. В почвенном слое лежали череп и кости четырех ног коня и с ними два разбитых глиняных горшка. Вещи, сопровождающие погребенных, принадлежат новым типам. Это — нож с черенком для насада на рукоятку, иногда в ножнах, от которых сохранились железные оковки; пряжки в виде кольца с подвижным язычком; характерные медные серьги, медные гривны и другие украшения; железные кельты и наконечники стрел. Интересна миниатюрная копия бронзового котла скифского типа. Керамика представлена небольшими горшками с выпуклым дном и высокими, почти прямыми, стенками. Орнамент — ряд круглых ямок у венчика и ряды слабых оттисков крупнозубчатой гребенки. До сих пор в Алтайском крае не были известны памятники первых веков н. э. Это новый для нас культурный комплекс. Генетическая связь его с предшествующими культурами пока не улавливается. Происхождение его не совсем ясно. Во всяком случае он связан не со степными культурами, а, вероятно, с культурами лесных районов Сибири, к сожалению, еще почти совсем не изученными.

Фоминская культура (V—VII вв. н. э.). Исследовано 22 погребения в пункте БЕ VII, на месте древнего могильника большереченской культуры, и культурный слой поселения в пункте БЕ IV, на месте Карасукского могильника. Поселение дало керамику, несколько более разнообразную, чем могильник, и некоторые вещи, подобные находимым в могильнике. Особый интерес представляют находки в могильнике. В могилах, как правило, погребен пепел сожженных покойников и с ним орудия, одежда и в глиняных горшках пища, среди остатков которой только в одной могиле встречены кости рыбы. Между могилами в почвенном слое сохранились свидетельства намогильных тризн — части разбитых горшков.

Из числа разнообразных находимых в могилах вещей отметим железные кельты, железные и костяные наконечники стрел, роговой гарпун, железные черенковые ножи, в двух случаях — в ножнах (рис. 46), от которых сохранились литые медные накладки, затем роговые обоймы и другие украшения с характерным своеобразным орнаментом. Особый интерес представляют бронзовая бляха-застежка пьяноборского типа и полая фигурка птицы типа камских древностей (рис. 47). Почти в каждой могиле были найдены по одной-две глиняные чашки полусферической формы. В поселе-

¹² Сборы Алтайской экспедиции Гос. музея этнографии 1925 г. и С. М. Сергеева.

¹³ Раскопки Алтайской экспедиции Гос. музея этнографии в 1925 и 1929 гг. (Бийск I и II, Сростки II) и С. М. Сергеева в 1930 г. (Быстрянского, Красный Яр).

нии, кроме таких чашек, найдено много фрагментов от крупных сосудов, повидимому всегда с выпуклым дном. Орнамент состоит из одного или двух рядов оттисков круглого или треугольного штампа в сочетании с рядами оттисков гребенки и иногда S-образного зубчатого штампа.

Керамика фоминской культуры широко распространена в районе Верхней Оби. В Бийском музее хранится серия сосудов из погребений с трупосожжением близ с. Фоминского. Черепки находятся во многих местах на песчаных выдувах по берегам р. Оби. Ближайшей аналогией нашему могильнику являются курганы Архиерейской заимки близ гор. Томска (керамика, обряд погребения, некоторые вещи), датируемые китайскими монетами VIII в. н. э. Вместе с тем в нашем могильнике есть и такие элементы, которые принято считать значительно более ранними, — это бляха-застежка пьяноборского типа (начало н. э.) и своеобразный меандровидный орнамент ножен, характерный для памятников полуйской культуры (до н. э.). Но так как состав руководящих форм полуйской культуры, выделенный типологически из общей массы вещей, относящихся ко времени, начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. и кончая VIII в. н. э.,¹⁴ нельзя пока считать твердо установленным во всех своих частях, то было бы осторожнее датировать наш могильник третьей четвертью I тысячелетия н. э., опираясь на аналогию с находками в могильнике Архиерейской заимки (в могильнике Архиерейской заимки также есть такая же бляха-застежка, найденная в одной могиле с китайской монетой и бронзовыми бляшками типа Кудыргинского могильника¹⁵). Фоминская культура принадлежит к числу культур лесной полосы Западной Сибири и в среде степных кочевников никаких аналогий не имеет. Как и в предшествующий период, население жило, видимо, общей жизнью с северными лесными племенами, обособленно от ближайших соседей кочевников.

Сросткинская культура (VIII—X вв. н. э.). Исследованы два кургана в пункте БЕ VIII, одна грунтовая могила в пункте БЕ VII, на месте древнего могильника большереченской и фоминской культур, и остатки двух или трех разветренных ветром погребений в пункте БЕ V. Под насыпью первого кургана было пять погребений, второго — четыре. В мужских погребениях в могилу положены оружие — палаш, лук со стрелами, копье, кистень, топор, а также седло и узда. В каждой

¹⁴ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров, КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 23.

¹⁵ Материалы по доисторической археологии России, ЗОРСА, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 319, табл. 1—4, 5 и III—2, 14, 34.

Рис. 46. Бронзовые ножи ножа (могильник БЕ VI, фоминская культура)

могиле — крестец и поясничные позвонки одного или двух баранов (курдюк с прилегающей частью туши). Характерно полное отсутствие глиняной посуды. Интересно детское погребение в кургане № 2 со множеством

Рис. 47. Находки из могильников в Ближних Елбанах

1, 2 — бронзовая бляха и подвеска (могильник БЕ VII, фоминская культура VI — V вв. до н. э.);
3—5—железная, бронзовая и роговая пряжки (могильник БЕ VIII, сросткинская культура VIII — X вв. н. э.)

мелких медных украшений, нашиваемых, повидимому, на шубы. Среди них две ажурные бляхи с изображением широко распространенного сюжета — пары птиц по бокам священного дерева.

Остатков поселения сросткинской культуры нами не обнаружено. Погребения же, как по инвентарю, так и по обряду, весьма близки к степным

погребениям Алтайского края этого времени. Подобно Сросткинскому могильнику и в отличие от курганов Алтая и степей по р. Инге, конь не погребался с умершим, а клались только седло и узда. Воздерживаясь пока от окончательных выводов, отметим, что в конце I тысячелетия н. э. фоминскую культуру сменила новая, совсем иного типа культура кочевых степных племен или очень близкая к ним, наиболее ярко представленная материалами Сросткинского могильника.

Памятники позднего периода. Исследованы поселения в пункте БЕ II, одно погребение там же, три — в пункте БЕ VI и два — на месте могильника большереченской и фоминской культур в пункте БЕ VII. Возможно, что перечисленные памятники относятся к двум или трем этапам исторического развития племен Верхней Оби, но полученные материалы еще недостаточны для более точных хронологических определений. Эти памятники пока не дают никаких указаний на наличие прямой связи их с предшествующей сросткинской культурой. Обилие в культурном слое поселения костей домашних и диких животных, а также костей и чешуи рыб, при наличии керамики, говорит о комплексном скотоводческо-земледельческом, охотничье-рыболовческом хозяйстве. Остатки небольшого, круглого в плане, наземного жилища указывают, вместе с тем, на непрочную оседлость. Также и керамика (представленная сосудами разных форм и размеров, из-за фрагментарности их, еще недостаточно определенных), грубой лепки и небрежно орнаментированная, может как будто указывать на мало развитую домовитость.

В результате двух лет работ экспедиция получила богатый материал для характеристики развития культуры древних племен Верхней Оби на примере одного древнего населенного пункта. Исследованный памятник оказался чрезвычайно удобным для установления хронологической последовательности древних культур. Дальнейшие раскопки на Ближних Елбанах позволят дополнить и уточнить характеристику отдельных культур, восполнят недостающие пока звенья в цепи исследованных там памятников (поселения для трех периодов и могильник для одного). Ближние Елбаны, несомненно, послужат опорным пунктом для хронологии мало еще изученных памятников лесной полосы Западной Сибири; тем самым задача изучения истории культуры древних племен Западной Сибири будет значительно облегчена.

Л. А. ЕВТЮХОВА и С. В. КИСЕЛЕВ

САЯНО-АЛТАЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Саяно-Алтайская экспедиция 1947 г. была организована ИИМК и ГИМ.¹ Целью экспедиции являлось археологическое обследование Тувинской автономной области (рис. 48). Экспедицией был осуществлен маршрут в 5500 км.

На основании сведений об археологических памятниках, имевшихся в Тувинском научно-исследовательском институте, был построен план маршрута экспедиции, который должен был охватить восточные, южные и западные районы области.

Экспедиция выехала из Кызыла. Путь экспедиции лежал на юго-восток области, в г. Самагалтай. Вдоль дороги постоянно попадались группы небольших каменных курганов. В 8 км к юго-востоку от курорта Чедер была раскопана четырехугольная оградка из плит, внутри выложенная камнями. В ней оказалось небольшое углубление с остатками врытого деревянного столба и углями. Своей конструкцией она аналогична поминальным оградникам Алтая VI — IX вв.

В с. Балгазик было произведено обследование оз. Джагатай-Хöль. На западном берегу, около небольшого каменного кургана, обнаружен олений камень в виде четырехгранного столба с пояском из углубленных овалов на верхней части. На одном из курганов, расположенных на высоком плато над северо-западным берегом озера, имеется современное «обо» (памятное место) в виде высокой, сложенной из курганных камней пирамидки. В нем оказались остатки приношения в виде обрывков материи и «книжечка» в берестяном переплете с тибетскими молитвами, написанными на бумаге, наклеенной на бересту.

На 24-м километре по дороге из Балгазика на Самагалтай, вдоль дороги, расположены отдельные группы курганов, тянущиеся на протяжении около 3 км. Эти курганы, очень похожие на алтайские пазырьжского типа, сложены из крупных речных булыжников, взятых из расположенных здесь русел пересыхающих летом весенних притоков р. Шурмок.

За перевалом через Восточный Танну-Ола, не доезжая гор. Самагалтай, около 6 км справа от дороги на высоте мыса левого берега р. Топтыхан, возле каменного кургана (диаметром 30 м и высотой до 2,5 м), обло-

¹ В экспедиции принимали участие: Л. А. Евтюхова (ИИМК и ГИМ), С. В. Киселев (ИИМК), Л. Р. Кызласов (студент 4-го курса МГУ), Самбу (научный сотрудник Тувинского ИИЯиЛ), О. Н. Евтюхова (ученица 9 кл. 47-й школы ФОНО) и техн. сотр. В. Б. Номинханов.

женного кольцом из камней, обнаружен внутри каменного кольца лежащий к северу от кургана плоский, сильно окатанный белый камень с высеченными на нем изображениями: с одной стороны — схематического рисунка дома с двускатной крышей, с другой — такого же дома, двух фигур кабанов, всадника, стреляющего из лука, и горного козла.

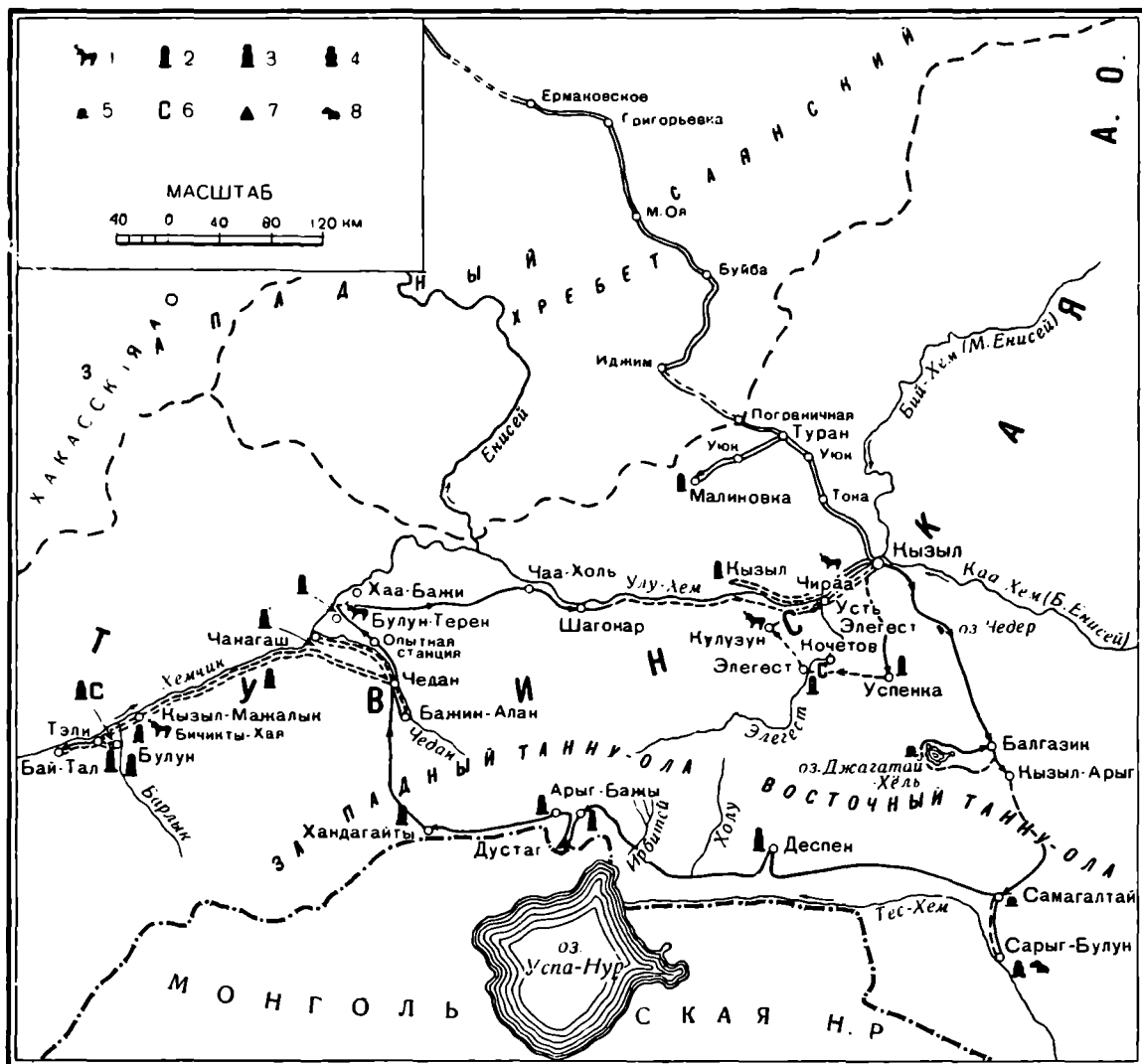

Рис. 48. Схема маршрута Санно-Алтайской экспедиции

1 — наскальные рисунки; 2 — орхон-енисейские надписи; 3 — каменные изваяния I типа; 4 — каменные изваяния II типа; 5 — оленьи камни; 6 — развалины; 7 — соляные копи; 8 — каменные фигуры животных

Из Самагалтая экспедиция выехала на юго-восток через долину правого берега р. Тес-Хем на г. Сарыг-Булун. При выезде в долину р. Тес-Хем, слева от дороги, были обследованы две пещеры со следами прежнего их обитания. В долине оказалось значительное количество небольших каменных курганов, отдельные большие насыпи пазырьжского типа и аллеи менгиров.

На западной окраине г. Сарыг-Булун, на высоком левом берегу р. Нарын, была обследована четырехугольная, окруженная рвом древнетюркская могила, возле которой находятся каменные изваяния: фигуры двух сидящих людей и двух (обломанных) львов.

Из Сарыг-Булуна экспедиция той же дорогой вернулась в Самагалтай, где произвела разведку его юго-восточных окрестностей. Здесь, вблизи горы Сайтын, были обнаружены три оленьих камня (рис. 49, 1—2).

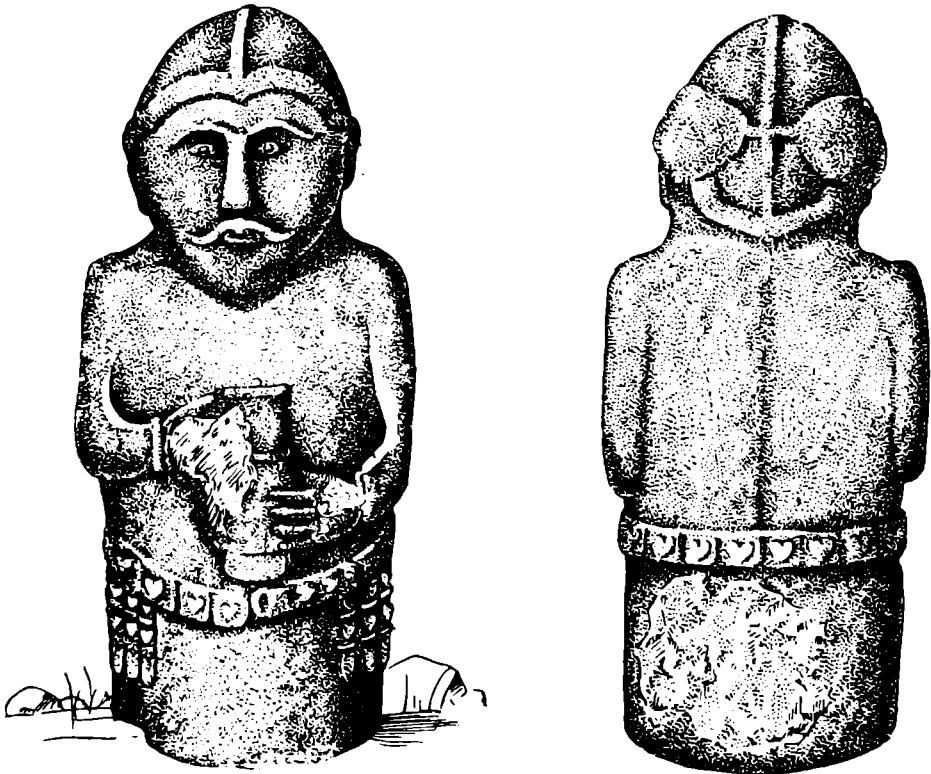
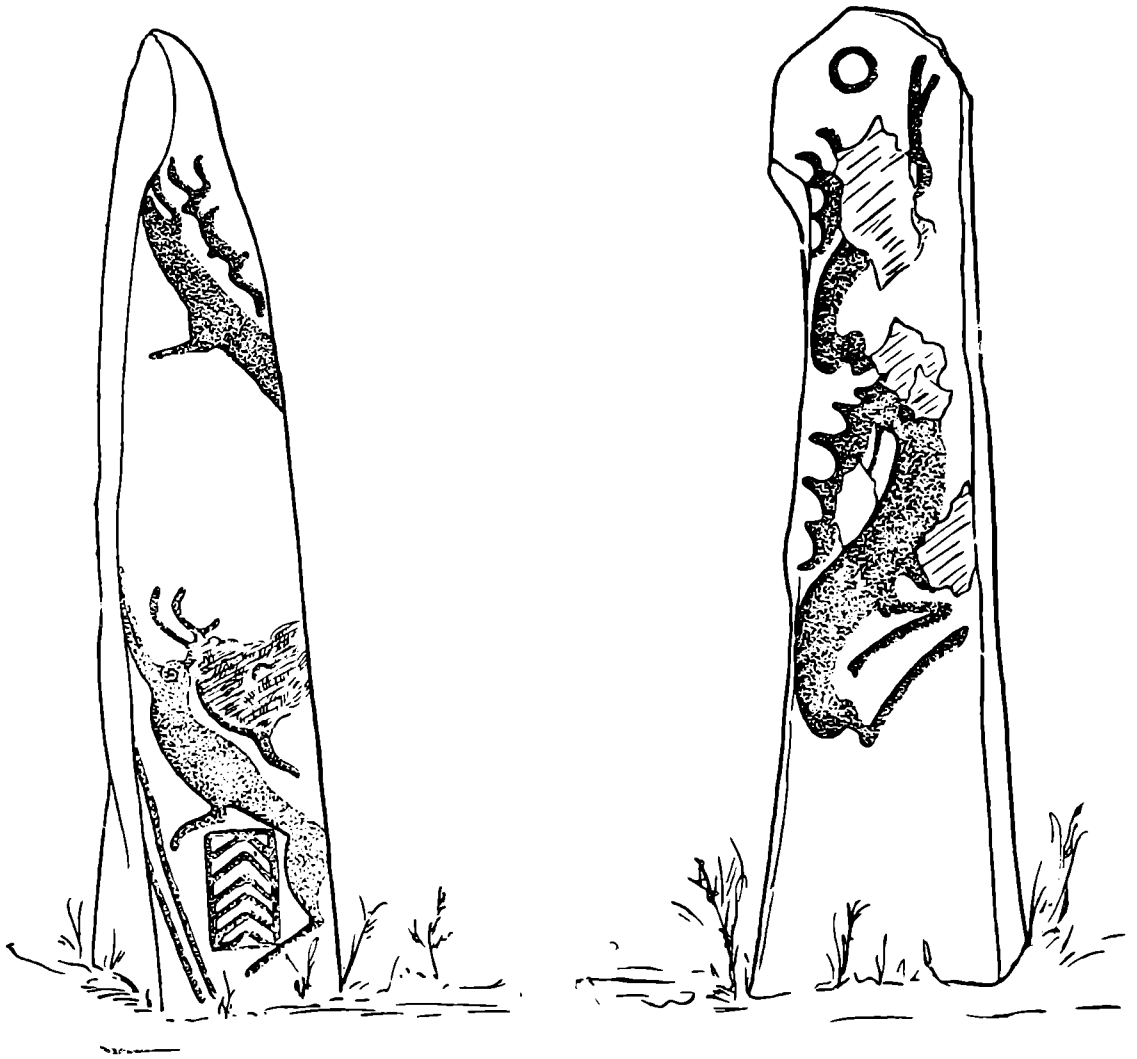

Рис. 49—оленьи камни близ Самагалтая (вверху) и каменное изваяние из уроч. Чанагаш (внизу).

Из Самагалтая экспедиция отправилась вдоль южных склонов хр. Восточного Танну-Ола, по долине р. Тес-Хем. Здесь постоянно встречались небольшие группы каменных курганов диаметром 5—15 м. По левому берегу р. Шивелик-Хем, в 3 км от выхода ее из ущелья в долину Тес-Хема, на скале двумя группами расположены китайские, монгольские и тибетские надписи, сделанные красной и черной краской.

В 50 км от Холь-Ежу экспедиция сделала заезд на север, через труднодоступный для автомашины перевал, в горную котловину Деспен. Здесь на сравнительно небольшой площади котловины (5 × 8 км) было обнаружено много четырехугольных каменных оградок. От некоторых из них к востоку отходят вереницы врытых в землю камней, а у некоторых стоят врытые в землю каменные изваяния людей лицом на восток. Экспедиция зарегистрировала здесь 12 таких изваяний. Посредине котловины расположен один большой каменный курган диаметром 45 м, окруженный кольцом из камней; диаметр кольца 156 м. Курган соединен с кольцом четырьмя перемычками из камней, расположенными почти точно по странам света.

За Холь-Ежу, почти до самой р. Холу, дорога на запад проходит по болотистым низинам вдоль правого берега р. Орхон-Гол, впадающей в оз. Успа-Нур. На северном склоне отрогов, спускающихся к озеру, расположено большое количество каменных курганов, достигавших иногда 30 м в диаметре.

В окрестностях с. Арыг-Бажи обследованы каменные курганы и одно изваяние. Из Арыг-Бажи экспедиция направилась на северо-запад, в гор. Хандагайты. По дороге были встречены курганные группы, два каменных изваяния, стоявших возле четырехугольных оградок, и отдельные вертикально поставленные камни с выбитыми на них различными изображениями, окруженные квадратной оградкой из плит. От Хандагайты экспедиция повернула на север. У подножья Западного Танну-Ола были открыты два каменных изваяния.

Из г. Чедан экспедиция выехала на обследование городища Бажин-Алак, находящегося в 20 км к северу (рис. 50). Здесь была произведена топографическая съемка и обмеры остатков стен, сложенных из сырцового кирпича на высоком валу. Повидимому, это городище относится к довольно позднему времени. Остатки построек на этом городище производят впечатление регулярно построенных длинных казарменных помещений барачного типа. Возможно, что это развалины одной из крепостей. В позднейшее время городище распахивалось и орошалось, на что указывают обнаруженные остатки каналов и круглых тувинских токов для молотбы хлеба быками.

Далее экспедиция отправилась в западно-юго-западную сторону, на верховья р. Хемчик. Не доезжая 5 км до г. Тели к северо-северо-западу от дороги, на берегу р. Хемчик было обнаружено каменное изваяние, изображающее мужчину с сосудом в руках. В окружности этого изваяния нами было собрано около 12 обломков сланцевых плиток с орхоно-енисейскими знаками и обнаружены остатки нижней части плиты, от которой они были отбиты, врытой в землю на расстоянии 5 м от изваяния.

Из расспросов тувинцев, живущих в юртах вблизи этого места, выяснилось, что несколько лет назад здесь находилась врытая в землю плита из зеленого сланца, на торцовой части которой была вырезана надпись. Местные ламы, считая ее религиозной христианской надписью, разбили плиту на мелкие куски (смешение орхоно-енисейского алфавита с русским наблюдается и в Монголии).

В этой же местности были обследованы еле заметные остатки валов какого-то укрепления, схожего с укреплениями около Бажин-Алака, близ Чедана. Кроме того, здесь же, на протяжении 8 км вдоль Хемчика, сохранились остатки древней дороги.

В 8 км западнее пос. Бай-Тал, на правом берегу Хемчика, экспедиция обследовала остатки укрепления, подобного описанным выше, без культурного слоя, с валами очень плохой сохранности.

На юго-западной окраине г. Тели было обследовано еще одно укрепление четырехугольной формы, окруженное валом. На его восточной и западной сторонах прослеживаются перерывы в валах, очевидно на месте въездных ворот.

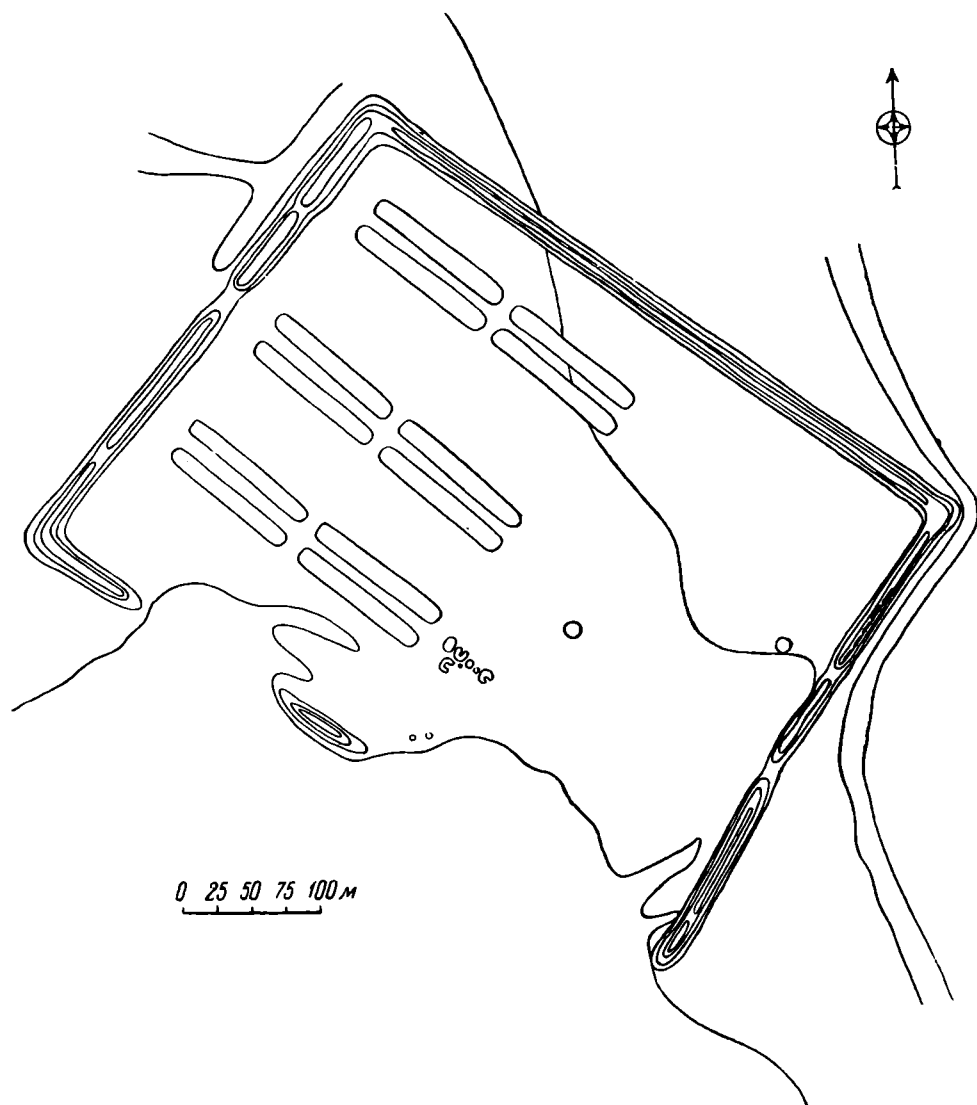

Рис. 50. План городища у Бажин-Алака

В котловине у с. Булун, расположенного на левом берегу р. Барлык, в разных местах на пашне были обнаружены стоящие возле четырехугольных оградок четыре каменных изваяния. Одно из них было выкопано и доставлено в Государственный исторический музей.

Там же, несколько южнее обследованы скалы с красочными рисунками (писаницами), изображающими главным образом животных и сцены охоты.

Близ г. Кызыл-Мажалык, в 6 км к юго-востоку, были обследованы древние писаницы на скале Бичикты-Хая. Глубокими выемками здесь выбиты отдельные фигуры животных и птиц, караван яков, сопровождаемый человеческими фигурами, и пр. Кроме того, здесь же в нише, под навесом

скалы, имеется изображение сидящего будды, окруженного цветами, птицами и монгольскими и китайскими надписями. Эти рисунки выполнены черной тушью на гладкой поверхности скалы.

Далее, в 8 км к юго-востоку от Кызыл-Мажалыка и в 2 км от скал Бичикты-Хая, экспедиция обследовала древнюю тюркскую могилу, расположенную возле полевой дороги. Около четырехугольной оградки могилы находятся два каменных изваяния, сделанных круглой скульптурой. Изваяния изображают сидящих людей с поджатыми ногами. Головы их отбиты, у одной отбиты обе руки, у другой сохранилась правая, держащая на груди сосуд.

На правом берегу р. Чедан, в уроч. Чанагаш были обнаружены три каменных изваяния (рис. 49—3).

На пути из г. Чедана в г. Кызыл экспедиция обследовала скалу Хая-Бажи, известную в литературе своими древнетюркскими надписями. Она расположена на правом берегу р. Хемчик, в 5 км от пос. Булун-Терек и хорошо известна местному населению.

Основной задачей экспедиции была проверка орхоно-енисейской надписи, имеющейся на этой скале и прочитанной еще В. В. Радловым по доставленной ему копии. При осмотре надписи выяснилось, что, очевидно, в этой копии были допущены неточности, так как на месте слова «кыргыз», упоминающегося в радловском чтении, стояли другие знаки. Кроме этой надписи, нашей экспедицией была обнаружена еще одна, новая. Со всех надписей Хая-Бажи были сняты эстампажи и сделаны зарисовки, а также снят план расположения этих надписей на скале. Это позволит еще раз обсудить последовательность отдельных частей текста.

Дальше экспедиция отправилась по полевой дороге в направлении с. Чаа-Холь. На этом участке пути тракт проведен по древней дороге, называемой «дорогой Чингисхана». Особенно хорошо полотно этой дороги сохранилось к северо-востоку от перевала, в направлении долины р. Чаа-Холь. До сих пор отдельные ее участки представляют собой гладкое укатанное шоссе.

1 сентября экспедиция прибыла в г. Кызыл и отсюда выехала в направлении с. Элегест, чтобы обследовать там камни с орхоно-енисейскими надписями, указанные геологом Л. Д. Шарыгиной. Дорога на Элегест лежала через с. Успенку, в 4 км от которого, в уроч. Кезек-Хуре, был обнаружен олений камень с полустертой орхоно-енисейской надписью. На правом берегу р. Элегест, на плато верхней террасы, находится группа небольших каменных курганов. Около одного из них стоит вкопанный в землю камень, на трех сторонах которого высечены орхоно-енисейские надписи. Здесь же нами был обнаружен второй, лежащий на земле, большой камень; на двух сторонах его оказались такие же надписи.¹ Все они были эстампированы. Для сушки эстампажей разводили костры, так как солнечного тепла было уже недостаточно. Такой способ сушки был применен нами впервые.

Отсюда мы совершили поездку к с. Кочетову, где на правом берегу р. Элегест, на расстоянии 4 км от села, были обследованы остатки развалин здания, крытого китайской черепицей позднего типа. Повидимому, это развалины монастыря с кирпичными храмами.

Из с. Элегеста экспедиция выехала на поиски скал с рисунками в районе пос. Кулузун. Здесь, на расстоянии 2 км от юрт поселка, имеются выбитые на скалах рисунки различных животных. Среди них интересна фигура оленя с поджатыми ногами, совершенно в такой же позе, как и на

¹ Эти курганы были раскопаны, повидимому, С. А. Теплоуховым, но материалы из них неизвестны, и не ясно, известны ли были ему эти надписи.

известных бронзовых бляхах тагарского времени из Минусинской котловины.

Из Кулузуна экспедиция вновь вернулась в г. Кызыл и в тот же день выехала на правый берег Улу-Хема, через горы Малого Баян-Гола, на которых по всему берегу Улу-Хема высечены и вырезаны в большом количестве изображения животных. В местности Кызыл-Чираа были обследованы две большие каменные плиты, вкопанные на расстоянии 300 м друг от друга на высоком увале, не доезжая р. Баян-Гол. На камне № 1 с одной (ВЮВ) стороны и на камне № 2 с двух сторон (ЮЮЗ и В) вырезаны орхоно-енисейские надписи.

По дороге из Турана на Малиновку, в особенности в районе совхоза Уюк (по течению р. Уюк), находится много высоких земляных курганов диаметром 15—45 м. На северной окраине поселка совхоза расположен грандиозный плоский каменный курган алтайского типа. Его окружность около 500 м. На западной окраине с. Малиновки (Кара-Бяш) находится небольшой каменный курган, возле которого стоит врытый в землю камень; на восточной стороне камня имеется полустертая орхоно-енисейская надпись.

В результате исследований, произведенных в Тувинской авт. обл., уже теперь, до раскопок, стало очевидным, что по своему внешнему виду надмогильные сооружения Тувы резко отличны от таких же памятников Минусинской котловины. В то же время все виды надмогильных сооружений Тувы чрезвычайно схожи с алтайскими. Это большие каменные курганы пазырыкского типа и четырехугольные оградки с вереницами камней и каменными изваяниями.

Каменные изваяния тюркского времени Тувы очень сходны с алтайскими и, отчасти, с монгольскими, но в свою очередь имеют много особенностей. Обращает на себя внимание очень высокое качество обработки этих изваяний по сравнению со всеми другими. В Минусинской же котловине таких изваяний нет.

Интересны найденные в трех пунктах Тувы (Сарыг-Булуң, Кызыл-Мажалык и Деспен) могилы, по своей структуре сходные с могилами тюркской знати на Орхоне и в других местах Монголии. На Алтае такие могилы неизвестны, а в Минусинской котловине имеется подобная могила близ с. Знаменки.

Оленные камни, хорошо известные в Монголии и в Забайкалье, имеются в большом количестве и в Туве, но в Минусинской котловине отсутствуют.

Таким образом, уже теперь можно говорить о различиях и сходстве по отдельным памятникам Тувы с сопредельными областями. С Алтаем ее сближает внешний вид могильных сооружений и рядовые каменные изваяния тюркского времени. С Минусинской котловиной ее сближают орхоно-енисейские надписи, скальные рисунки и атрибуты тюркских каменных изваяний (сосуды, поясные наборы, оружие и пр.); наконец, с Монголией — тюркские каменные изваяния двух типов (рядовые и изваяния могил знати), оленные камни, орхоно-енисейские надписи и каменные курганы, особенно подконической формы.

Отсутствие в Туве погребальных сооружений, характерных для Минусинской котловины, и отсутствие в Минусинской котловине каменных изваяний позволяет сомневаться в принадлежности тувинских степей племенам кыргызской группы, жившим, очевидно, к северу от Саян.

Для углубленного исследования древней истории Тувы и для выяснения взаимосвязей между сопредельными областями необходимы планомерные археологические раскопки, до сих пор там еще не производившиеся.

Позднее время не позволило нам развернуть обследовательскую работу

в Хакасской авт. обл. Пришлось ограничиться лишь небольшими маршрутами в Абаканской степи, где был осмотрен ряд чаатасов VII — VIII вв. и обследована котловина Салбык, где сосредоточены грандиозные курганы позднеатагарского времени. При объезде котловины Салбык, на хребте, ограничивающем ее с севера, были открыты въездные ворота в виде двух высоких менгиров, между которыми проходит древняя дорога в эту замечательную долину. Из ворот открывается величественный вид на огромные курганные насыпи, окруженные массивными оградами и менгирами во много сотен пудов весом.

В Абакане, по инициативе обкома и облисполкома Хакасской авт. обл., к нашему возвращению было организовано чествование Саяно-Алтайской археологической экспедиции в связи с исполнившимся 20-летием ее работы.

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПАМИРА

Памир, за небольшим исключением, был белым пятном на археологической карте. Скудны и известия о нем в письменных источниках. Лучшей сводкой по истории изучения Памира был труд русского ученого И. Минаева (1879), а по истории памирских племен и народов — монументальное исследование другого русского ученого Н. Аристовова (1900—1904 гг.). Отдельные районы юго-западного Памира были обследованы Олуфсеном в 1898—1899 гг. и в 1901—1902 гг. А. Стейном, шедшими по стопам русских ученых. Во всех случаях проведена только регистрация наиболее приметных памятников западного Памира, отсутствует их археологическая и историческая интерпретация, совершенно не учтены памятники кочевников.

Экспедиция Ленинградского отделения ИИМК и Ленинградского гос. ордена Ленина университета в 1947 г. была первой археологической экспедицией на Памир.

Изучение археологических памятников Памира немислимо без обследования памятников северного Припамирья, которое производилось Тяньшано-Алайской экспедицией с 1944 г. Продолжение этих работ в 1947 г. в северном Припамирье и углубленная рекогносцировка по восточному (Кара-Куль, Ак-Байтал, Пшарт, Мургаб-Аксу, Аличур, Булун-Куль, Яшиль-Куль, перевалы Найзаташ, Харгуш, Тагаркаты, Кой-Тезек) и западному (Тогуз-Булак, Гунт, Шахдара, каньон р. Памир, Вахан, Южный Ишкашим) Памиру, а также разведка по Каратегину до Гарма позволяют в общих чертах обрисовать историко-археологические силуэты Памира, поставить некоторые вопросы исторического и историко-географического порядка.

В северном Припамирье четко выявилась раннесакская культура аристеивской группы (Тулейкенский и Чакмакский могильники), в культуре которой наблюдается скрещение местных элементов, восходящих к позднеанаусским традициям Ферганы типа Эйлатан, с тяньшанскими. Аналогичная картина фиксирована и для более позднего этапа этой культуры в Чон-Алае, у подножья Заалайского хребта. Эти культурные элементы наиболее отчетливо достигают р. Муксу и продолжают в меньшем количестве вплоть до Гарма.

Раскопки могильника в уроч. Мааша (Чон-Алай) открыли ясную картину проникновения в эти районы, в места обитания сакских по своему происхождению племен хюсюнь и гюаньду-гюйми (кумедов — античных авторов) — гуннских, центрально-азиатских элементов. Маашинская культура катакомбных погребений представляет собой более поздний вариант

(II — IV вв.) культуры типа Кенкол и Арпа на Тянь-Шане. Это открытие, с одной стороны, подтверждает указание античных авторов (Страбона и Птолемея) о гуннах в стране кумедов у Имауса (Памир); с другой, отмечая скрещение с культурой местных племен, быть может, прольет свет на проблему взаимоотношений поздних кумиджиев арabo-персидской литературы с эфталитами — «белыми гуннами». Культура могильника Мааша несет в себе также характерные черты гуннской культуры Забайкалья (Ильмовая Падь) и позднесарматских погребений Нижней Волги.

В районах Алая встречены могильники V — VI вв. (Кукяльда) позднекушанского (или эфталитского) времени, характерные своим разнообразным палеоантропологическим составом.

Археологические памятники Памира резко отличаются в восточном и западном Памире и совпадают с современной этнолингвистической границей: восточный Памир представлен памятниками кочевников, западный — памятниками оседлого населения. Памятники восточного Памира — могилы и курганы — имеют много общих черт с памятниками Тянь-Шаня и Алая (сакского типа насыпи курганов с кромлехами, усуньского типа «цепочки»). Среди этой группы памятников выделяются типы, формальное сходство с которыми обнаруживается в археологии южной Сибири.

Без раскопок больших серий дальнейшие выводы пока невозможны.

Восточный Памир в древности был заселен по берегам рек Пшарт, Мургаб-Аксу, меньше — по Аличуру, и по берегам некоторых озер типа Булун-Куль. Северо-восточный Памир (Маркансу, оз. Кара-Куль, реки Музкол и Ак-Байтал) был необитаем. Меридиональных коммуникаций Памир в древности не знал, и все предположения о торговых путях, пересекавших якобы эти области, должны быть отвергнуты. Пути торговые, перекочевков и военных походов шли в широтном направлении. Общая тенденция движения кочевых племен древности, несомненно, еще сако-усуньской поры, намечается в юго-западном направлении, через каньон р. Памир («Висячий переход» китайских источников), в сторону индо-иранского мира. Полагаем возможным видеть в этих памятниках, дошедших до границы Вахана (уроч. Юм-Хона), следы пресловутого «арийского завоевания» — пастухов-скотоводов, шедших, согласно эпической традиции, с «высоких гор» — Хара-Березайти. Памятники кочевников обрываются на меридиане Западного Вахана, перевале Кой-Тезек и далее на север.

Памятники западного Памира различны в разных долинах. Наиболее мощные сооружения «столичного» типа находятся в Вахане (Ямчун, Ка'ака), более провинциальные — в Шунгане и Шахдаре (Имом-Хора, Ванк-Кала, Чертым, Ривак, Рош-Кала). Последние имеют местный характер, и крепости Шунгана и Шахдары носят отпечаток интересов отдельных общин. Только на восточных границах эти крепости увеличиваются в количестве, образуя линию обороны от возможных вторжений кочевников западного Памира (слияние Гунта и Токуз-Булака, верховья Шахдары у оз. Турумтай). Оборону Вахана от вторжений кочевников обеспечивали более мощные крепостные сооружения, в первую очередь крепость типа Ратм, запирающая каньон Памира.

Расцвет строительства крепостей западного Памира связан с кушано-эфталитским периодом, начало оседлых поселений документируется даваньским периодом (греко-бактрийское время); явное затухание относится к раннему средневековью. И для эпохи расцвета (кушано-эфталитского периода) культура поселений носит печать провинциализма. Датировка определяется керамикой красного лощения, открытой экспедицией надписью типа карошти, и планом крепостей Ямчун (более старой) и Ка'ака (более поздней). Эфталитский период отмечается слюдяной керамикой, сходством архитектурных элементов (конструкция стен, башен, бойниц, античный

размер кирпича, декор) с памятниками, прежде всего, афригидского Хорезма, среднесогдийскими среднеазиатского междуречья, сасанидского Ирана и некоторыми памятниками Афганистана той же эпохи.

Изучение письменных источников — китайских, сако-хотанского фрагмента X в. о караванном пути через Памир, арабо-персидской литературы — позволяет связать развалины Ямчун с древним сакским городом Гашэнь, руины Ка'ака с Вахано-Памирским центром Кухань-Хокань, ставкой тохаристанского Ябгу.

Работы 1947 г. вносят в советскую археологию общее представление о памятниках древности Памира. Они отметили юго-западную границу расселения древних кочевых племен, отметили особенности восточных границ Тохаристана, дали возможность составить ясную перспективу дальнейшего исследования этой страны, столь долго являвшейся мифической родиной арийцев. Памир выступил как район активного взаимоотношения тюркских и иранских племен.

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ

Институт истории, археологии и этнографии Казахской АН возобновил в 1947 г. прерванные Великой Отечественной войной широкие археологические исследования, которые велись в прошлом в Таласской долине по изучению древнего города Тараза. В 1947 г. маршрут экспедиции был намечен так, чтобы начать с территории, где оборвались работы в 1940 г., т. е. с западных границ Таласской долины, и охватить весь хр. Кара-Тау и культурную полосу, заключенную между Кара-Тау и Сыр-Дарьей.

Центральной и исторической задачей экспедиции было собрать материал для решения кангюйской проблемы (расселение племен, характерные признаки культуры); центральной археологической задачей экспедиции было установление хронологии и стадий типов поселений и находок в целях увязки памятников материальной культуры с историей народов, населявших эту территорию.

Этими задачами определялся маршрут 1947 г. Экспедиция два раза пересекла Кара-Тау и обследовала его предгорья, а также правый берег Сыр-Дарьи — от Отрара (у ст. Тимур) до Сыгнака (около ст. Тюмень-Арык); провела маршрут по левому берегу Сыр-Дарьи (в районе древнего города Оксуса), специально подвергла обследованию оазисы древних городов: Отрара-Фараба, Иопиджаба, Саурана, Сыгнака, Шаггар-Ясы (современный Туркестан), Карнака и других. Собраны многочисленные коллекции — от стрел скифского типа и золотых украшений в кангюйских курганах, до глазурованной керамики монголо-тимуридского периода, неполированная керамика, монеты, предметы ремесла и т. п. Выразительные конструкции крепостей, поселений и их историческая топография, зафиксированные экспедицией, дали богатейший материал для суждения о прошлом этой замечательной страны.

Со второй половины I тысячелетия до н. э. по Кара-Тау и Сыр-Дарье были расселены кангюй, первоначально пастушеско-скотоводческие племена, связанные своим происхождением с сако-массагетскими племенами Сыр-Дарьи и западных отрогов Тянь-Шаня, крайним северо-западным форпостом которого являются горы Кара-Тау. Эта «Великая земля кангюй» — Улуг-Иери (по-китайски Лоюени) была родиной древних кангюй, часть которых ныне известна под названием «казахского племени канглы». В конце I тысячелетия до н. э. начинается процесс расщепления древних племен кангюй. В районе Сыр-Дарьи тюркоязычные племена кангюй всту-

пают в социально-экономическую связь с оседлыми племенами Сыр-Дарьи массагето-аланского (ираноязычного) круга, закладывая вместе с ними основы мощной и своеобразной культуры оседлых земледельческих и пастушеских племен.

Если по берегам Сыр-Дарьи ведущим остается алаано-огузский этнокультурный элемент, входящий в широкие связи с кушанским Хорезмом и Согдом и тюрко-согдийским Семиречьем, то горные ущелья Кара-Тау и расположенные к северу от него степи сохраняли более самобытную и более скотоводческую культуру древних кангюй.

В гунно-эфталитский период, а затем в тюркский определился тюркский этногенез населения Сыр-Дарьи. Памятники типа городищ Алтын-Тепе у Отрара, Бузук-Тепе у Шилика, древние тепе вокруг Саурана и т. д. дают основание говорить, что эта страна (как и вся Средняя Азия в целом) переживала заключительный этап среднеазиатской античности. В это время (VI — VIII вв.) с остатками патриархально-рабовладельческого строя переплетались формы раннефеодальных отношений. За горным хребтом Кара-Тау пребывали на последних этапах военно-демократического строя полуоседлые кочевники кангюй.

Исследованием городищ (Сыгнак, Сайрамского, Артык-Ата и Бузук-Тепе) на левом берегу р. Сыр-Дарьи экспедиция наметила основные контуры историко-культурного огузского этапа, когда в сложном конгломерате ирано-тюркских племен выступают тюркские племена огузов.

Обследование Сайрамского средневекового городища привело нас к окончательному убеждению, что отождествление его с древним Испиджабом не имеет никаких оснований. Испиджаб еще надо искать, а Сайрамское городище — это позднесредневековый город огузского, а не согдийского происхождения, как об этом говорят древние авторы. В X в. поселение, которое стояло на месте современного Сайрама, было малым по объему поселением, а не грозным форпостом древнего Согда и затем средневекового Мавераннахра, который укрепляли еще ранние саманиды против «неверных» тюрк.

Многочисленные «города гузов», о которых говорят древние мусульманские авторы (Макдиси, Истархи и т. д.), встречались экспедицией в большом количестве. Это и мощный, затерянный в песках Сыгнак, впоследствии столица кыпчаков, это и малый по размеру Карнак (ныне руины Ишкент в кишлаке Атабай), это Сайрам и Бузук-Тепе, поздний Оксус и многое другое. В огузский период Сыр-Дарья самобытна. Отдавая дань активному в торговле Согду (через пески Кызыл-Кумы) и властному Хорезму, она политически была самостоятельна, а когда с востока поднялась династия «черных ханов» (караханиды) и с запада сельджуки, то на какой-то период население Сыр-Дарьи умело лавировать, во всяком случае в области экономики, сохраняя свое «сыр-дарьинское» лицо. Но «буферное положение» между этими двумя государствами XII в. не могло не сказаться на темпах культурного роста поселений Сыр-Дарьи. Во всяком случае, в памятниках материальной культуры различия весьма незначительны для всего огузского периода от IX до XII в.

Иное положение сложилось для городов Сыр-Дарьи в монголо-тимуридский период. Какие бы раны ни нанесли этим городам монголы Чингиза и, прежде всего, отряды Джучи, законы экономики оказались сильнее политических страстей. Жизнь в городах не умерла. В период возвышения кыпчаков, а также в государстве Золотой Орды и в эпоху Тимура города Сыр-Дарьи и Кара-Тау, то как центры, то как форпосты, выдвинутые в кочевую степь, пытались воссоединить в политико-экономическое единство кочевников и земледельцев узлами торговли и ремесла. В это время восстанавливаются старые и возникают новые города. Это документировано

обследованными по обе стороны Кара-Тау городищами типа Саурана и Саудакента, Сузака и Икана и многими другими.

На очереди стоят задачи детализации маршрута, организация раскопок курганов и городищ. Следует также продлить рекогносцировочный маршрут на север от Кара-Тау к долине нижнего течения Чу, на соединение с Центральноказахстанской экспедицией А. Х. Маргулана, на юг и запад за Сыр-Дарью, до соединения с маршрутами Хорезмской экспедиции С. П. Толстова. Восточные связи с Семиречьем ясны по нашим предшествующим работам 1936—1940 гг. Эти раскопки и развитие рекогносцировок и должны составить содержание полевых работ последующих сезонов.

ХРОНИКА

В. И. Мошинская и А. П. Смирнов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР ЗА 1947 г.¹

1947 год явился временем дальнейшего расширения археологических исследований в РСФСР как по охвату территории, так и по тематике.

Характерной чертой стала большая целеустремленность многих исследований и связь их с основными проблемами советской исторической науки. Ряд работ проводился под углом зрения вопросов этногонии, истории города и деревни. Значительно продвинулась работа по картографированию археологических памятников, проводимая некоторыми краеведческими учреждениями. Как и в предшествующие послевоенные годы организованы экспедиции совместно центральными и местными учреждениями. Это дало возможность расширить и углубить многие исследования. Несомненно, этим может быть объяснен успех многих экспедиций, включавших большое число специалистов и располагавших значительными средствами и техникой.

В 1947 г. Комитетом полевых исследований ИИМК АН СССР было выдано 79 открытых листов на разведки и раскопки.

Исследования проводились в Москве и Московской области, Владимирской, Ивановской, Калининской, Костромской, Вологодской, Горьковской, Рязанской, Брянской, Курской, Новгородской, Псковской, Молодотовской, Свердловской, Курганской, Сталинградской, Ставропольской, Грозненской, Астраханской, Крымской, Омской, Томской областях, Краснодарском и Красноярском краях, Татарской, Мордовской, Чувашской, Дагестанской, Якутской АССР, Тувинской авт. обл. и Молдавской ССР.

В Москве М. Г. Рабинович вел раскопки в устье р. Яузы, закончив исследования, начатые еще в 1940 и 1946 гг. В результате установлено, что еще в домонгольский период в устье Яузы существовало поселение, продолжавшее бытовать и позднее. В XVI—XVII вв. здесь были ремесленные слободы, наиболее значительной из которых была гончарная, а в течение XVIII—XIX вв. район за-

строился дворянскими и купеческими особняками. Большой интерес представляют усадьба посадского человека XV в. и гончарные горны XVI—XVII вв. В одной мастерской найдены строительные материалы, изразцы, игрушки, посуда. На многих находках имеются клейма.

У ст. Яуза Московской области М. Г. Рабинович раскопал курган XIII—XIV вв. Интересна находка серебряного образка и отсутствие характерных племенных украшений, объясняемое близостью курганов к Москве, ставшей к этому времени значительным городом.

Тем же исследователем в Волоколамском районе обследован район волока реки Ламы. Открытые курганы, городище и селище позволили наметить направление древнего пути.

Под Москвой, в селе Беседы, Д. А. Андусин раскопал, продолжая раскопки А. В. Арциховского, один курган с типичными вятическими вещами XII—XIII вв.

В городе Верее произвела рекогносцировочные раскопки Л. А. Голубева. Большой интерес представляют ранние слои с лепной керамикой середины 1-го тыс. н. э. и вал, сохранивший остатки «тарас» и глиняную облицовку внешней поверхности вала.

В Ногинском районе В. М. Раушенбах исследовала неолитическую стоянку у дер. Буньково, давшую значительный керамический материал, близкий Льяловской и Волосовской стоянкам.

В Орехово-Зуевском районе А. Я. Брюсов обследовал разрушенную стоянку, расположенную близ города на берегу Клязьмы. Стоянка относится к середине второго тысячелетия до н. э.

Тем же исследователем был вскрыт один из славянских курганов XII—XIII вв. на берегу Клязьмы.

В городе Коломне Н. Н. Ворониным произведены небольшие раскопки с целью уточнения датировки церкви на городище, которая должна быть отнесена к началу XVI в.; Воскресенской церкви и Успенского собора в Кремле, который построен в XVII в.

В Селивановском районе Владимирской

¹ По материалам Комитета полевых исследований ИИМК АН СССР.

области под руководством А. Ф. Дубынина продолжались исследования Малышевского могильника. Вскрыто 34 погребения, из них 15 трупосожжений. В 6 погребениях найдены арабские дирхемы. Новый материал подтвердил принадлежность могильников муроме VI—XI вв.

В Южском районе Ивановской области под руководством того же исследователя раскапывался Хотимльский могильник. Вскрыты 5 погребений мери VI—XI вв. н. э. Могильник находился на территории более ранней стоянки, содержащей в слое текстильную керамику. Этим объясняется нахождение ее во многих могильных ямах.

Е. И. Горюнова вела раскопки близ Муром на Тумовском селище, где были вскрыты жилища и кузнечно-литейная мастерская, в которой выделялись характерные для муромы бронзовые украшения. Материал содержит интересные для этногенеза великорусов данные. Там же исследована Тумовская курганная группа. Обнаружены парные погребения и остатки двух трупосожжений — обряда, удержавшегося до XII в. Невдалеке открыто славянское селище.

В Горьковской области Б. А. Сафонов, производя разведки по левому берегу Оки, на участке Хреново-Лисенко, и по левому берегу Волги, от гор. Городца на 16 км вверх, продолжил работу по составлению археологической карты Балахнинской низины, начатой в 1940 г. Им открыто 20 новых поселений, один могильник и одно местонахождение костей мамонта. Открытый могильник датируется эпохой бронзы. Костяк лежал в подстилающем слое на глубине 60—70 см. В культурном слое над погребением найдена сетчатая керамика.

В Володарском районе И. К. Цветкова исследовала неолитическую стоянку, относимую ею к волосовской культуре. Интересно представляет землянка подчетыреугольной формы.

В Смоленской области под руководством Т. Запорина учащиеся Мещерской школы, производя обследование района реки Вязьмы, собрали подъемный материал на ряде славянских городищ и неолитических стоянок и зарегистрировали 8 новых памятников.

В Калининской области, в Ржевском и Вышневолоцком районах, Л. Я. Крижевская на Городищенской горе, в 7 км выше города Ржева, обследовала мастерскую с богатым набором кремневых орудий неолитической эпохи и произвела разведку в районе озера Мстино, где открыто 9 новых стоянок неолитической эпохи.

В Ленинградской области, в районе реки Оять, под руководством А. М. Линевского произведены раскопки курганов X—XI вв. Получен обширный материал, среди которого фибулы, перстни, браслеты, монеты, различные привески и значительные куски тканей. Богатый материал позволяет уточ-

нить датировку многих категорий украшений.

Огромные работы, организованные по решению Президиума АН СССР, проведены в Новгороде. Эти первые крупные работы по изучению древнерусского города производились в связи с работами по реконструкции города, в исключительно широких масштабах, под руководством А. В. Арциховского.

Главный раскоп был заложен в центральной части Новгорода, на Ярославовом Дворище. Экспедиция вскрыла много построек XI—XV веков, давших интересные деревянные вещи. Заслуживают внимания нос корабля со сложной системой креплений, обломки лодки, весла, лодочные шпангоуты, санный полоз, бочка, детали ткацкого станка, шахматные фигуры и большое число образцов художественной резьбы. Последняя представлена наличниками, балясинами, ковшами, ложками, чашками. Большую ценность представляет княжал рыцарского типа, впервые найденный на Руси. Найдено много орудий труда: сошников, молотов, топоров. Богато представлены украшения и предметы быта: кошельки, иконы и др. Много шиферных пряслиц и стеклянных браслетов. О высоком уровне грамотности свидетельствуют надписи на сапожной колодке, туесе, пряслице и костяной стреле. Получен материал, характеризующий широкий размах торговли Новгорода. Ценный материал получен при исследовании городского вала.

В Новгороде на площади Ярославова Дворища Б. К. Мантейфель открыл наслоения, начиная с X до XIX в. В нижних слоях обнаружены срубы, являющиеся остатками лавок и кладовых XII—XIV вв. Найден богатый материал, всесторонне характеризующий культуру Новгорода.

Кроме отмеченных работ, под руководством А. Л. Монгайта проводились небольшие раскопки, связанные с архитектурным обследованием Софийского собора, позволившие воссоздать его первоначальный облик.

В Пскове С. А. Тараканова произвела раскопки в Кремле и на Анастасьевской горке в «Окольном городе».

В Кремле были заложены два раскопа, вскрывшие крупный кривический поселок, существовавший до основания Псковского кремля. Интересны хорошо сохранившийся языческий жертвенник VIII—IX вв. и деревянные мостовые IX—X вв.

Во втором пункте был вскрыт комплекс построек XVII в. и ценный материал XII в., свидетельствующий о сравнительно раннем заселении этой части Пскова.

В Старой Ладогге, одном из интереснейших памятников древней Руси, В. И. Равдоникасом исследовались слои VIII—X вв., давшие богатый материал по этногенезу славянства и истории сложения города. Раскопки открыли коллективные большие дома, с большими хозяйственными пристройками, кладовыми и скогными двора-

ми. Среди материала лепная керамика раннеславянских типов, деревянные чаши, ковши, части ткацкого станка, детские деревянные мечи, ткани шерстяные и льняные, обувь, большое число железных вещей и украшений. Из культурных растений обнаружены лен, ячмень, просо.

Заслуживает внимания отсутствие в этих слоях норманских вещей. Исследователи полагают, что поселок принадлежит пришедшим в VII—VIII вв. с юга славянам, принесшим с собой высокую земледельческую культуру.

В Рязанской области Н. П. Милонов произвел археологические разведки на горе Гневне и у села Борок под Рязанью.

В первом пункте обследованы могильник XIV в. и небольшое селище, одновременные Пронскому городищу. У села Борок обследован известный Борковский остров, где собран подъемный материал и обследовано селище, давшее славянскую керамику XII в.

В Костромской области на берегу Галичского озера М. Е. Фосс исследовала стоянку у пристани «Умиление», с очагом и неглубокой землянкой с сетчатой керамикой.

Большую ценность представляют остатки древней «железоплавильни».

В Вологодской области А. Я. Брюсовым произведены небольшие раскопки, в Вышегорском районе на Кушоере — острове Илексе, стоянки, относящейся ко времени развитого неолита.

В Мурманской области на побережье Баренцова моря Н. Н. Гурина открыла 32 поселения, из них 27 неолитической и железной эпохи. Открытые стоянки носили временный, сезонный характер. Раскопки стоянки на Екатерининском острове дали материалы для изучения охоты, объектами которой были морж, тюлень, бобр. Раскопки Оленеостровского могильника дали инвентарь, сходный с вещами стоянки на Екатерининском острове.

В Мордовской АССР П. Д. Степанов продолжал исследование городища Ош-Панда, начатое им в 1946 г. Памятник содержит два комплекса — фатьяновский и древнемордовский. Вскрыты и детально изучены древнемордовские жилища прямоугольной формы. Фатьяновский комплекс, повидимому, принадлежит разрушенному могильнику.

В Чувашской АССР М. С. Акимова раскопала близ выселок Тауш-Касы Цивильского района несколько погребений абашевской культуры.

В Татарской АССР Казанским филиалом АН СССР под руководством Н. Ф. Калинина произведено обследование района рек Ахтай — Бездны, где открыто 78 разнотипных памятников, в числе их городища, селища, могильники, стоянки, древние валы.

Большинство памятников относится к добулгарской и булгарской культуре. Интересны эпиграфические находки XIV—XV вв., ранние стоянки конца II тыс. до

н. э. и добулгарские: Измарский и Куйбышевские могильники.

Объединенной экспедицией московских и казанских научных учреждений, под руководством А. П. Смирнова производились исследования развалин столицы волжских булгар — города Болгары.

В центре городища отрядами Э. А. Акчуриной и О. С. Хованской открыты металлургические мастерские, кричные горны, домницы и дома ремесленников, в частности резчика по кости. Интересна находка чугунного котла в слое XIV в.

Исследования могильника на Бабьем Бугре, проведенные отрядом А. М. Ефимовой, дали ценный антропологический материал X—XI вв. с рядом украшений XI—XII вв. Ниже кладбища открыто поселение с четырехугольной землянкой и керамикой городцевого типа.

А. В. Збруева продолжила раскопки Луговской стоянки эпохи поздней бронзы, закончив исследование комплекса жилищ, состоявшего из шести полуземлянок, соединенных между собой проходами. Кроме жилищ А. В. Збруевой исследован ряд погребений, синхронных стоянке.

В Молотовской области И. А. Талицкая произвела археологическое обследование в районе Чердыни в целях уточнения составляемой ею археологической карты Камского бассейна, а также выяснения сохранности некоторых памятников и возможности постановки стационарных работ.

О. Н. Бадер, работая в низовьях реки Чусовой, обследовал ряд памятников, известных по литературе, и открыл 15 новых стоянок и 9 ананьинско-пьяноборских селищ.

Е. М. Берс вела разведки по реке Пыжме, охватив район от ее истоков до с. Белоярского на протяжении 64 км. Она открыла небольшие стоянки у дер. Бутаковой и на р. Слюдянке близ дер. Становой, а также городище у дер. Боярки.

В Свердловской области Е. М. Берс произвела исследование двух стоянок и одного жертвенного места близ гор. Свердловска.

Стоянки, названные исследователем «1 и 2 новые», дали: первая (на левом берегу р. Исети) 3 очага и часть землянки, имевшей, как полагает исследователь, овальную форму. Интересно коническое покрытие, хорошо прослеженное в виде остатков столбов.

Стоянка «2-я новая», расположенная в 1 км вниз по течению р. Исети, содержала очаги и большой набор каменных орудий, среди которых представляет интерес сланцевая мотыга. Все памятники относятся к эпохе железа.

К. В. Сальников исследовал по берегам озер Сосновского, Березовского и Островного селища, на одном из которых изучены остатки наземного жилища четырехугольной формы с очагом в центре. Селища относятся к началу I тыс. до н. э.

Н. П. Кипарисова исследовала Ермаково городище на реке Тагил и произвела

раскопки левобережной Полуденской стоянки Полуденка II близ Н. Тагила, относящейся к эпохе бронзы. Полученный материал связывает стоянку с Шигирской культурой и стоянкой Полуденка I.

В Брянской области В. П. Левенок по берегам реки Десны обследовал: городище у с. Аральск, относимое к XI—XII—XV вв., городище и курганы у дер. Радутино. На реке Судости и ее притоках, рр. Бойне и Вабле, им открыто много городищ, селищ и курганов. Наряду со славянскими встречены и памятники более раннего времени — первого тысячелетия н. э. и стоянки с кремневым инвентарем.

В пределах Черниговской, Брянской, Курской и Орловской областей работала Деснинская экспедиция под руководством М. В. Воеводского. Раскопки произведены на Авдеевской стоянке солотрейской эпохи, стоянке «Мыс очкинский», городищах «Песочный ров» и Липинском. На первой стоянке обнаружено скопление костей мамонта, собрано несколько тысяч кремневых орудий. На стоянке «Мыс очкинский» обнаружена землянка. Кроме того, экспедицией детально обследовано 8 стоянок эпохи неолита, бронзы и железа и 6 городищ, в том числе юхновской и роменской культур.

В Курской области в районе Сейм — Оскол — Северный Донец производил разведку И. И. Ляпушкин, обследовавший одновременно некоторые районы левобережной Украины. Открытые памятники позволили установить, что южная граница восточного славянства VIII—X вв. не выходила за пределы лесостепи.

В Воронежской области на реке Битюг производила исследования В. П. Левашова. Заслуживают упоминания открытый курган с каменной бабой поздне-кочевнического типа; погребения золотоордынского времени близ с. Мечетки-Хреновского; а у Красного хутора, на правом берегу р. Мечетки, обследованные развалины горна XIII—XIV вв. для обжигания кирпича.

В Сталинградской области И. Н. Синицын произвел исследование курганов около села Пролейки, известных у местного населения под именем «Царские могильницы»; 4 небольших каменных кургана содержали скифские погребения. Близ Ларина пруда раскопано 6 курганов с 16 погребениями. Часть их относится к бронзовой эпохе, часть к скифской. Особого внимания заслуживает сруб над одной могилой, выстроенной из одного венца, покрытый плоским настилом. Такого рода сооружения для погребений бронзовой эпохи встречены впервые. Близ Саратова производились исследования на Алексеевском городище, имеющем ряд напластований от конца II тыс. до н. э. и до XV в. н. э.

В Грозненской области Е. И. Крупновым совершена разведка в Ачикулакском районе, где зарегистрированы курганы, частично раскопанные. Собранный коллекция вещей относится к различным эпохам, на-

чиная с эпохи бронзы до средневековья включительно.

Впервые в Центральной части Кавказа обнаружены могилы со скифским оружием и скифским погребальным обрядом.

В Кабардинской АССР, близ села Старый Лескен, Е. И. Крупновым вскрыт каменный курган со скорченным погребением, сопровождаемым изделиями в виде кремневых вкладышей, и несколькими вводными скорченными погребениями бронзовой эпохи. По мнению исследователя, Лескенский курган имеет важное значение для уточнения датировки ряда памятников эпохи бронзы. Близ Лескена вскрыты Кабардинские курганы XIV—XV вв. Огромную ценность представляет находка близ селения Жемтала в горном ущелье Псыган-су клада бронзовых вещей VII в. до н. э. В Советском районе раскопаны погребения алаано-хазарского времени. В Урожайненском районе обследовано известное в литературе городище Джулат, где найдена куфическая надпись на камне.

В Дагестане Е. И. Крупновым исследован могильник у Тарки близ г. Махач-Кала, давший погребения начала I тыс. до н. э. и сарматского времени (I—III вв. н. э.). Последние содержат украшения из бронзы, зеркала, фибулы, стеклянные, янтарные, коралловые бусы.

В Краснодарском крае Н. В. Анфимов вел раскопки относящегося к эпохе раннего эллинизма могильника на Пересыпи (Тамальский район), а также произвел рекогносцировочные работы на р. Лабе, открывшие многие новые городища скифо-сарматского времени.

К. Ф. Смирнов в той же области вскрыл погребения Пашковского могильника № 3, относящегося к IV—III вв. до н. э. и представляющего собой некрополь местного мезотского населения.

На Таманском полуострове М. М. Кобылина исследовала городище Фанагория, где особый интерес представляет открытая ею мастерская коропаостов эллинистического времени, давшая богатый материал для характеристики местного боспорского искусства. На берегу открыты остатки монументальной стены и вымостки римского времени, свидетельствующие о границе восточной части города. Найдены почетная стела с греческой надписью и золотой стater Августа.

А. С. Башкиров обследовал городище Патрей на Таманском полуострове и произвел его глазомерную съемку. Открыта круглая винодельня римского времени.

В Крымской области В. Д. Блаватский продолжил начатое им в 1945 г. планомерное исследование Пантикапея. Раскопками 1947 г. установлено, что террасная планировка города возникла в IV—III вв. до н. э. В районе Эспланадной улицы обнаружена винодельня римского времени и рядом две цистерны. В слое эллинистического времени открыты развалины жилых построек. Найдены капитель и

куски расписной штукатурки. У подножья 2-го кресла Митридата открыты развалины большого общественного здания эллинистического времени, сложенного из монументальных, хорошо обтесанных блоков. Из находок интересны образцы местной керамики с лепным и рельефным орнаментом, образцы расписной посуды, монеты, светильники, терракоты и детали античной и средневековой архитектуры.

В. Ф. Гайдукевич руководил Боспорской экспедицией, продолжавшей свои многолетние исследования на Керченском полуострове. Два отряда, имея целью изучение жилых кварталов Мирмекии и Тиритаки, выяснили террасообразную планировку последней. В Тиритаке открыты слои VI в. до н. э. Интересна находка эллинистических терракотовых статуэток.

В слоях римского времени обнаружены материалы, позволяющие утверждать, что основой хозяйства Тиритаки в первых веках н. э. был рыбный промысел. В Мирмекии открыта часть большого здания III в. до н. э. Представляет интерес находка каменного топора эпохи поздней бронзы, относящегося, повидимому, к киммерийской эпохе. Третий отряд работал у деревни Ивановка (в 16 км от Керчи) на месте древнего города Илурата. Здесь вскрыты хорошо сохранившиеся стены и сделано много находок, характеризующих это поселение в римское время.

И. Б. Зеест произвела разведки на городище Киммерик (расположенном между горой Опук и соленым озером Элькен на Керченском полуострове) и на вершине горы Опук. Кроме фиксации сохранившихся остатков монументальных крепостных сооружений произведены зачистки, позволившие сделать заключение о структуре и времени сооружения стен (I в. до н. э.—I в. н. э.) и характере культурных напластований.

Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон, продолжая прерванные войной раскопки в Херсонесе, открыли ряд жилых и хозяйственных сооружений.

Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца развернула большую работу в горном Крыму и на городище Неаполь Скифский. В Неаполе исследованы укрепления, городские ворота и комплекс зерновых ям, обнаруженных у ворот. Открыто большое число погребений, начиная от бедной могилы и кончая земляными склепами и царской гробницей в мавзолее. Раскопки подтвердили, что поздние скифы создали в Крыму высокую культуру городского хозяйства.

Бахчисарайским отрядом этой экспедиции, руководимым Б. В. Веймарн, обследованы верхнее течение р. Салгир, часть южного берега Крыма, район Алушты и восточная часть Крымского гос. заповедника. Зарегистрировано большое число разновременных памятников таврских, скифских, сарматских и средневековых.

Большой интерес представляют таврские укрепления и материал из каменных ящиков.

В Красноярском крае и Тувинской авт. обл. производила обследование экспедиция под руководством Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева. Открыты многочисленные памятники, относящиеся к разному времени. Закончено исследование многокомнатного богато украшенного бронзовыми рельефами дворца гуинского наместника «в земле Хягяс» близ Красноярска. Южнее, от Саян до озера Усма-Нур, выявлено большое число курганов, надписей и писаниц на скалах и стелах «Оленных камней» и каменных баб. Собраны ранее неизвестные орхоно-енисейские надписи VII—VIII вв. н. э. и несколько тибетских и монгольских.

Установлено отличие тувинских могильных сооружений от памятников Минусинской котловины и сходство их с алтайскими и монгольскими.

Собранный материал позволяет разрешить вопрос о расселении племен енисейских кыргызов. В результате этих данных очевидно, что территория Тувинской авт. обл. не была заселена кыргызами. Кыргызы-хакасы населяли в древности бассейн среднего Енисея, в том числе современную Хакасскую автономную область.

На Алтае С. И. Руденко исследовал богатый курган в местности Пазырык. Под каменной насыпью в мерзлой земле обнаружены трупы семи захороненных коней с седлами и уздечками. Могильная камера с двойным потолком оказалась заполненной льдом. Почти все ценности были похищены в древности. Кроме гроба-саркофага найдены трупы мужчин и женщин, остатки одежды, домашняя утварь, резная деревянная посуда, резные столы, ткани, кожа, меха, кошмы с художественной аппликацией, музыкальные инструменты и большое число украшений, выполненных в зверином скифо-сибирском стиле.

В Якутии, в долине р. Селенги, экспедиция под руководством А. П. Окладникова обследовала Кяхтинский обрыв с остатками древней фауны и рядом погребений, из числа которых наиболее древними являются плиточные могилы эпохи бронзы и раннего железа. Наиболее интересным является погребение у Хараксурии-Ури, в котором сохранился целый череп с украшениями из сердолика. Более поздними являются кочевнические погребения XII—XIII вв. в могиле на горе Ирхынеева того же времени.

Э. Р. Рыгдилон провел разведочные работы в Хакасской авт. обл. в Минусинской котловине, а также небольшие раскопки близ с. Шира, вскрыв курган, относящийся к тагарскому времени.

А. П. Липский на территории г. Абакана раскопал несколько погребений карасукского времени, сделав при этом много новых наблюдений над погребальным обрядом, позволяющих уточнить некоторые его детали.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории

ГИМ — Государственный исторический музей

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

ЗСОРГО — Западно-сибирское отделение русского географического общества

ИАК — Известия археологической комиссии

ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР

ИИЯиЛ — Институт истории языка и литературы Академии наук СССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР

ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР

ОАК — Отчет Археологической комиссии

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

ТКУ — Сборник «Трипільська культура».

ТСА — Труды секции археологии

WPZ — Wiener Prähistorische Zeitschrift

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1947 г.	3
Академик Б. Д. Греков. Вступительное слово	3

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР	7
П. И. Борисковский. Основные группы палеолитических местонахождений Среднего Поднестровья	12
А. П. Черныш. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР	15
<u>М. В. Воеводский</u> . Памятники каменного века на Десне	22
А. Я. Брюсов. Северная археологическая экспедиция	27
М. Е. Фосс. Итоги Галичской экспедиции	34
А. В. Збруева. Камская экспедиция	40
О. Н. Бадер. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции	45
Т. С. Пассек. Трипольское поселение Владимировка	47
Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии	57
А. Е. Алихова. Выхватинский могильник	6
О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане	7
К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3	8
Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище „Большая Сахарна“	93
С. И. Руденко. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов	97
М. П. Грязнов. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах	110
Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция	120
А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира	128
А. Н. Бернштам. Археологические работы в Южном Казахстане	134

ХРОНИКА

В. И. Мошинская и А. П. Смирнов. Археологические исследования в РСФСР за 1947 г.	134
--	-----

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства С. Т. Попова. Технический редактор Е. Н. Симкина

*

РИСО АН СССР № 3259. А-03267. Издат. № 1829. Тип. заказ № 2146. Подп. к печ. 3.V. 1949 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Печ. л. 8^{3/4} + 1 вклейка. Уч.-изд. л. 11,85. Тираж 1500

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
93	9 сн.	трапециедную	трапециевидную
94	3 сн.	200 м ²	200 м
118	В надписи к рис. 47	фоминская культура VI—V вв. до н. э.	фоминская культура V—VII вв. н. э.
120	20 сн.	оградникам	оградкам
137	22 сн.	И. Н. Синицын	И. В. Синицын

Краткие сообщения ИИМК, в. XXVI